

Л. ШАПОШНИКОВА

По Южной Индии

Людмила Шапошникова

По Южной Индии

От автора

Я прожила в Индии год, с июня 1958 по июнь 1959. Это много и мало. Много, потому что каждый день этого года приносил с собой что-нибудь необычное и интересное. Мало, потому что все это необычное и интересное требовало своей оценки и вызывало большие раздумья.

Индия — огромная своеобразная страна. Один город не похож на другой, жители севера не знают языка южан, на горных хребтах Кашмира лежит снег, а вечнозеленые кокосовые пальмы на берегу Индийского океана залиты тропическим солнцем. В этой стране уживаются рядом сказочное богатство феодала и нищета фабричного пролетария, вырастают современные металлургические комбинаты, а в нескольких милях от них крестьянин обрабатывает землю первобытной мотыгой. В сознании людей древняя вера в шестирукого Шиву и астрологию непостижимым образом переплетается с искренним преклонением перед страной социализма и космическими ракетами. В Индии одни женщины занимают министерские посты, а другие всю жизнь проводят в четырех стенах зинаны, боясь показаться на глаза чужому мужчине, средневековые предрассудки причудливо сочетаются с передовыми идеями социального прогресса, а народ, прогнавший чужеземных завоевателей, вступает в новую жизнь. Новая жизнь прокладывает себе путь в условиях острых социальных противоречий и конфликтов. И это закономерно, ибо все старое и отживающее, все, что мешает стране двигаться вперед, не уходит добровольно.

Наследие колониального прошлого — не общая фраза. Миллионы нищих и безработных, голодные глаза индийского крестьянина, рабочие, спящие на тротуарах больших городов, разоренное сельское хозяйство и нехватка металла и машин для промышленности, горы сверкающих драгоценных камней и золота в сокровищницах бывших раджей и князей, верных союзников английских поработителей, жадные руки ростовщиков и иностранные компании, обескровливающие финансы молодой республики, попранное человеческое достоинство и души, оскверненные долгими годами

колониального рабства, — все это тяжелое и обременительное наследие... И не так просто его ликвидировать. Но все то новое, что пришло в Индию с независимостью, уже дало неотвратимые и сильные ростки. Это государственные металлургические и машиностроительные заводы, электростанции и оросительные каналы, тракторы на полях государственных и кооперативных ферм, пятилетние планы экономического развития и всеобщее избирательное право, школы в деревнях и первые технические институты в крупных городах.

Однако мне не удалось побывать у домен металлургического комбината в Бхилаи, я не видела строителей Бхакра-Нангальской плотины и не разговаривала с работниками государственных ферм. Я видела другое — повседневную жизнь народа. Мне удалось объездить значительную часть Южной Индии: Хайдарабад и Аурангабад, Виджаяваду и Бомбей, Мадрас и Тривандрам, мыс Коморин и пещерные храмы Эллары и Аджанты, Куилон и Алеппи, деревни Телинганы и Южной Андхры. И, конечно, невозможно в небольших очерках одной книги рассказать обо всех моих впечатлениях. Да я и не стремилась к этому. Главное для меня состояло в другом. Я ездила по стране одна, без провожатых и переводчиков. Нередко месяцами не слышала ни одного русского слова. Вокруг были только индийцы. Их жизнь со всем ее своеобразием шла перед моими глазами. И я поняла, что новое не только Бхилаи и Бхакра-Нангал. Новое пришло и в повседневную жизнь народа, что, на мой взгляд, не менее важно, чем гигантские стройки и новые сельскохозяйственные машины. Поэтому я решила рассказать именно об этих переменах, которые происходят в стране повсюду.

Но писать только о новом — значит, во-первых, дать неправильное представление о жизни Индии и, во-вторых, даже преуменьшить значение этого нового и прогрессивного, недооценить ту трудную и сложную борьбу между новым и старым, которая сейчас охватывает бывшую колонию. Мне хотелось дать картину и старого, отживающего, что осталось в стране от ее печального наследия. Насколько это удалось — судить не мне. Можно сказать только одно. Очерки не претендуют на полное и систематическое освещение сложного процесса борьбы между старым и новым. Естественно, я не могла дать и доскональной картины соотношения сил старого и

нового. Но я старалась в своих разрозненных впечатлениях, в событиях, свидетелем которых мне пришлось быть, в тех фактах, которые я узнавала, все-таки выяснить место нового и определить, сколь глубоки и крепки корни старого мира.

Мне хочется отметить и еще одно обстоятельство. В Индии я встречалась с разными людьми, приобрела немало друзей. Но, конечно, мне часто не доставало той удивительной атмосферы нашей жизни, которую мы просто не замечаем до того момента, когда оказываемся в чужой стране.

Жить вдали от Родины не так-то легко. Но в Индии я никогда не была одинокой. Меня окружали люди, чье теплое дружелюбие и искреннее гостеприимство скрасили этот долгий (как мне показалось) год. Мне часто помогали, даже когда я не нуждалась в помощи. И делали это нередко совсем незнакомые люди. Относились ко мне хорошо потому, что я приехала из СССР. Я всегда чувствовала искреннее восхищение нашей страной, ее народом, ее достижениями. По праву заслуженные Советским Союзом уважение и любовь народа — новая и важная черта в жизни современной Индии.

Земля Андхра

Хайдарабад — столица Андхра Прадеша

В Москве мне сказали: «Поедете в Хайдарабад». Хайдарабад... Интересно и в то же время страшно. Интересно, потому что это город бывшего низама, город, где еще сохранились средневековые и феодальные традиции. Страшно, потому что я жила при социализме, жить при феодализме мне не приходилось и я не умела этого делать.

Но вот оставлен позади шумный Дели, пересечено пол-Индии, и я — в Хайдарабаде.

Целыми днями хожу по городу и никак не могу отделаться от ощущения, что сотни лет прошли для него почти бесследно. Это чувство с особой силой возникает в старой части Хайдарабада. Здесь порой кажется, что я случайно попала и средневековый восточный город, силой волшебника из «Тысячи и одной ночи» воскрешенный в XX веке. И только когда я открываю для себя приметы нового времени, это ощущение постепенно покидает меня. Становится ясным, что Хайдарабад — город удивительных контрастов, где причудливо переплелись нищета и роскошь феодальных времен с социальными противоречиями капиталистического города.

...По широкой улице движется нескончаемый поток велорикш, автомобилей, мотоциклов. Лавируя между машинами, снуют тонги^[1] с запряженными в них низкорослыми лошадьми. Уличный шум покрывают крики разносчиков — торговцев фруктами и сладостями. Вдоль улицы тянутся добротно построенные красивые здания. В них расположены магазины, торгующие импортными товарами, индийским текстилем и кустарными изделиями. В ярко освещенных тропическим солнцем витринах магазинов переливаются всеми цветами радуги знаменитые бенаресские сари, мерно покачиваются японские заводные игрушки, сверкают лаком ботинки фирмы «Батя».

Это Абид-роуд — деловой торговый центр Хайдарабада. Здесь же находятся лучшие отели города и Государственный банк штата Андхра Прадеш.

Абид-роуд — часть нового города. Река Муси, вдоль берегов которой растут бананы и кокосовые пальмы отделяет старый город от Нового.

Контрасты феодального города особенно бросаются в глаза в старом Хайдарабаде. Богатые дворцы раджей, скрытые в густой зелени садов, и тут же слеplенные из глины и прикрытые пальмовыми листьями лачуги бедноты, весьма отдаленно напоминающие человеческое жилье. Здесь в пыли грязных дворов и улиц копошатся полуголые ребятишки, плохо одетые женщины занимаются своими домашними делами, оборванные нищие кланчат у прохожих медные пайсы.

В старом городе узкие улочки, на которые выходят внешние глухие стены одноэтажных домов бывшей мусульманской знати. Эти улицы запутанными и пыльными дорогами ведут к старым торговым центрам — Осман-базару и Бегам-базару. Маленькие и темные рыночные лавчонки контрастируют с современными магазинами Абид-роуда. Хозяева лавочек сидят прямо на полу, поджав под себя ноги. Зачастую эти грязные и неуютные помещения носят громкие и претенциозные названия. Вхожу в одну из лавок. Ее содержимое — модные позеленевшие статуэтки сомнительного качества, довольно искусная подделка древних монет, полуразбитые стеклянные изделия. Тем не менее хозяин вручает вам визитную карточку, на атласной бумаге которой значится: «Индийский музей искусств». На полу другой лавки в беспорядке валяется небольшая стопка пропыленных, растрепанных книг. Над входом вывеска — «Хайдарабадский книжный центр».

Из этих лавок вы снова попадаете на оживленные улицы юрода. На тротуарах многих из них расположились букинисты.

Среди книг, лежащих на земле, можно найти редкие старые издания на персидском и арабском языках, «Капитал» и Коран, труды Ленина и детективную литературу, изданную в США.

Обилие книг на улицах — одна из особенностей Хайдарабада. Во многих книжных магазинах и газетных киосках продаются журналы, изданные в СССР, а также индийская коммунистическая пресса. Спрос в городе на эти издания довольно большой. Еженедельник Коммунистической партии Индии «Нью эйдж» раскупается уже на следующий день после выхода.

Весь день улицы города заполняет живописная толпа. Здесь и седобородые мусульмане в ширвани^[2] строгого покроя и в высоких фесках, и индусы в цветных тюрбанах и дхоти, женщины в ярких сари. Мерно звенят медные украшения на женщинах племени банджара. Короткие юбки банджара зелено-красно-желтыми пятнами сверкают на фоне красочных одежд горожан.

Вдоль тротуаров примостились на корточках продавцы сладостей, фруктов, листьев пана. Около торговцев паном стоят ведра с водой, и продавцы время от времени поливают листья, чтобы они сохраняли свежесть. Тут же на тротуарах разложены гирлянды мелкого жасмина. Женщины любят вплетать их в волосы.

На углах людных улиц работают цирюльники. Их несложный инструмент лежит рядом на грязных полуистертых циновках. Обычно услугами таких парикмахеров пользуются приехавшие на рынок крестьяне, торговцы, рикши, простой люд.

Хайдарабад расположен на гранитной возвышенности Декана. Огромные валуны разбросаны по всему городу. Три зеркальных озера, окруженных стройными кокосовыми пальмами, дают прохладу в жаркие летние дни.

В недавнем прошлом Хайдарабад был столицей крупнейшего княжества Индии — Хайдарабада. Город основан в 1590 году Мухаммедом Кули Кутуб Шахом, правителем Голконды, и вначале назывался Бхагьянагаром — городом удачи. До 1800 года Хайдарабад был столицей всей Андхры, части Махараштры и Карнатака. Когда Южная Андхра была присоединена к территории Британской Индии, Хайдарабад остался в качестве столицы одноименного феодального княжества. После реорганизации штатов в Индии, повлекшем за собой ликвидацию феодальных княжеств, Хайдарабад остался столицей вновь созданного национального штата Андхра Прадеш.

Хайдарабад — пятый по величине город Индии. Его население превышает миллион человек. Значительная часть жителей (свыше 45 %) говорит на урду. Вторым языком, по числу говорящих на нем, является телугу, затем идет хинди, маратхи, каннада, тамили. В городе около половины населения — мусульмане. Да это и не удивительно, так как до недавнего времени он был резиденцией низама, одного из крупных мусульманских правителей. В городе также много индусов и около полутора тысяч парсов. О парсах напоминает расположенная

неподалеку от Османского университета знаменитая «башня молчания». Это своеобразное место захоронения парсов, здесь птицы-«санитары» пожирают тела умерших.

Над многолюдными улицами, над домами с плоскими крышами высятся кружевные минареты мечетей, затейливо украшенные фасады дворцов, тянутся через город древние крепостные стены с арками каменных ворот. Хайдарабад богат историческими и архитектурными памятниками, большинство которых находится в старой части города. Четко выделяются на ярком фоне синего неба четыре минарета знаменитого «Чар-минара». Это наиболее древнее и замечательное сооружение города, построенное в архитектурном стиле могольской Индии. «Чар-минар» был создан в 1591 году в период правления основателя города Кули Кутуб Шаха. Высота минаретов этого удивительного памятника около 57 метров. Четыре арки «Чар-минара» обращены на восток, юг, запад, и север. От «Чар-минара» ведут узкие улицы, где жмутся друг к другу тесные лавчонки и где трудно проехать на автомобиле.

В Хайдарабаде находится одна из крупнейших и красивейших мечетей Индии — «Мекка-масджид». Она была выстроена по образцу священной мечети в Мекке. Ее сооружение было начато в 1600 году при Кули Кутуб Шахе и завершено только в 1687 году при Аурангзебе — могольском падишахе, завоевавшем Голконду. Четырехугольное, правильной формы здание мечети поддерживается колоннами, вырубленными из целого камня. Мечеть украшена четырьмя небольшими резными минаретами. В дни мусульманских праздников «Мекка-масджид» вмещает до десяти тысяч молящихся. Во дворе мечети, вымощенном белым мрамором, стоит высеченная из черного камня скамья. Существует поверье, что тот, кто посидит на этой скамье, обязательно еще раз побывает в Хайдарабаде. Начиная с 1800 года низами Хайдарабада избрали эту мечеть местом своего погребения. В белом мраморном павильоне мечети находятся могилы предков и родственников последнего низама. Мраморные надгробия покрыты кусками желтой ткани, на некоторых из них лежат цветы.

На одной из центральных улиц старого города расположен дворец последнего Салар Джанга^[3] — наваба Мир Юсуф Али-хана. Владелец дворца умер в 1949 году, оставив после себя великолепную коллекцию произведений искусства, собранную им в течение жизни. В 1951 году

правительство независимой Индии объявило дворец и находящиеся в нем сокровища государственной собственностью и открыло музей. Музей Салар Джанга — один из крупнейших в Индии. В более чем ста комнатах музея вы найдете картины и фарфор; ковры и мебель, оружие и художественные изделия, вывезенные из Англии, Франции, Италии, Бирмы, Индонезии, Китая, Японии. Но наиболее богато в музее представлена Индия. Редчайшие произведения индийских ремесленников из слоновой кости и сандалового дерева, прекрасно сделанные вещи домашнего обихода, одежда — все это теперь доступно для обозрения широкой публики. Здесь же, в музее, хранятся тюрбан, меч и походное кресло мужественного правителя Майсура Типу Султана, в борьбе против которого низам Хайдарабада выступал в качестве верного союзника английских поработителей.

Музей владеет прекрасной коллекцией индийской миниатюры, а его библиотека располагает богатым собранием рукописей: арабских, персидских, индийских.

Дорогой, идущей по широкой плотине, пересекающей простор озера Хуссейнегар, Хайдарабад соединен с Секундарабадом. Эти два города-близнеца по существу и являются одной столицей штата Андхра. В период британского господства и существования княжества Хайдарабад Секундарабад был городом, где размещался британский военный гарнизон, находились колониальные власти. Сейчас здесь расположены деловые и государственные учреждения штата.

Гибель класса

Когда-то система феодальных княжеств являлась одной из опор английских колонизаторов в Индии. И самое значительное место в этой системе занимало княжество Хайдарабад. «Наш верный союзник» — так называли низама Хайдарабада чужеземные завоеватели. В честь низама гремели салюты из 21 пушки. Остальных князей удостаивали менее громким приветствием. Поддерживая феодальные княжества, колонизаторы искусственно сохраняли в них чудовищную жизнь феодального класса, давно уже ставшего анахронизмом.

Феодальная знать Хайдарабада носила пышные титулы и владела огромными земельными угодьями — джагирами. Низам раздавал джагиры в «кормление» своим придворным, раджам и навабам.

Феодалы, выжимая последние соки из крестьян, строили пышные дворцы, покупали драгоценности, содержали огромный штат слуг и развратничали. Так было из поколения в поколение. Сотни лет праздной и нездоровой жизни формировали характер и наклонности знати. Потомки некогда могущественных завоевателей Декана в оранжерейной атмосфере княжества превратились в слабых и выродившихся самодуров, ослепленных собственным богатством и властью, с сознанием, затемненным религиозным фанатизмом. Неизменный спутник обреченных, удушливо чадающий факел фанатизма заменил этим людям мировоззрение и превратил человеческую веру в будущее в туманную и беспомощную мечту о потустороннем мире. Невежество и средневековые предрассудки навабов, и раджей Хайдарабада не смогло побороть и современное английское образование, которое многие из них получили в Оксфорде и Кембридже. Жадными, но уже бессильными руками цеплялись они за обломки разваливавшейся колониальной империи. Холодный, отупляющий ужас закрадывался в их опустошенные души — ужас предчувствия скорого конца, страх быть заживо погребенными под развалинами мрачного здания колониального режима.

В 1947 году англичане вынуждены были уйти из Индии и перед уходом расчленили ее на два доминиона — Индию и Пакистан. Низам Хайдарабада стал лелеять мечту о превращении княжества в самостоятельное мусульманское государство. Из Хайдарабада в Дели на имя последнего вице-короля Индии лорда Маунтбэттена приходила обильная корреспонденция. «Верный союзник» в своих письмах доказывал право княжества на самостоятельное существование.

Лорд Маунтбэттен был занят процедурой раздела и неохотно отвечал на призывы низама о помощи. Правда, идеи низама нашли определенную поддержку в английских правящих кругах. Низам умолял вице-короля приехать в княжество. Но земля уже горела под ногами колонизаторов, и английским империалистам было не до «верного союзника». Последний призыв низама так и остался без ответа. Лорд Маунтбэттен покинул Индию в июне 1947 г., предоставив низаму самому (к чему он, естественно, не привык) решать судьбу своих владений.

Однако сколь ни горько было разочарование низама в своих бывших хозяевах, он решил действовать на свой страх и риск.

Сумасбродная идея возродить былое величие мусульманских правителей Декана овладела феодальной знатью княжества. В Хайдарабад потянулись наемники и авантюристы, «борцы за веру». Из них формировались новые отряды для армии низама. Спешно увеличивалось число разакаров — членов военизированной организации, созданной реакционной партией «Иттихад-уль-муслимин» («Союз мусульман»). Разакары были вооружены старыми английскими ружьями и средневековыми мечами. Во главе разакаров стал Касим Разви, один из приближенных низама. К 1948 году у низама оказалось 22 тысячи регулярных войск, 10 тысяч нерегулярных, 10 тысяч арабов-наемников и отряды крупных джагирдаров, 10 тысяч полицейских и 200 тысяч разакаров. Главнокомандующим этой армией был назначен генерал Эль-Эдрус. Феодальная реакция готовилась дать решительный бой независимой Индии.

Случилось то, что обычно происходило, когда встречалась разношерстная феодальная армия с частями, представлявшими более передовые социальные отношения. Давно отвыкшие владеть оружием джагирдары и равнодушные к судьбе своих хозяев наемники побежали. Вся кампания заняла четыре дня. Армия низама была окружена, и генерал Эль-Эдрус сдался. 13 сентября индийские части вошли в столицу — Хайдарабад. В княжестве ввели военное положение, распустили разакаров, репатриировали наемников. Но с низамом обошлись весьма почтительно. Он был назначен раджпрамуххом (правителем) нового штата Хайдарабад. Однако в штате было создано законодательное собрание, хотя и с ограниченными правами. Покорившись своей участи, низам все-таки продолжал считать себя личностью выдающейся и имеющей исключительные права. Для того чтобы его бывшие подданные не забывали об этом, низам ездил в автомобиле, нарушая уличное движение, по противоположной стороне. Все смертные соблюдали левостороннее движение, низам — правостороннее.

Шли годы... В бывшем княжестве реформа феодальной системы землевладения привела к конфискации обширных имений джагирдаров. Этим была в корне подорвана экономическая основа феодального класса. Раджи, навабы и более мелкая знать получили известную компенсацию за утраченные владения. Времена, когда

доходы непересыхающей рекой текли в карманы феодалов, отошли в прошлое. Начался медленный процесс гибели класса.

В 1956 году княжество Хайдарабад прекратило свое существование. Небольшая его часть, Хайдарабадская Телингана с городом Хайдарабадом, вошла в состав нового национального штата Андхра Прадеш. Власть раджпрамукха была упразднена. Низам превратился в частное лицо, лишенное каких либо политических и административных полномочий. Теперь законодательные функции в штате осуществляет полноправное законодательное собрание. Собрание имеет две палаты — верхнюю и нижнюю. Большая часть депутатских мест принадлежит партии Национальный конгресс. Некоторые партии, представленные в собрании, были когда-то запрещены правительством низама.

Старое не уходит добровольно в небытие, оно цепко держится за жизнь. В бывшей столице княжества это чувствуется особенно остро. Здесь сосредоточилась служилая знать низама, живые носители отживающих традиций. Сожаление об ушедших временах звучит в разговорах зажиточных мусульман. В некоторых учреждениях и лавках еще висят портреты низама.

Последний Могол. «Королевство» на Кинг-Коти-роуд

Когда-то в одной из книг об английской колониальной империи я увидела такой снимок: под сводами высокого зала на кресле-троне восседает хайдарабадский низам в высокой белоснежной чалме. Драгоценные камни украшают его одежду. По левую и правую руку низама стоят придворные. Их мундиры и сюртуки блещут драгоценностями и замысловатыми украшениями. Лица подобострастно повернуты к повелителю. Дословно не помню, что было написано под этим снимком, но приблизительно это звучало так: могущественный потомок Великих Моголов со своей блестящей свитой. Все выглядело действительно очень внушительно. Книга, кажется, была издана году в 1918–1919.

А теперь, много лет спустя, на одной из тихих улиц Хайдарабада, расположенной по соседству с главной магистралью Абид-роуд, я увидела человека. Он был небольшого роста, неверная старческая походка выдавала его преклонный возраст. Человек был одет в поношенное ширвани, из-под несвежих измятых широких брюк-паджамы виднелись стоптанные туфли, на голове красовалась темно-красная высокая феска, которую обычно носят хайдарабадские мусульмане. С невыразительного и незапоминающегося, изрезанного морщинами лица смотрели подслеповатые тусклые глаза. Человек медленно прогуливался около вычурных ворот. Это был генерал-лейтенант, его высочество Асаф Джах Музаффар-уль-Мульк Вал Мамалик Низам-уль-Мульк Низам-уд-Даула Наваб Мир сэр Усман Али-хан Бахадур, Фатех Джанг, верный союзник британского правительства, низам VII Хайдарабада. Я не могла найти ничего общего между ним и тем, кто был изображен на снимке в английской книге. Я пристально разглядывала этого жалкого носителя пышного титула, бывшего властителя огромного княжества. Низам посмотрел в мою сторону и недовольно отвернулся. Очевидно, на его взгляд, я была только ничтожной женщиной, которой не пристало так бесстыдно разглядывать чужих мужчин, а тем более его высочество, считавшееся первым после Аллаха. Я, естественно, так о себе не думала и не хотела

упускать случая получше разглядеть последнего Могола, чья жизнь была окружена целым сонмом легенд. Но, увидев живого низама, я поняла, что многие легенды не имели под собой реального основания, а некоторые были и справедливыми.

Могол сказочно богат и удивительно скуп. Поношенное ширвани и стоптанные туфли говорили сами за себя. В гараже низама стоят новейших марок блистающие лаком и никелем «роллс-ройсы», «паккарды», «кадиллаки». Но сам он ездит на замызганном «форде» образца 1934 года. Многочисленные дворцовые слуги живут впроголодь, и охрана сверкает босыми пятками. Страсть к бессмысленному накоплению гложет душу Могола. Копить деньги и драгоценности, безделушки и одежду, дома и автомобили. Забрать в свои жадные руки все, что может дать этот мир, не выпускать ничего, не давать другим и даже не пользоваться самому.

Род седьмого низама Усман Али-хана ведет свое начало от властительного Асаф Джаха, наместника Декана при имраторе Аурангзебе. Говорят, Асаф Джах состоял в каких-то дальних родственных отношениях с императором, поэтому низамы всегда причисляли себя к могольской династии.

Седьмой низам появился на свет в 1884 году. Его воспитание было поручено англичанину сэру Бриану Гертону. Сэр Бриан заботливо формировал вкусы и наклонности своего владетельного воспитанника. Традиционная лакейская преданность дома низамов своим заморским хозяевам, уже с детства заложенная в Усман Али-хане, прекрасно дополнялись системой английского образования. В 1911 году, после смерти низама VI Махбуб Али-хана, Усман Али-хан занял трон княжества.

Круг интересов и занятий молодого низама был весьма обширен. Первым серьезным его увлечением была английская фирма «Джон Бартон и К°». Фирма шила на низама. Поношенные ширвани еще не были в моде, и портные от Джона Бартона присылали во дворец «сарапа»^[4], украшенные драгоценностями. Самыми дорогими были четыре «сарапа»: одна — расшитая жемчугом, другая — изумрудами, третья — бриллиантами, четвертая — рубинами. Расточительность молодого правителя вызывала тревогу во дворце.

Затем в залах дворца, пугая правоверных мусульман, загремел американский джаз. На танцевальных вечерах присутствовали

английский резидент, колониальные чиновники и заезжие иностранцы.

Устав от танцев, Усман Али-хан стал проводить свой досуг за бутылкой. Возможно, вино способствовало его очередному увлечению — писанию газелей. В 1920 году вышла книга его стихов. Имя низама, писанное золотом, сверкало на полочке. Пожалуй, красивый переплет был самой ценной частью книги. Стихи же были плохие и подражательные. В них он пытался воспеть самого себя.

Наслаждайся, Усман, истинной любовью.

Подобного тебе она никогда не увидит.

Хотя ее красота ослепительна,

Такого, как ты, она найдет только одного.

Однако стихи — увлечение временное, зато женщины — постоянное.

По обычаю правоверных мусульман, Усман Али-хан имеет четырех законных жен. По обычаю, поддерживаемому им самим, в его гареме были 42 официальные любовницы — бегум. Самая любимая — Лейла-бегум — индуска по происхождению. Она родила низаму семь детей в дополнение к его законным. Но это — цифры официальные. На самом же деле гарем не имел границ. Говорят, в лучшие времена в нем было около трехсот наложниц. Женщины попадали туда разными путями. Лейлу-бегум, например, его высочество увидел из окна дворца, влюбился и приказал привести. Угодливые прислужники высматривали в городе красивых девушек и нашептывали о них низаму. «Взять во дворец», — следовало короткое распоряжение. Кто смел перечить наместнику Аллаха, кто мог заступиться за несчастных?..

Мать низама, Зехра-бегум, держала целый штат прислужниц. Это были молодые девушки, родившиеся и воспитанные во дворце. Их называли хана-заде. Каждый год в день рождения сына чадолюбивая матушка выбирала из своих прислужниц самую красивую. Разодетый в праздничные одежды дрожащий живой подарок представлял пред очами повелителя. А через несколько дней надоевшая игрушка отправлялась на женскую половину дома — зинану.

Имея такие «благоприятные» возможности, семейство Усман Али-хана быстро росло. У него 33 официальных и законных дочери и сына и 46 внуков. Подсчитать число незаконных детей очень трудно. Восемь

сыновей женаты, и к семье прибавилось их 16 жен. Более тысячи слуг обслуживают нужды огромной семьи. Однако самая сильная любовь низами отдана не семье и наложницам, а огромному богатству, накопленному поколениями шести предыдущих правителей. Столетия беспощадного угнетения и грабежа народа выкристаллизовались драгоценными камнями и застыли мертвым блеском золота.

В дворцовой сокровищнице размером 36 м на 12 м стоят стальные сундуки. Их содержимое — драгоценные камни, среди которых один из крупнейших бриллиантов мира — «Низам» — весит 182,5 карата.

В 1950 году низам решил оценить свои наиболее крупные камни. Во дворец прибыл глава одной ювелирной конторы, Газдар. Ему были показаны 22 изумруда общим весом 420 каратов. Газдар сказал, что они стоят 5,5 миллиона рупий.

По приблизительным подсчетам, только часть сокровищ оценивается в 1 миллиард 350 миллионов рупий. Из них 350 миллионов в золотых монетах и 500 миллионов в драгоценностях. Помимо этого, низам имел годовой доход с собственных земель в 40 миллионов рупий.

Мне говорили, что огромное количество золота, которое находится во дворце, оценке не подвергалось, так как это сделать чрезвычайно трудно. Часть золота хранится в сундуках, а часть запакована в вагоны, которые на колесах были поставлены прямо на землю. Под тяжестью груза колеса ушли в землю.

Несколько лет тому назад Усман Али-хан решил реализовать небольшую часть золота. Эту операцию могли сделать только в Бомбее. Низам очень беспокоился об упаковке отправляемого золота. Наконец самой удачной упаковкой были признаны стальные сундуки. Каждый сундук стоил не более 10 рупий, и к ним были приобретены замки по 3,5 рупии за штуку. Золото погрузили в вагон и отправили в Бомбей. За золото было получено 60 миллионов рупий. Поверенный его высочества прибыл в Хайдарабад с подробным отчетом. Низам выслушал отчет, но остался недоволен. Оказывается, поверенный ничего не сообщил о сундуках и замках. Через несколько дней пустые сундуки были доставлены самолетом. За их перевозку заплатили больше, чем они того стоили. Сундуки прибыли во дворец, и его высочество успокоился.

Следующим серьезным финансовым мероприятием низама было выделение некоторой суммы своему потомству и создание знаменитых низамовских фондов. На все это ушло 293 миллиона рупий. Но в сравнении с тем, чем владеет Усман Али-хан, это сущие пустяки. Сыновьям Азам Джаху и Муаззам Джаху было выделено по 18 миллионов рупий, двум дочерям — по 3 миллиона, внукам Муккарам Джаху и Муффакам Джаху — 21 миллион. Был создан общий семейный фонд в 100 миллионов рупий. Фонд, носящий название «карманные деньги семьи его высочества низама», насчитывал 5,5 миллиона рупий. Фонд по уходу за драгоценностями низама — 4 миллиона рупий. Специальный фонд «карманные деньги внуков его высочества низама» в 215 тысяч рупий регулярно снабжает двух маленьких мальчишек деньгами на мороженое и игрушки. Правда, большое число потомков было обойдено в этом распределении милостей, но на то воля низама...

Слывя тонким знатоком поэзии и покровителем поэтов, Усман Али-хан выделил для издания стихов на урду и персидском 125 тысяч рупий. Сумма почти в два раза меньшая, чем получали юные отпрыски на мороженое.

Теперь седьмой низам уже не управляет княжеством. Прошли те времена, когда он был полным властителем 18 миллионов своих подданных. Отобраны права деспота, отобраны личные земли...

Правительство республики гарантировало ему неприкосновенность пышного, трудно запоминающегося титула и личные привилегии. Но это не все. Ежегодно правительство выплачивает «обнищавшему» низаму пенсию в 5,5 миллиона рупий. Эта пенсия свободна от каких-либо налогов. Кроме того, ему положено каждый год 2,5 миллиона рупий на содержание дворцов, 2,5 миллиона рупий компенсации за личные земли (сарф-и-кхас), 2,5 миллиона рупий на содержание двух принцев, двух принцесс, двух внуков и брата; итого — 13 миллионов рупий. У Усмана Али-хана есть и побочные регулярные доходы. У «Чар-минара» расположен обширный городской район. Его дома стары и неблагоустроены, на узкие грязные улицы выходят сточные канавы. Дома этого района принадлежат низаму. Здесь живет беднота. Ценой тяжелого труда заработанные этими людьми деньги текут в казну Усмана Али-хана в качестве квартирной платы.

Освобожден от налогов автомобильный парк низама, который состоит из 38 легковых автомобилей, десяти автобусов, двух грузовых машин и т. д.

Низам пользуется привилегиями и получает миллионные доходы, а молодая республика задыхается от нехватки денег. Вопрос финансирования пятилетних планов — серьезная и сложная проблема.

Я прочла, что премьер-министр Джавахарлал Неру просил низама добровольно отказаться от пенсии. Его высочество не соизволил. Очевидно, метод уговаривания давно устарел даже для Индии, так же как и безнадежно устарел сам низам...

Но тем не менее до сих пор над четырьмя громадными дворцами Хайдарабада выются желтые низамовские флаги (это те самые дворцы, содержание которых обходится республике ежегодно в 2,5 миллиона рупий). Желтый цвет — цвет дома низама. Почему желтый? В желтых ножнах покоится меч Асаф Джаха, первого низама, основателя княжества Хайдарабад. На флагах — эмблема низама: изображение круглого хлебца — «кхульчи». С эмблемой также связано предание.

Говорят, однажды во время путешествия молодой Асаф Джах наткнулся на хижину святого. Асаф Джах был голоден, и святой предложил ему поесть. Но у святого была только вода и круглые хлебцы — «кхульча»... Асаф Джах съел семь хлебцев и больше не смог, несмотря на уговоры гостеприимного хозяина. Гость поблагодарил старика, и тот ему сказал: «Твоя династия будет править семь поколений». С тех пор «кхульча» стала эмблемой княжества. Но мне кажется, Асаф Джах так и не доел седьмой хлебец...

Самый красивый из дворцов низама — Фалакхнума-пэлас. Его называют дворцом «тысячи и одной ночи». Он стоит на гранитном уступе неподалеку от последних городских кварталов и господствует над Хайдарабадом. Фалакхнума-пэлас был построен в восьмидесятые годы XIX века крупным джагирдаром Викар-уль-Умра. На сооружение дворца было затрачено 4 миллиона рупий. Однако здание оказалось не под силу его хозяину, и обанкротившийся наваб «подарил» его шестому низаму, за что получил небольшое вознаграждение. Дворец «тысячи и одной ночи», поразивший неизбалованное воображение хайдарабадских обывателей, представляет собой образец непритязательного вкуса феодальных властителей, стремившихся

подражать своим западным собратьям. Утомляющая восточная пышность залов дворца сочетается с европейским убранством.

Усман Али-хан этим дворцом сам не пользуется. В нем принимают почетных гостей. В Фалакхнума-пэлас останавливался президент республики Раджендра Прасад.

Постоянная резиденция низама находится на Кинг-Коти-роуд. Дворец, состоящий из ряда невзрачных зданий, обнесен каменной стеной и занимает несколько кварталов. Вычурные ворота дворца охраняются личной гвардией низама, одетой в форму цвета хаки. Желтые тюрбаны красуются на головах стражников. Они вооружены старыми английскими винтовками, кривыми ятаганами, средневековыми мечами. Дежурные телохранители стоят навтыжку перед воротами. Против ворот, по другую сторону улицы, расположены служебные помещения и кухня его высочества. Когда-то низаму принадлежало огромное княжество, а теперь он превратился даже не в марионеточного властителя, а в какого-то сказочного андерсеновского короля. Того самого короля, который в старых домашних туфлях идет открывать двери своего королевства промокшей до нитки принцессе. Но этот настоящий «король»-низам в значительной степени уступает в человеческих качествах своему сказочному коллеге.

Население музейного «королевства» — несколько тысяч человек. Сюда входит сам «король», многочисленное потомство, гарем его высочества (правда, в последнее время он существенно сократился, говорят, до 100 человек), служащие, помогающие властителю управлять «государством», личная охрана низама, множество слуг и приживальщиков.

Ранним утром первые лучи восходящего солнца золотят минареты мечетей, красноватыми бликами ложатся в воды реки Муси, будят трудовой Хайдарабад. На улицах появляются рикши, дхоби^[5] несут узлы стирального белья, хозяйки идут на рынки. Некоторое время спустя потоки велосипедистов и пешеходов устремляются к воротам фабрик и многочисленных мастерских. Вслед за рабочими служащие спешат в свои учреждения, начинают открываться магазины. Жизнь, полная напряженного труда, охватывает город.

«Королевство» на Кинг-Коти-роуд тоже просыпается. Но жизнь там другая, полная праздности, ненужных развлечений и мелких страстей.

Низам встает довольно рано. Пока голова свежа, необходимо выполнить самую важную государственную работу. Надо придумать меню на весь день. Его высочество пишет меню лично. Это не простое меню, которое составляют в ресторанах и кафе, а королевский указ — фирман.

После того как написаны эти важные государственные документы, его высочество может считать, что жизнь даром не прожита. А подданные, если они сегодня едят, могут считать, что в «государстве» все благополучно и оно процветает.

Низам составляет три меню: одно — для высокопоставленных членов семьи, другое — для гарема и личных слуг, третье — для дворцовых слуг. Меню-фирман закрепляет социальное неравенство, существующее в этом феодальном «государстве». Каждый день качество еды напоминает подданным, к каким «классам» общества на Кинг-Коти-роуд они принадлежат. «Прожорливость» подданных внушает низаму серьезные опасения. Ведь ему приходится тратить на еду 500 тысяч рупий в год, или 1,5 тысячи ежедневно. Кухня «королевства» доведена до высокого совершенства. Каждое блюдо готовят специальные повара. Есть повара, которые специализируются на приготовлении только рисовых блюд, другие занимаются мясными, третьи готовят овощные соусы, четвертые — сладкое и т. д. Несколько раз в день дорогу между воротами дворца и кухней пересекает вереница слуг. Они несут на головах блюда с яствами. Блюда прикрыты желтыми кусками ткани. Столько же раз и низам садится за стол.

Со своего стола он посылает немного пищи сыновьям. Это значит, что его высочество не забыл и неустанно думает о своем потомстве.

Дела второстепенные выполняются низамом в собственном «офисе». «Офис» — это кресло, стоящее на веранде дворца. Здесь его высочество низам пишет фирманы. От возможных покушений на правителя во время этой общепольной деятельности его охраняет личный страж. Кроме телохранителя, здесь присутствуют еще два человека. Один разносит фирманы по дворцу тем, для кого они написаны, и следит за телефоном. Второй снабжает низама водой. Его высочество все время мучает жажда, и к тому же он брезглив. После каждой написанной им страницы он моет руки.

Ежедневно пред очи властителя предстают два советника по финансовым делам. После обсуждения финансового состояния «государства» Усман Али-хан идет посмотреть на свои сокровища. Старческие хищные руки ласкают холодноватую полированную поверхность драгоценных камней, тонут в грудях золота, бегают по искусной чеканке бесценных изделий... Созерцание богатств вливает новые силы и бодрость в хилое тело низама. Теперь он опять может продолжать править «королевством». От исполнения государственных дел его высочество отрывают еда и очередные намазы. Усман Али-хан очень набожен, с той исступленностью, которая отличает человека с нечистой совестью. Он, как самый правоверный мусульманин, аккуратно посещает по пятницам мечеть.

Когда спадает жара и наступает успокоительная прохлада, низам покидает свое «королевство». Он садится в автомобиль. На машине нет номера. Вместо номера значится: «Кинг-Коти (Хайд) У.». «У» — это Усман. Возможно, совершать поездки по городу в предвечерние часы заставляет низама желание увидеть, как живет новая столица, а возможно, и стремление напомнить горожанам о своем существовании. Как бы то ни было, а автомобиль бывшего правителя регулярно колесит по улицам Хайдарабада.

Обычно после такой поездки низам прогуливается перед порогами своего дворца. Вот в одну из таких прогулок я и встретила его на Кинг-Коти-роуд.

Времена этого человека в неопрятном ширвани прошли. Его власть теперь не простирается дальше каменных стен дворца на Кинг-Коти-роуд. Ушли заморские хозяева, и он больше не нужен стране. Пожалуй, молодая республика не нуждается и в этом музейном «королевстве», содержание которого обходится ей слишком дорого...

«Бывшие» и «настоящие»

После ликвидации системы джагирдари судьбы бывших феодалов и придворной знати сложились по-разному. Но типичным является упадок и медленное угасание некогда могущественных феодальных родов. Компенсации, которую они получают за утерю своих джагаров, явно не хватает на привычный образ жизни. Отказаться от него они не в состоянии. На аукционные торги города потекла стильная мебель, ковры и дорогие картины. Ювелирные компании скупают за бесценок драгоценные камни и золото бывших навабов и раджей. Фамильные ценности находят гостеприимный приют в ростовщических конторах. Полки букинистических магазинов пополняются уникальными изданиями из библиотек недавней знати. Банки выписывают закладные на родовые дворцы и загородные виллы. Феодалы разоряются. Есть во всем этом что-то очень похожее на то, что происходило с русскими помещиками после реформы 1861 года. Только сам процесс упадка и разорения более интенсивный и быстрый.

Расскажу о нескольких встречах. Я часто ходила на Чоук. Это торговый центр в старом городе около «Чар-минара», где расположено множество маленьких лавчонок, торгующих старыми книгами. Я — историк, и мне хотелось собрать библиотеку по истории Хайдарабада. В ненастный день дождливого сезона я забрела в глухой и отдаленный угол Чоука. Здесь за небольшой мечетью, в узком пыльном переулке находилось несколько книжных лавок. Одна из них привлекла мое внимание своей заброшенностью и запущенностью.

В лавку вели две полуразрушившиеся ступени. Рассохшиеся, на ржавых петлях двери были раскрыты. Я вошла внутрь. На давно не метенном каменном полу в беспорядке было разбросано около сотни растрепанных пропыленных книг. В лавке был полумрак, с потолка свешивались гирлянды грязной паутины. Казалось, здесь никого не было. Деревянный колченогий табурет хозяина пустовал. Но вот до моего слуха донеслось мирное похрапывание. Я пошла на звук и обнаружила спавшего на потертой подстилке человека. Ему было лет пятьдесят, а может, и больше. Залатанное ширвани, полуразвалившиеся туфли и засаленная феска спящего свидетельствовали о том, что дела в лавке идут худо. Первым моим

желанием было уйти. Но я подумала, что в такой заброшенной лавчонке могут оказаться редкие и интересные книги. Я негромко окликнула спящего. Он поднял неопрятную голову. Я спросила его на урду о нужных мне книгах. Старик встал и, порывшись в грудe книжного хлама, извлек несколько книг на урду и подал их мне.

— Меня зовут Низамуддин, — сказал он, переходя на английский. — Если вы хотите, мы можем пойти в мой дом, он здесь недалеко, и посмотреть кое-что в моей библиотеке. Она очень большая.

Меня поразило, что этот, на первый взгляд обычный бедный лавочник говорил на хорошем английском языке. Это не был тот специфический английский жаргон, которым пользуются индийцы-приказчики в европеизированных магазинах фешенебельных кварталов больших городов.

— Где вы учили английский язык?

На мгновение что-то мелькнуло в глазах старика, но сейчас же потухло.

— В Кембридже, — ответил он.

— Вы долго там были?

— Да, я учился в Англии пять лет.

— Но, простите...

— О, я понимаю, о чем вы хотите спросить. Как мог человек образованный дойти до такой жизни? Не правда ли? Вы еще больше удивитесь, если я вам скажу, что вот этот самый Низамуддин лет пятнадцать тому назад был одним из блестящих придворных его высочества. Идемте ко мне, я вам по дороге расскажу кое-что интересное.

...Над городом висят низкие тучи. Дождь льет и льет. Мы идем по запутанным узким улочкам с глухими каменными стенами. Потоки мутно-желтой дождевой воды несутся по древним камням извилистой мостовой, бьются водоворотами в тупиках и закоулках. Дырявый старый зонт не спасает моего спутника от крупных дождевых капель. Вот что я узнаю по дороге. Отец мистера Низамуддина был джагирдаром. Джагир был некрупный. Сам отец жил постоянно в Хайдарабаде и находился при дворе низама. В молодости мистер Низамуддин был отправлен в Кембридж, а по возвращении взят в свиту его высочества. После смерти отца джагир перешел к сыну.

— Доход у меня был приличный, и я жил ни о чем не думая. Мне казалось, так будет всегда. Но пришли другие времена. Джагир отобрали. С тех пор прошло почти десять лет. Правда, мне заплатили компенсацию. Но, знаете, она не могла заменить постоянного дохода. А я не привык считать деньги. Кое-что из ценностей, что у меня было, пришлось продать. На эти деньги я еще мог жить безбедно. Ну, а теперь самое ценное, что осталось у меня, — фамильная, библиотека.

Мы подходим к двухэтажному, несколько обветшавшему особняку.

— Здесь я живу. Дом остался еще от отца.

Скрипит массивная дверь, и мы входим в дом. Минуем комнаты с довольно высокими потолками. Я вижу, как четко отпечатываются следы на пыльном полу джагирдарского особняка. Углы комнат прочно затянуты паутиной. Решетки на узких окнах заржавели и местами поломаны. По комнатам разбросаны остатки мебели: обитые плюшем безногие стулья, растрескавшиеся от времени резные чайные столики. Кусок выцветшего ковра прикрывает место стены, где обвалилась штукатурка. На замызганных стенах до сих пор остались пятна от висевших некогда на них дорогих картин. На всем лежит печать упадка и запустения.

— Поверьте, — поворачивается ко мне хозяин, — этот дом знал лучшие времена.

Я верю...

— Тут библиотека...

Мы входим. Мне кажется, что это та же лавка на Чоуке, но только больших размеров. Тусклый свет дождливого дня просачивается сквозь прикрытые ставни. В комнате полумрак. Понять, что где находится, очень трудно. Шкафов нет.

— Здесь были хорошие шкафы, но лет пять тому назад их продали с аукциона...

Повсюду на полу груды книг. Фолианты в дорогих переплетах, журналы, брошюры, книги, без обложек... Кажется, разобраться в этом хаосе пожелтевшей бумаги и пыли нет никакой возможности. Но кое-что попадает сразу. Мне не хочется долго задерживаться в этом доме, похожем на склеп.

Мистер Низамуддин провожает меня и в дверях подобострастно говорит:

— У меня сегодня прибыльный день, вы взяли много книг.

— А не лучше ли продать книги букинистам, чем самому торговать?

— О, вы не знаете наших лавочников, они хотят все это скупить за бесценок. Самому торговать выгоднее.

— А сколько же вы примерно выручаете в день?

— Две-три рупии, иногда меньше, иногда больше, но мне пока хватает...

Потом я не раз встречала Низамуддина, когда приходила на Чоук за книгами. Большей частью он дремлет в лавке и до сих пор не удосужился разобрать свои книги. Они так и лежат в беспорядке на полу. Соседние лавочники подсмеиваются над своим «благородным» конкурентом. Им просто непонятно, как можно, обладая таким множеством книг, не суметь извлечь из этого хорошей выгоды.

Просто бывший джагирдар не привык работать. Всем своим «высокородным» существом он презирает труд. А за презрение к труду всегда приходится дорого расплачиваться.

В один из воскресных дней я была приглашена в дом своих друзей. А если быть точной, то не в дом, а в дома, потому что эта мусульманская семья — так называемая «большая индийская семья» — занимает всю улицу. Сыновья и дочери главы семейства не уходили далеко, а селились со своими семьями на той же улице. Мне пришлось обойти всю улицу и побывать в каждом доме, чтобы никого не обидеть.

Основательно проголодавшись после длительного обхода, я была рада обеду, которым меня угощали. По местному обычаю, мы сидели на полу и ели руками... Кроме меня, были и другие гости. Среди них мое внимание привлек чернобородый человек в белом тюрбане и белом ширвани. Мы разговорились. Мистер Ашраф, так его звали, оказывается, изучал историю Хайдарабада и даже что-то писал. Ашраф побыл недолго и, уходя, пригласил меня в гости.

В районе Малакпета, позади длинного здания типографии, стоит красивый особняк. Этот особняк принадлежит Ашрафу. Сейчас дом заложен, часть его сдается внаем. Сам Ашраф живет на ренту, которую получает со своих жильцов. Также как и Низамуддин, мистер Ашраф владел когда-то джагиром и не считал денег. Теперь джагира нет, ушли деньги, продано и заложено все, что можно было продать и заложить. Неподалеку от особняка расположилось несколько флигельков. Когда-

то там жила многочисленная прислуга наваба Ашрафа. Теперь в одном из них живет сам наваб. Комнатки флигеля тесны и неудобны. Это тот небольшой мирок, где бывший наваб еще чувствует себя хозяином. Все, что происходит за стенами флигеля, вызывает непримиримую враждебность Ашрафа. Но поскольку не в его силах изменить происходящее и помешать потоку новой жизни, он, как улитка в раковине, укрылся за стенами своего последнего пристанища. Все помыслы и вся деятельность Ашрафа обращены в прошлое. Прошлое составляет смысл его теперешней жизни. Когда мы беседовали об истории Хайдарабада, я услышала только восхваление низамовского режима. Просматривая написанное навабом, я увидела, что это было скрупулезное жизнеописание феодальной знати, начиная с низама и кончая самим мистером Ашрафом. И я поняла, что мы вовсе не коллеги, что между нами лежит глубокая и непреодолимая пропасть. Ашраф с гордостью сообщил мне, что работает над своей «историей» вот уже больше десяти лет, а я держала в руках мелко исписанные арабскими буквами странички и думала о том, что человек трудился все эти годы напрасно.

Издать свой труд ему пока не удастся, нет денег. Мистер Ашраф обижен на низама. Его высочество отказался отпустить средства на публикацию книги.

— Низам, — говорит наваб, — как змей, сидит на своем богатстве и не хочет дать денег для такого важного дела.

Я не думаю, что низам критически смог оценить труд Ашрафа. Он просто скуп. И бывшим придворным не так легко теперь вырывать у него подачки.

Мистер Ашраф занимается еще и коллекционированием. Однако коллекции его весьма своеобразны. Он собирает все, что было каким-либо образом связано с прошлой жизнью низамовского двора. Здесь вы найдете тщательно подобранные фотографии: низам на приеме у английского резидента, низам в мечети, низам смотрит на процессию в день мохаррама, низам в кругу своего семейства, низам принимает парад войск, низамовские министры, навабы, раджи и т. д. Среди этих фотографий я обнаружила довольно редкий альбом о посещении Николаем II, в бытность его цесаревичем, княжества Хайдарабад. Будущий русский царь был с большой pompой принят низамом VI Махбуб Али-ханом. Пожелтевшие от времени снимки изображают

сидящих вместе Николая и низама, низама и Николая на охоте, Махбуб Али-хана и русского цесаревича, осматривающих храмы Эллары. и Аджанты.

В многочисленных ящиках у мистера Ашрафа хранятся коллекции монограмм: феодальной знати, автографы раджей; и навабов, знаки различия низамовской армии, хайдарабадские монеты и марки (княжество имело собственную денежную систему и почту), пригласительные билеты на приемы к низаму, планы размещения придворных за столом во время торжественных обедов во дворце, и т. д.

В маленьком флигеле бывший наваб живет своей особенной жизнью. Она медленно и тягуче идет среди пожелтевших фотографий, пыльных атрибутов бывшей дворцовой суетни, неуходящих воспоминаний о прошлом и... безденежья.

Однажды вечером я с одной моей знакомой возвращалась из кинотеатра. Вдруг кто-то ее окликнул. Мы остановились. К обочине тротуара подрулил старый, выдавший виды «форд». Из автомобиля вышла высокая немолодая женщина в темно-красном сари.

— Знакомьтесь, — сказала мне моя спутница. — Это миссис Шах Джахан, моя старая школьная подруга.

Начался обычный в таких случаях разговор. Когда мы расстались, Риасат, так звали мою знакомую, кое-что рассказала мне о своей старой подруге.

Шах Джахан принадлежала к одной из знатных и богатых семей княжества. Семья владела большим джагиром и считалась не последней при дворе низама. Муж Шах Джахан, Али-Кадр, был крупным сановником. Человек крайне реакционных взглядов, он ненавидел все передовое и новое. После присоединения Хайдарабада к Индии в 1948 году он эмигрировал в Иран. Семья же осталась в Хайдарабаде.

Через несколько дней через Риасат мне было передано приглашение посетить Шах Джахан. Ее дом находился на одной из центральных улиц города. По неширокой каменной лестнице мы поднялись наверх и в большой, несколько мрачноватой комнате были встречены хозяйкой. На низком столике перед ней стояла коробка с паном. Во время разговора Шах Джахан все время готовила себе пан и жевала его. Пан был крепкий, с табаком. Какой-то отпечаток

неустроенности и неуверенности лежал на этом доме. Что-то неуловимо напоминало атмосферу жилищ Низамуддина и Ашрафа. Хотя в доме и сохранилась богатая обстановка, но уже чувствовалось, что она доживает последние дни.

Шах Джахан жаловалась на дороговизну.

— Очевидно, — сказала она, — нам придется покинуть этот дом. Он мне не по средствам, надо найти что-нибудь другое.

Да, но зачем держать столько слуг, если тебе не хватает денег, заметила Риасат.

— Но это традиция нашего дома. Да и обходиться без них мы не можем, ведь дом — большой.

Пора отказаться от традиций, если они тебе не по карману.

Шах Джахан отправила очередную порцию пана в рот и задумалась.

— Да, — прервала она молчание, — деньги текут. Очень много приходится платить и за образование детей.

— Ты, конечно, не привыкла и не умеешь считать деньги, — возразила Риасат. Сама она работала, и вместе с мужем они содержали большую семью.

В лице Шах Джахан мелькнула какая-то полупокровительственная улыбка.

Меня ведь этому не учили. Денег было всегда достаточно. Ты, конечно, другое дело...

— Ты бы занялась чем-нибудь, — посоветовала Риасат.

— Что ты! Я ведь ничего не умею делать.

В это время в комнату вошел пожилой мужчина в феске. Его небольшие глазки воровато перебегали с предмета на предмет.

Мир вам, мэм-сахиб, — сказал вошедший. — Я пришел навестить вас...

Человек изогнулся в подобострастном поклоне.

Хорошо, хорошо, пойді пока подожди на кухне.

Человек, пятясь, вышел.

— Это мой старый слуга. Многих из них я не могу сейчас взять, но мне им приходится помогать.

— Но ведь они работают в другом месте, — рассмеялась Риасат. — И им, очевидно, платят.

— Да, но существуют наши семейные традиции. Видно, к этой, по-своему неплохой, но беспомощной женщине, вернее, к ее деньгам присосался не один мелкий паразит. Физиономия «старого слуги» больше напоминала о продувном мошеннике, чем о преданности и бескорыстии.

— Мне кажется, что деньги не могут кончиться, поэтому я их и трачу без оглядки.

Риасат иронически усмехнулась.

А я вспомнила мистера Низамуддина. Он, наверно, тоже не верил, что деньги могут кончиться. Психология всех этих «бывших» людей, очевидно, одинакова. Им трудно поверить, что наступят и наступают дни, когда им придется считать каждую ану, потому что в их прежней жизни не было таких дней. И каждый из них думает о том, что свершится чудо и былое вернется. Но чудес даже в Индии сейчас не бывает, а деньги уходят...

Я возвращалась домой поздно вечером. Город еще не затих. В теплом ночном воздухе стоял разноголосый шум толпы. Главную улицу заливали цветные огни реклам, фонарей, ярко освещенных окон. И этим шумным, живущим напряженной жизнью улицам не было абсолютно никакого дела до стареющей, непрерывно жующей пан женщины, бессильного и никчемного потомка крупного феодального рода...

Феодалы разоряются... Но есть среди них и особая группа. Эта группа очень небольшая, но она существует. Это те, кто не поклоняется бессмысленно своему прошлому и былым традициям, кто смог разглядеть новые возможности для себя: и своих денег в мире капитала и наживы. Некоторые навабы и раджи, ловко пустив в оборот оставшиеся деньги, превращаются в дельцов капиталистического толка. Один из таких людей — раджа Гирджи. Капиталистическое предпринимательство оказалось для него тем целебным вливанием, которое возродило феодальный блеск его дома, но только на несколько иной основе.

Раджа занялся торговлей, приносящей значительный доход, и продолжал жить на широкую ногу. И эта его жизнь удивительным образом сочетала былую феодальную роскошь, и традиционный уклад с напряженной атмосферой капиталистического бизнеса.

Дворец Гирджи — один из богатых в Хайдарабаде. Это большое здание с мраморными колоннами. Перед парадным входом огромный английский парк со статуей Геркулеса в центре. Просторные комнаты обставлены по-европейски. Мебель, обитая гобеленами, ковры, картины. Лепные потолки расписаны. На столах и в шкафах множество фарфоровых статуэток. Они тоже европейские. Буколические пастухи и пастушки, маркизы, амуры... Среди фарфоровых безделушек бронзовые фигурки императоров и полководцев: Нельсон, Наполеон...

Все содержится в порядке, нигде ни пылинки. Каждая-комната по существу выставка. Хозяева, собрали в них много дорогих, но чуждых им по духу вещей и расставили так, чтобы все было видно. И выбор вещей и их размещение свидетельствуют о кичливой и тщеславной гордости феодала и безвкусице торговца. То же напыщенное тщеславие звучит в словах молодого раджи, когда он говорит: «Наш род аристократический, мы одни из тех, на ком держалось государство».

Хозяин обращает мое внимание на портреты предков. Вот Салар Джанг I.

— Это самый знатный человек Хайдарабада. Он — второй после низама. Правда, он не прямой наш предок, но мы связаны с ним родственными узами.

У первого Салар Джанга мужественное лицо, телосложение воина. А молодой раджа небольшого роста, изнеженный и хилый. Он скорее похож на слабую девушку, чем на мужчину.

— А это последний премьер-министр низама.

— Мой отец, — вступает в разговор молодая рани. У нее очень светлая кожа и тонкие злые губы. В ее голосе иногда слышатся повелительные нотки. Повелевать она училась с детства. И сейчас слуги в доме ее мужа покорно опускают глаза под холодным взглядом молодой хозяйки. А слуг во дворце много, они неслышными тенями скользят в комнатах, и парке. Их больше пятидесяти.

Через множество комнат мы проходим во внутренние покои дворца, а оттуда попадаем на большую веранду с мраморными колоннами. На веранде накрыт чайный стол. Мы садимся. Перед верандой небольшой сад-двор. Это уже не английский парк, а индийский внутренний дворик. Около небольшого водоема журчит несколько фонтанов. Вдоль каменной стены сада растут розовые

кусты. Вечерний воздух напоен прохладой бьющей воды и запахом чудесных персидских роз.

— Чем вы занимаетесь? — спрашиваю я хозяина.

— О, я так же, как мой отец и брат, бизнесмен. Видите ли, когда еще существовало княжество, мы владели крупным джагиром. Потом его отобрали. Вместо дохода с джагира мы имеем теперь тысячу рупий ежемесячно в качестве компенсации. На эти деньги мы в основном содержим дворец. А постоянный наш доход — другой. Теперь это бизнес, Он приносит тоже немало. Многие из аристократии теперь разоряются, а наш род всегда отличался устойчивостью.

Устойчивость — качество хорошее. Ну, а если времена бизнеса и наживы за счет миллионов нищих пройдут, чем тогда займется этот хилый раджа?

...Когда спускается на город вечер, у ярко освещенных подъездов дорогих отелей и европейских ресторанов выстраиваются, блестя лаком, автомобили новевших марок. Это городские дельцы и предприниматели приехали приятно закончить свой день. Новая знать старого Хайдарабада сорит деньгами... Когда-то этим же самым здесь занимались низамовские раджи и навабы. Теперь деньги ушли, но привычки, или, как говорила Шах Джахан, «традиции», остались.

Обедневшая феодальная знать приезжает в рестораны и отели не на собственных «шевроле» или «адмиралах» и даже не в экипажах, а просто на велорикшах. Расплачиваясь с рикшей, наваб в несвежем ширвани долго торгуется из-за аны. И в этом сказывается тоже старая привычка — желание оттягать у человека, честно заработавшего свои пять-шесть ана, хотя бы часть этих денег. Но рикши — народ стреляный, они знают навабов и держатся с ними настороже.

Закончив «дела» с рикшей, наваб входит в ресторан. Так он входил и 10–15 лет назад. Деревянная прямая фигура, надменно вздернутый подбородок, взгляд сквозь человека. Только встречают его по-иному. «Бои» не спешат навстречу, не распахивают перед ним двери, не гнутся в почтительном поклоне, не отводят на лучшие места. Они хорошо знают, что у надутого, как индюк, наваба в кармане пусто. На чаевые рассчитывать не приходится. Их усердие и преданность теперь отданы владельцам «фордов» и «кадиллаков». Наваб садится за столик, и «бои», скаля белые зубы в насмешливой улыбке, ставят перед ним стакан холодной воды. Навабу не удалось вытащить у

«несговорчивого рикши» ану, и поэтому он не может заказать чай, а вода — бесплатно. Наваб сидит в ресторане весь вечер. Но здесь он уже не хозяин. Оркестр не будет играть по его заказу, а гастрوليрующая певичка не повторит для наваба понравившуюся ему песню. В ресторане хозяйничают другие. Торговцы, владельцы банков, промышленники. Те, которых наваб в «старые добрые времена» не считал людьми, а если иногда и прибегал к их помощи, то твердо верил, что оказывает им «честь». Теперь в их распоряжении оркестр, певичка и изысканная кухня. Это им заискивающе смотрят в глаза «бои». «Проклятые телинги, хинду, — ворчит наваб. — Они не понимают, что такое настоящая жизнь». Но все-таки остается за своим столиком со стаканом чистой воды. Лучи чужих развлечений и чужой власти греют наваба, создают иллюзию ушедшей «настоящей жизни».

Вечер кончается, уходят последние посетители, а с ними и наваб. Двери снова приходится открывать самому... На затихшей улице он подзывает рикшу и снова начинает ожесточенно торговаться. А завтра наступит вечер и опять будет то же самое...

Уходят из жизни города навабы, раджи, джагирдары. Они еще цепляются за жалкие обломки старой жизни, но их ничто не спасет.

Город принадлежит развлекающимся хозяевам лакированных автомобилей.

Нет бога, кроме бога. Индусы и мусульмане

Самые разные люди в Индии меня спрашивали: «Верите ли вы в бога?» Я отвечала, что нет. Одни удивлялись, другие не верили, третьи старались направить мою заблудшую душу на путь истинный. Когда первое замешательство проходило, обычно задавали вопрос:

— Так во что же вы верите?

— Во что я верю? Верю в науку, в лучшее будущее человечества, верю в коммунизм и, наконец, в мир.

— А! Так, значит, мир, наука, коммунизм — это ваш бог?

— Почему бог? Это вещи отнюдь не божественного происхождения.

И разговор заходил в тупик.

Как-то в Османском университете один студент мне сказал:

Если вы не верите в бога — вы верите в Дарвина.

Тут в замешательство пришла я. Я знала одного Дарвина, английского естествоиспытателя, но никак не предполагала, что мой собеседник имеет в виду именно его. На всякий случай я сказала ему об этом Дарвине.

— Да! — воскликнул студент. — Конечно, Чарльз Дарвин.

— Тогда, простите, какое отношение...

— О, самое прямое, — перебил меня юноша, — ведь он был первым коммунистом!

Я почувствовала, что мой лоб покрывается крупными каплями пота. И если бы я не знала хорошо этого неглупого парня, я бы решила, что передо мной сумасшедший. И все же этот странный ход мыслей заинтересовал меня.

— Почему вы решили, что Дарвин был коммунистом?

— Как почему? Ведь он не верил в бога, как и коммунисты.

— Откуда вы знаете, что Дарвин не верил в бога?

— Это совершенно ясно. Он утверждает, что человек произошел от обезьяны. Хотя всем известно, что первых людей создал бог. Вы, например, верите, что человек произошел от обезьяны?

— Конечно, верю.

— Значит, вы считаете, что ваш дедушка был обезьяной?

Меня поразило такое понимание эволюционной теории Дарвина.

— Мой дедушка, как и мы с вами, был человеком. А эволюционный процесс превращения обезьяны в человека занял многие сотни тысяч лет, — пыталась я образумить студента.

Он подумал, а затем выпалил:

Если не ваш дедушка, то уж наверно ваш прадедушка был обезьяной.

Убедить его было трудно.

— Хорошо, пусть мой прадедушка был обезьяной... сказала я, внутренне содрогаясь от мысли, что приношу ни в чем не повинного прадедушку на алтарь атеизма. — Но я все же считаю, что Дарвин прав в этом своем глубоко материалистическом учении о происхождении человека.

— Вы говорите, что процесс превращения обезьяны в человека занял многие тысячелетия. Как же Дарвин смог об этом узнать, ведь, по-вашему, тогда еще и людей не существовало?

Я коротко рассказала ему, как Дарвин «узнал» об этом процессе, и спросила:

— А как вы узнали, что бог сотворил людей? Надеюсь, вы при этом не присутствовали?

— Да, конечно, — смутился он, — но об этом написано в священных книгах.

— А кто, по-вашему, написал эти книги? Ведь люди, не правда ли? А они могли ошибиться. Может быть, вы нашли там научные доказательства божественного происхождения людей?

— Нет, таких доказательств я не нашел...

— А вот у Дарвина есть эти доказательства...

— Да, но ведь все знают... — пытался возражать студент.

Разговор мог затянуться до бесконечности и ничего не дать спорящим сторонам. Его можно было прекратить, тем более что он уже дал пищу для раздумья и моему «противнику» и мне.

Через несколько дней я зашла в университетскую библиотеку. Мой знакомый студент сидел над какой-то английской книгой.

— Что вы читаете? — спросила я. Он смутился и прикрыл книгу рукой.

— О, простите, если это секрет, я не буду настаивать.

— Да нет, конечно, не секрет, — и развернул передо мной титульный лист. Я прочла: «Ч. Дарвин, Происхождение видов».

— Ну и как?

— Интересно. Но все равно он безбожник.

— Ну, читайте... — и я отошла.

Религия пропитала каждую клеточку жизни народа. Миллионы людей находятся в ее власти. Религию использовали англичане. Они раздували вражду между индусами и мусульманами и тем укрепляли свое господство. Религию сейчас использует реакция в борьбе против нового. Пережитки религиозной вражды и нетерпимости нередко помогают капиталу сдерживать революционную энергию трудящихся. Путь людей к атеизму в этой стране тернист и труден. В сложной и напряженной обстановке растущих классовых противоречий религия подчас приобретает ярко выраженный политический оттенок, выливается в воинственные формы. Последнее в значительной степени относится к современному индуизму.

Есть в Индии организация «Ария самадж», что значит «общество ариев». Это общество возникло еще в XIX веке и одной из своих задач считало возрождение забытых народом традиций индуизма. В то же время «Ария самадж» стремилась уберечь и защитить индуизм от влияния мусульманства и христианства. Постепенно общество из культурно-просветительного стало превращаться в реакционную общинную организацию. «Ария самадж» сейчас пользуется значительным влиянием на юге Индии и особенно в штате Андхра Прадеш.

На юге страны я нередко замечала флаги «Ария самадж» — красное полотнище с оранжевым солнцем в центре. Такой флаг однажды я увидела и в Хайдарабаде. Потом мне пришлось воочию убедиться, что представляет собой эта организация. В один из индусских религиозных праздников по городу разнесся слух, что состоится процессия «Ария самадж». Этой процессии предшествовала бурная кампания «в защиту священных коров». Везде висели лозунги и плакаты, призывавшие запретить «убийство коров». Надо сказать, что такие кампании еще в колониальной Индии нередко предшествовали крупным индусско-мусульманским столкновениям. И когда я увидела на стенах домов «прокоровьи» лозунги, я поняла, что силы общинного раскола и воинствующего индуизма продолжают действовать в стране. Подойдя к месту, где должна была пройти процессия, я увидела тесно стоящую толпу горожан. Первое, что меня поразило, — какая-то

напряженная тишина, висевшая над улицей, и полицейские патрули, оцепившие дорогу. Я протиснулась сквозь толпу и остановилась у края тротуара. Гнетущая атмосфера молчаливого ожидания, казалось, давила людей.

Но вдруг резкие звуки барабанов оборвали тишину. В их надрывном завывании было что-то зловещее. И это зловещее приближалось и приближалось... Какое-то смутное и темное предчувствие овладевало толпой. Оно передалось и мне. Звуки барабанов становились все ближе и четче. На пустой дороге из-за поворота показалась группа полуобнаженных парней. Их длинные волосы в беспорядке падали на голые плечи. Глаза бессмысленно блуждали поверх голов стоящих на тротуаре. Короткий свист тяжелых бичей — и из разорванных ран на мостовую брызнула кровь. Тяжелый вздох пронесся над толпой. Кровь застывала на камнях бурыми пятнами. Это была не кровь священных коров, а кровь людей, истязавших и избивавших себя туго сплетенными бичами. Вжих, вжих — свистели бичи. Внезапно над окровавленными телами взмыл пронзительный крик: «Кровь священных коров вызывает к отмщению!» И как бы в ответ на это загудела мостовая под множеством ног. Затрепыхалось под ветром оранжевое солнце на кровавом полотнище-небосклоне. За ним стремительно понеслись маленькие солнца на флажках мотоциклов. Оранжевые блики заиграли на голубоватой стали обнаженного меча высокого всадника. Человек на лошади держал меч прямо перед собой и смотрел пустым взглядом вперед. Толпа всколыхнулась и подалась вглубь. Полицейские заволновались. Показалась голова колонны. Замелькали лозунги, транспаранты. Седобородые люди в оранжевых балахонах индусских жрецов и святых двигались по мостовой. Судорожно сжатые поднятые кулаки, безумные глаза фанатиков и раздираемые в исступленном вопле рты. «Запретить убийство коров! Спасти святыню индуизма от неверных! Долой мусульман из Хайдарабада! Стереть с лица земли мусульманский Пакистан!» Крики, как магнитические токи, передавались из колонны в колонну и захватывали процессию. Удушливый и смрадный чад фанатизма пополз над ярко освещенной заходящим солнцем улицей. Толпа судорожно дышала. Люди, стоявшие на тротуаре и наблюдавшие процессию, были мусульманами. Атмосфера накалялась. Зловеще выли барабаны, щелкали бичи, текла

кровь, и над всем этим адом стоял фанатический вопль: «Долой мусульман! Уничтожить их! Они убивают коров!» Все ясно понимали, что достаточно какой-нибудь небольшой случайности и произойдет непоправимое. Люди, идущие под гром барабанов, были готовы, пожалуй, на все. Одурманенные бессмысленной верой, распаленные собственными криками и вдохновленные реакционной идеей о превосходстве индуизма, они потеряли контроль над собственными поступками и чувствами.

Процессия ползла длинной ядовитой змеей через город. Шли пожилые мужчины, в домотканых дхоти с грубыми крестьянскими одеялами через плечо, шли девочки-подростки с кривыми саблями, шли юноши, одетые в форму хаки, вооруженные длинными палками, а некоторые и винтовками. Над колоннами качалась разукрашенная голова слона, на котором восседал глава «Ария самадж». Тучное тело и квадратный подбородок «чифа» медленно плыли над головами демонстрантов. За «чифом» следовали военизированные отряды общества, частью пешком, частью на грузовиках. В процессии были представители всех дистриктов штата Андхра Прадеш. Это значит, что «Ария самадж» действует везде в штате и что она хорошо организована. «Ария самадж» имеет большие связи и влиятельных покровителей в штате. Ее финансируют крупные дельцы и промышленники. Возникает только вопрос: зачем все это и кому это нужно? Ну, а если существует и укрепляется такая организация, как «Ария самадж», значит, кто-то в этом заинтересован, кому-то она нужна. Кто-то хочет, чтобы ее военизированные отряды проходили регулярное обучение и были наготове.

И еще одно мне стало ясным в этот чреватый крупными опасностями день. Я поняла, что народу этой страны глубоко чужды религиозная нетерпимость и вражда. А если она и возникала, то это результат усилий колонизаторов и таких общинных организаций, как «Ария самадж».

Индуизм исповедуют не только члены «Ария самадж» или «Хинду махасабха». Индуизм — религия миллионов трудящихся. Глубокие социальные сдвиги, происходящие в широких массах народа, определенным образом влияют и на их религию. Воинствующий и ортодоксальный индуизм находит немного сторонников. Обветшавшие догмы индуизма, затемненные изречениями на труднодоступном

санскрите и запутанные противоречивыми толкованиями ученых — «пандитов», подчас порождают в душах паствы ростки сомнения и неверия. Самые умные «пандиты» начинают понимать одно важное обстоятельство: чтобы сохранить эти души для религии, необходимо упростить последнюю и, может быть, даже в какой-то степени приспособить ее к тому новому образу мыслей, который формируется у миллионов индусов под влиянием изменений, происходящих в стране, под воздействием передовых идей, проникающих в Индию. И умные «пандиты» не откладывают дела в долгий ящик. Происходит нечто удивительное. Ортодоксальный и малопонятный индуизм, его философия начинают трансформироваться очень своеобразно. Конечно, это пока не всеобъемлющий процесс, а только начало. Но это начало имеет своих идеологов и «святых».

Я не раз слышала о свами^[6] Чинмае. Мне говорили, что Чинмаея — один да популярных в Индии толкователей Упанишад^[7]. Его лекции об Упанишадах собирают тысячи слушателей. А во многих городах Индии свами имеет сотни почитателей.

В один из февральских дней, вернувшись из университета, я обнаружила на своем столе открытку. «Чинмаея комитет, вилла Анасуйя, Химаятнагар, Хайдарабад, извещает о том, что лекции об Упанишадах читаются его святейшеством свами Чинмаея в зале Сароджини Деви, Султан-базар, с 22 февраля по 24 марта с 6.30 до 8.30 вечера, ежедневно. Пожалуйста, не приводите с собой детей моложе двенадцати лет». Вилла Анасуйя... Я вспоминаю, что, вилла принадлежит моей хорошей знакомой, редактору журнала «Уша» («Рассвет»), Лакшми Редди. Значит, я могу попытаться с ее помощью договориться о встрече с Чинмаеей. Я звоню Лакшми.

— Да, свами уже знает о вас, я ему говорила.

— Ну и как?

— Он с удовольствием вас примет. Он еще не встречался с русскими.

Я кладу трубку, и меня начинают одолевать противоречивые чувства. Круг моих знакомств обычно ограничивался простыми смертными. А тут святой... Я представила себе: вхожу к святому и... мое воображение иссякло. Вспомнилась только унижительная церемония поклонения, через которую должен пройти обычный человек, чтобы предстать пред «святые» очи. Одно было совершенно

очевидным: делать этого я не стану. Скажу свами только «намасте» и как можно вежливей. Пусть знает, что я уважаю традиции и обычаи моих гостеприимных хозяев.

Я так и сказала: «Намасте, свамиджи». А в ответ прозвучало энергичное английское «хэлло!». В небольшой комнате на низком диване сидел чернобородый человек. Могу сказать, что он был красив и не стар. Правильный овал лица, орлиный нос с горбинкой, твердо очерченный рот и, наконец, черные живые глаза, с хитринкой смотревшие на меня. «Святого» в этих глазах было мало. На свами были традиционные оранжевые одежды. На полу у его ног сидели почитатели и слушатели. Каждый вновь входящий «брал прах» у ног святого. Чинмайя предложил мне место рядом с собой. Я поняла, что свами знает и уважает традиции и обычаи моего народа. Но сесть рядом с Чинмайей — значило оскорбить чувства людей, сидящих на полу и поклонявшихся свами. На мое счастье, в комнате оказался стул, и я села на него.

— Вы умеете уважать наши обычаи, — произнес Чинмайя.

— Так же, как и вы наши.

Первая неловкость прошла, и все заулыбались. Свами продолжал прерванную беседу. Он говорил на хорошем английском языке. Члены комитета внесли в комнату магнитофон. Беседа Чинмайя записывалась. Свами посмотрел на магнитофон и спросил:

— Американский?

До сих пор я считала, что святые современной техникой не интересуются. А свами, оказывается, даже знал, что Индия не производит магнитофоны.

Ему ответили утвердительно.

— Не советую покупать американские вещи. Лучше покупать китайские и японские. Русские магнитофоны у нас не продаются? — и свами повернулся ко мне.

Разговор явно приобретал политическую окраску, а свами разрушал мои представления об индусском святом.

Но вот беседа вернулась в свое прежнее русло, и я услышала, наконец, то, что ожидала услышать от святого. Чинмайя говорил о йоге.

«Высокая духовная культура, — на лицо свами легла явная печать „святости“, — приобретается только через йогу. Путем постоянных

упражнений и самосовершенствования йога получает возможность общаться с богом. И в этом общении с высшим он совершенствует свою внутреннюю культуру. Эта духовная культура не имеет ничего общего с материальным миром, с его суетными радостями и ничтожными печалью. Только уход от мира и его пороков, только общение с богом принесут человеку истинное наслаждение, истинное познание и истинную культуру». Затем свами еще долго развивал эту мысль. «А не поспорить ли с ним?..» — подумала я. Но свами торопился на какой-то прием. Я спросила, сможет ли он меня принять еще раз, и получила согласие.

На следующее утро я приехала на виллу Анасуйя и застала свами одного.

— Свами, — сказала я ему, — прошлый раз я слушала вашу лекцию о йоге, и мне хочется с вами об этом поговорить. Вы утверждали, что истинная духовная культура формируется вдали и в независимости от материального мира. Не думаете ли вы, что наша духовная культура в значительной мере все же связана с этим материальным миром и ее уровень в первую очередь зависит от него?

Я с вами согласен, — как-то испытующе глянул на меня Чинмайя. — И более того, я разовью вашу мысль.

В течение десяти минут Чинмайя толково изложил мне марксистскую теорию о соотношении материального мира и также о свободе и необходимости. При этом святой довольно удачно оперировал основными положениями «Капитала» Маркса. Оказывается, он его читал в подлиннике. Вот тебе и святой! Спорить с ним было не о чем. Но меня теперь удивляло другое, как может человек, хорошо разбирающийся в марксизме и соглашающийся с его теорией, заниматься тем, чем занимался Чинмайя.

— Свами, вы почти марксист. Я говорю «почти» потому, что вы еще и святой. И в то же время вы говорите людям то, во что сами, возможно, не верите.

— Все это намного сложнее, чем вы себе представляете. Вот послушайте.

— Вы не станете отрицать, — начал Чинмайя, — что люди должны подняться выше своих мелких личных желаний и работать на благо общества, во имя счастья всего человечества. Возьмите Америку. Эта страна обладает высоким уровнем материальной жизни. Но, с моей

точки зрения, ее духовная культура довольно низкая. Там люди поклоняются одному богу — доллару. Во имя личной наживы и собственно богатства они забывают об общем благе, о благе всего народа. Там личные интересы стоят выше интересов общества, и такого рода обстоятельство препятствует социальному прогрессу, мешает людям думать о будущих судьбах своей страны.

У вас в России иное. Ваш народ обладает высокой внутренней культурой. Ваши люди сумели отказаться от личного во имя блага всего общества. Они считают разумной деятельность государства, которое обеспечивает общие интересы, если это даже и ущемляет их индивидуальные стремления и желания. Такой высокий уровень духовной культуры стал возможен постольку, поскольку люди в России вдохновлены великой верой в свое государство, считают своей основной задачей дальнейший социальный прогресс в стране. Для вас Родина — своего рода бог. В Индии же нет долларов, наша страна бедна. У нас нет социалистического отечества. Короче говоря, для нас нет бога, кроме бога. Вы хорошо знаете, каким огромным влиянием пользуется в Индии религия. Поэтому необходимое для социального прогресса страны воспитание людей и их самосовершенствование, их подготовка к служению Родине и к отказу от индивидуальных желаний во имя общего блага должны идти в сфере религии. Мы должны для этой цели всемерно использовать наши старые культурные традиции и, в частности, йогу. В период занятий йогой люди общаются с богом, и это дает им возможность приобрести необходимые качества, а именно: дисциплину, умение отказываться от личного во имя общественного, трудоспособность и т. д. Одним словом, те качества, которые характеризуют людей высокой внутренней культуры. Через йогу и через нашу религию должны быть подготовлены новые национальные лидеры. Они будут руководить созданием нового общества. Я считаю, что нынешние руководители Национального конгресса не годятся для этой роли. Ни для кого не секрет, что они погрязли во фракционной борьбе, стремятся к личной власти и даже не брезгают взятками. И только люди, обладающие совершенной духовной культурой, подготовленные через йогу, смогут повести страну к социализму. Только наши религиозные традиции дают нам возможность идти к социализму и совершать социальные изменения ненасильственными методами. Вот почему я считаю, что служение религии — это по

существованию служение интересам социального прогресса и тем же идеям марксизма.

Я хорошо знала и видела, как буржуазные политики и теоретики, учитывая огромное влияние социалистических идей на массы индийских трудящихся, стараются использовать эти идеи в своих интересах и тем самым увести трудящихся от подлинной классовой борьбы. Но то, что этим начинают заниматься и индуистские святые, для меня было новостью. А что можно сказать о взглядах Чинмайи? Его «теория» была насквозь идеалистической. Свами не видел или не хотел видеть того класса, который без всякой йоги и индуизма сделает то, что ему положено историей. Он сделал это в других странах, он сделает это и в Индии. В своих рассуждениях о социализме свами остался «святым», но только более умным, более образованным и хитрым, чем сотни других «святых», и поэтому более опасным. Чинмайя, будучи неплохим политиком, сумел увидеть то новое, что захватывает сейчас людей Индии. Он хорошо понял, что индуизм начинает утрачивать былое влияние. Такие «святые» и проповедники, как Чинмайя, стараются сохранить и укрепить это влияние, но используют уже другие методы. На бога они уже не надеются. Они призывают на помощь популярные идеи социального прогресса, толкуют их по-своему, приспособливают для своих целей. Чинмайя — явление сложное и противоречивое в современном индуизме. С одной стороны, он безусловно способствует распространению передовых идей среди самых народных гущ. Его симпатии к Советскому Союзу не оставляют сомнений. Его вера в лучшее будущее страны заслуживает всяческого поощрения. Но, с другой стороны, несомненно и то, что он старается заставить служить эти идеи интересам религии. Выступая против господства капитала в целом, он своими проповедями о переходе к социализму через религию уводит людей от действительной борьбы за социальное раскрепощение и тем самым объективно способствует укреплению этого господства.

— У меня немало последователей, разделяющих мои взгляды, — сказал Чинмайя. — Мы хотим в Бомбее создать специальный колледж, который смог бы готовить таких людей. Вечером я решила пойти послушать лекцию свами. Перед внушительным зданием, носящим имя известной поэтессы телугу, одной из основателей Национального конгресса на юге Индии, Сароджини Найдю, былолюдно: старики,

молодежь, женщины. Особенно много женщин. Когда появился Чинмайя, стоявшие во дворе люди запели приветственную песню. Несколько брахманов в традиционных одеждах подвели свами к шесту со спущенным флагом. Флаг был оранжевый с изображением священного знака «ом» в центре. Чинмайя приблизился к шесту. Вспыхнули светильники-дипаки. Началась церемония открытия лекции. Оранжевый флаг пополз вверх, один из брахманов начал молитву. Остальные стояли тесным полукругом, сложив руки в «пранаме». Затем приступил к молитве свами и, прочтя ее, направился в зал. Многие подходили к Чинмайе и «брали прах от его ног».

Лекционный зал был набит. Те, кому не хватило места, толпились у входа. Люди в зале сидели на полу. По одну сторону — мужчины, по другую — женщины. В проходе, в два ряда, стояли девочки, держа зажженные дипаки. Свами поднялся на сцену, сел в приготовленное для него кресло, деловито поправил микрофон и начал лекцию. Он не читал, а просто разговаривал. Перед людьми сидел живой и остроумный собеседник. Он не приводил малопонятные санскритские цитаты, как это делают ученые-пандиты, не утомлял слушателей абстрактными рассуждениями. Простым выразительным языком он толковал Упанишады. Все его понимали и живо реагировали. Этот человек был несомненно талантливым популяризатором. Чинмайя рассказывал о богах и героях, как будто они были его знакомые. «Радха встречает Кришну, — свами весело шурился, — и говорит „Хэлло, Кришна!“» и т. д. Живо и в лицах представляя поступки и действия богов, он объяснял, какими моральными соображениями руководствовались они. Остроумное изложение вызывало смех слушателей. И с этим смехом легко и непринужденно в души людей прочно входили идеи и взгляды «святого». Ежедневно каждый вечер читал Чинмайя свои популярные лекции.

И каждый раз желающих послушать его было больше, чем мог вместить большой зал. Люди приезжали со всего штата. В гостиницах Хайдарабада не хватало мест. Каждое утро свами давал уроки йоги. Желающих «усовершенствоваться» было слишком много. Чинмайя уставал, но продолжал делать свое дело. И так в каждом городе. Свами без усталости колесит по стране. Газеты непрерывно сообщают о его турах. Число его почитателей и последователей растет...

Нет бога, кроме бога... Кажется, свами был прав. Для многих в Индии еще нет бога, кроме бога. Храмы, мечети, церкви. Сотни тысяч служителей культа. Миллионы участников религиозных процессий. Праздники в честь богов, длящиеся по нескольку дней, официальные выходные дни во время них.

В октябре — Дасира, или Десятидневье. Когда-то, давным-давно в Индии жил легендарный царь Рама. Этот царь был земным воплощением бога Вишну. Рама совершил много удивительных подвигов, но самый главный из них — победа над злым демоном Раваном. Коварный Раван хитростью и обманом похитил любимую жену царя Ситу и увез ее на остров Ланка (Цейлон). С помощью дружественного обезьяньего племени Рама пересек океан и в честном бою победил Равана. С тех пор вся Индия каждый год отмечает эту славную победу. Празднество продолжается десять дней. В первый же день индусы надели яркие одежды, украсили свои дома и совершали пуджу (молитву) в честь богини войны Дурги. На другой день город проснулся от грохота барабанов и визга флейт. Я вышла за ворота своего дома и обомлела. Прямо на меня под аккомпанемент импровизированного и шумного оркестра двигались индусские «боги». Синие, зеленые, белые и оранжевые боги в традиционных одеждах, как будто сошедшие с древних фресок. «Боги» прыгали, танцевали и кричали. Вслед за ними шла многолюдная процессия. Я стала внимательно присматриваться и увидела, что с потных тел «богов» ручьями стекает цветная краска, змеи, обвивающие их шеи, — из папье-маше, а некоторые «боги» надели на свои цветные носы темные очки, защищающие глаза от солнца. Первое впечатление рассеялось.

— Это представление из «Рамаяны», — сказал остановившийся рядом со мной индус в белом праздничном дхоти. — Смотрите, этот толстый парень с ожерельем, униженным головами, — демон Раван. А рядом с ним, синий, в высокой короне, — Рама. Видите, они пляшут друг перед другом. Это бой Рамы с Раваном, Сегодня по всему городу идут такие процессии.

И действительно, на людных городских улицах, на базарах и площадях, то здесь то там стучали, и завывали барабаны, плясали разноцветные «боги». Процессии ряженных с сопровождающими их людьми двигались по всем дорогам и магистралям к центру города.

Так продолжалось девять дней, а на десятый состоялось самое главное. В этот день было особенно много групп, игравших «Рамаяну». Появились бродячие певцы. Они собирали десятки, а то и сотни слушателей. Люди сидели на земле в пыли грязных улиц и внимательно слушали песни о подвигах Рамы. Под вечер процессия с факелами потянулась к одной из площадей старого Хайдарабада. Здесь было все приготовлено для большого костра. На площади былолюдно. Но вот показалась большая процессия. Люди несли огромное раскрашенное чучело десятиголового демона Равана. Забили барабаны, взвыли трубы, заголосили флейты. Несколько факелов полетело в сухие ветви и дрова. К темному звездному небу взмыло яркое пламя. В его трепещущем свете кружились, прыгали, плясали и пели разрисованные «боги» и «герои». Их фантастические тени метались по площади. Под грохот барабанов в костер бросили Равана. Пламя вспыхнуло ярче и заиграло призрачными бликами на лицах танцующих. Огонь пожирал чучело демона. Светлые силы торжествовали над злом. Началось общее веселье. В огонь бросали шутихи и ракеты. Они с треском лопались и взрывались в небо. В костер летели атрибуты «богов» из папье-маше. Мальчишки прыгали вокруг пламени и вопили от восторга. К ним присоединялись и люди более солидного возраста. Непрерывно били барабаны. Мне казалось, что какое-то древнее племя совершает ритуал поклонению огню, хотя я знала, что эти пляшущие в экстазе полуобнаженные люди завтра превратятся в самых обычных горожан, которые отправятся в свои «офисы», колледжи и займутся вполне современными делами. Но сегодня этот вечер принадлежал им. Далеко за полночь были слышны звуки табла^[8], надрывное пение бродячих певцов. В теплом ночном воздухе мерцали факелы. Дасира доживала последние часы...

А через две недели город снова преобразился. Наступил Дивали. Опять на улицах бьют барабаны, и под их рокот ведут «священных» коров. Они выглядят действительно «священными»: их золоченые рога увиты гирляндами цветов, золотые и серебряные нити падают на покорные коровьи глаза, над золочеными рогами вьются султаны из павлиньих перьев. Сами коровы выкрашены во всевозможные цвета радуги: желтые, оранжевые, синие, голубые, зеленые. «Священные» животные покорно плетутся за танцующими людьми и нервно вздрагивают от ударов барабанов. «Святость» видно, дело нелегкое...

В лавках, на лотках и просто на земле стоят глиняные и гипсовые боги. Богами завалены все улицы. С тротуаров, снизу вверх, на прохожих глядят ганеши, лакшми, рамы, дурги, сарасвати. В этот праздник каждая индусская семья покупает богов. Бойко торгуют магазины игрушек и лавки кустарных изделий. Куклы деревянные, глиняные, из папье-маше тоже идут в ход. Куклы в этот день украшают многие дома. Искусные хозяйки сооружают для них дворцы и сады из картона и бумаги.

Дивали — праздник богини благосостояния и процветания Лакшми. Так думают дельцы и торговцы. В ночь Дивали Лакшми приходит к ним в гости. От ее благосклонности зависит удача целого года. В эту ночь начинается новый коммерческий год. Бизнесмены заводят новые чековые книжки. Они совершают пуджу в честь Лакшми, раздают сладости и иллюминируют дома. Простой народ думает иначе. Эти люди не надеются, что щедрая Лакшми посетит их хижины и бедные дома. Этого пока еще не случалось. Но они тоже стараются украсить свое убогое жильё и зажигают веселые огни. Только делают это в честь Рамы. Рама победил злого демона Равана и со своей женой Ситой вернулся в столицу Айодхи. Жители Айодхи были очень рады этому. Они веселились и иллюминировали свои дома. И с тех пор многие сотни лет бедняки Индии в ночь счастливого возвращения Рамы делают то же самое.

Ночь Дивали пришла в Хайдарабад с 11 на 12 ноября. Потoki яркого света залили город. Особенно много огней на базарах. Горят, переливаясь, цветные лампочки над лавками Султан-базара. Они освещают торговые рекламы, мерцают в ветвях деревьев. Цветные бумажные фонарики висят над входами домов. В потоке огней тонет Бетам-базар. Здесь живут ростовщики-марвари. Богиня Лакшми — частый гость в их домах. Здесь лавки и дома украшены пальмовыми и банановыми листьями.

На узких улицах базара в праздник выросли целые банановые и пальмовые аллеи. Везде, и на земле и на специальных шестах, горит дипаки. Дипаки горит и в кварталах бедноты. Здесь мало электричества, скромные украшения, но светильники стоят перед каждым домом. А те, у кого нет домов, тоже не хотят отстать.

Я иду по темной окраинной улице и вижу: впереди на земле мерцает огонек. Это — дипак. Подхожу. На углу сидит мальчишка —

чистильщик обуви. Свет одинокого дипака освещает худенькую фигурку, склонившуюся над сапожными щетками. Что-то удивительно трогательное и в то же время трагическое в этом ребенке, сидящем на тротуаре темного переулка, вдали от шумных, залитых праздничной иллюминацией улиц. Желтоватый огонек дипака горит ровно в теплом неподвижном воздухе. Мальчик задумчиво, не отрываясь, смотрит на него. Это, пожалуй, единственное, что связывает его с веселым праздником света. Я знаю этого всегда голодного мальчишку. Мы с ним иногда беседуем. Тротуар — его рабочее место и его дом.

— Здравствуй, Нарайял.

— Добрый вечер, мэм-саб.

— С праздником тебя.

— Спасибо.

— Я вижу, Лакшми к тебе не пришла.

— Нет, — мальчик невесело улыбается. — Сегодня даже клиентов мало. Все там. — Он машет рукой в сторону центра. — Ну, я еще посижу, может быть, кто-нибудь и зайдет. Увидят мой дипак...

Затем я снова попадаю на центральные улицы. Море света. Чадят дипаки, сверкают электрические лампочки. Легкий, ветер раскачивает ярко освещенные листья пальм и бараков, играет гирляндами цветов. Шумная, празднично одетая толпа течет по тротуарам, мостовым. Тесно. На ночных улицах города не только индусы, но и мусульмане. Они тоже принимают участие в общем веселье. У рикш в эту ночь много работы. Они с трудом пробираются сквозь густую толпу. В некоторых местах им приходится сходить с велосипеда и собственным телом прокладывать путь. В тележках рикш женщины в ярких праздничных сари и чистые дети. Над городом в ночном небе шипят, рассыпаясь цветными огнями, ракеты, с оглушительным треском рвутся под колесами рикш, автомобилей и велосипедов палочки, начиненные порохом. Повсюду в толпе и над толпой вспыхивают и искрятся бенгальские огни. Всего этого так много, и мне начинает казаться, что домой я уже не вернусь. Я сгорю или взорвусь, в эту благодатную ночь.

На свое счастье, я вспоминаю, что меня приглашали на праздник в гости. Час поздний, но я знаю, что никто не спит. Сквозь взрывы, шипение огней, гром музыки и барабанов, через ряды торговцев сладостями, фруктами, минуя тесные ряды смеющихся и гуляющих

людей, я выбираюсь на относительно тихую улицу. Кажется, здесь. Окна дома ярко освещены. Меня встречает хозяйка, миссис Рао. Начинается церемония, которой подвергаются все гости в ночь Дивали. Зажигаются сандаловые палочки, меня окуривают благовониями. Затем появляется прибор с множеством флакончиков. Меня опрыскивают духами. Хозяйка приносит небольшую коробочку с сухой краской. На моем лбу появляется оранжевая «бинда». Теперь, кажется, все. Но я должна съесть что-нибудь сладкое. После этой процедуры я присоединяюсь к остальным гостям. Их много. И не только индусы, но и несколько мусульман и парсов. С этой ночи я твердо знаю, что в народе живет большое уважение к религиям различных общин, что у индусов и мусульман нет взаимной вражды и нетерпимости. В праздник Дивали веселились все. Мусульмане были желанными гостями у индусов, индусы — у мусульман.

Перед рассветом город немного затихает, но народу везде много. Пуджа в честь Дивали уже совершена. Везде перед домами, в лавках, в харчевнях сидят люди. Они играют в карты на деньги. Кто выиграет в эту ночь, у того будет удачный год. Может быть, Лакшми принесет им богатство. Играющих много, а «удачников» мало. Но всем хочется выиграть в эту ночь, и поэтому до первых лучей солнца люди упорно сидят и играют. Сегодня индусам разрешено пить вино. Мусульмане уверены, что Аллах простит им их солидарность с индусами. Пьют мало, но пьянеют быстро. Опьяневшие, смущенно прижимаясь к стенам домов и фонарным столбам, пробираются затихшими улицами домой. Ночь Дивали кончается. Но праздник продолжается еще два дня. Горит иллюминация, чадят дипаки, рвутся ракеты.

В течение многих дней после праздника по городу бродят раскрашенные коровы. Они чем-то напоминают разноцветные грузовики на московских улицах после Всемирного фестиваля молодежи.

Самый веселый и самый страшный, на мой взгляд, индусский праздник Холи. Холи — в марте. С этим весенним праздником связано много легенд. Но самая популярная из них — о принце Прахладе. Принц был сыном злого царя Хираньякасипу и племянником тетушки-демона Холики. Несмотря на такое мрачное родство, Прахлад оставался верным богам и молился Вишну. Когда об этом узнали милые родственники, они решили уничтожить принца. Тетя Холика

обладала одним ценным качеством — не горела в огне. Потому она выбрала огонь как одно из средств наказания принца. Холика взяла Прахлада и взошла с ним на огромный костер. Но бог Вишну не оставил в беде своего ревностного почитателя. И произошло непредвиденное. Злая тетушка, сгорев, обратилась в пепел, племянник вышел из огня живым и невредимым, а Индия получила повод еще для одного праздника — торжества добра над злом.

Холи в Хайдарабаде и вообще на юге не отмечается столь бурно, как на севере страны. Но уже за неделю до праздника горожане надели старые, перемазанные краской рубашки и сари. В этот день в знак особого расположения люди мажут друг друга краской и поливают цветными чернилами. Естественно, я не ждала особого удовольствия от предстоящих торжеств. Однако посмотреть праздник мне очень хотелось. Везде на улицах царило оживление. Группы, молодежи с пакетами сухой цветной краски посыпали друг друга, раскрашивали лица. Я встретила одного моего знакомого, которого с трудом узнала. Его волосы из черных превратились в зеленые, лицо было в красно-желтых разводах, белая рубашка залита синими чернилами. Проезжавших велосипедистов поливали краской и чернилами из брандспойтов. В воздух летели целые клубы сухой краски. Краска яркой радугой оседала на одежде и лицах прохожих. Я зашла в гости к друзьям. И здесь дети не могли лишиться себя удовольствия немного раскрасить меня. Когда я возвращалась домой, наперерез мне стремглав летел босоногий малыш с пузырьком чернил в руках. Я погрозила мальчишке пальцем. Он заметил в моих глазах выражение мольбы и пощадил меня. Опасность подстерегала на каждом углу.

В этот день в Дели премьер-министр Неру выходит из ворот своей резиденции, где его уже ждет целая толпа. Раскрасить премьера хочется многим. На следующий день в газетах появляются радужные портреты Неру. Мусульмане тоже раскрашиваются в Холи. Но есть у них и свои праздники.

Хайдарабад — город мусульманский. Четыре минарета знаменитого «Чар-минара» до сих пор являются его признанной эмблемой. Хайдарабадские мечети славятся по всей Индии. По пятницам здесь собираются сотни и тысячи правоверных. С первыми лучами солнца в утреннем прохладном воздухе раздаются крики муэдзинов: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его!»

Мусульмане, слушающие этот призыв к намазу, спешат накрыть головы. Те, у кого под рукой не оказывается ничего подходящего, кладут ладонь на затылок. Перед началом работы мужчины-мусульмане совершают намаз в мечетях. Женщины делают это дома. Согласно законам шариата, они не могут осквернять своим присутствием святыне мечети. Каждый день во время намаза десятки тысяч лиц обращаются на запад, в сторону священной Мекки. Не всегда дела позволяют идти в мечеть, и намаз совершается и в лавке, и в учреждениях, и на улице. Однажды я зашла в гости к одному историку. Он преподает в университете. Мы долго разговаривали. Но внезапно хозяин прервал беседу и извинился передо мной. Пришло время намаза. Он его совершил в этой же комнате, за шкафом.

На любом хайдарабадском базаре вы найдете целые ряды лавок, торгующих реликвиями и молитвенными принадлежностями. В них можно приобрести молитвенные шапочки и коврики для намаза, зеленые лоскуты с изречениями из Корана и цветные картинки с изображением Мекки и других святых мест, Коран и четки. В Хайдарабате и в его окрестностях повсюду могилы и мавзолеи святых. Сколько святых, столько и праздников.

Однажды мой знакомый, работавший сборщиком налогов и Нагаркарнуле, предложил мне поехать с ним и его женой посмотреть Урс. Урс — праздник в честь местного святого. До Нагаркарнуля мы добрались к вечеру. Отсюда предстояло проехать еще миль двадцать до места, где должно было состояться торжество. Нам сказали, что лучше выехать попозже, так как Урс начнется ночью. Пока отдыхали мои гостеприимные хозяева, я решила пройтись и посмотреть Нагаркарнуль. Это был маленький и пыльный поселок. Я быстро прошла короткую улицу, на которой расположены контора сборщика, небольшой кинотеатр, школа и несколько лавок. За улицей начинались поля и заросли пальм. Я подошла к пальмовой роще и услышала гул голосов, среди деревьев мелькали огоньки. «Наверно, здесь деревня». Но хижины в «деревне» были очень странные — на колесах. В повозках спали дети. Около повозок лежали быки, мирно пережевывая жвачку. Тут же рядом у костров сидели мужчины и женщины. На кострах что-то варилось. Я решила, что это какое-нибудь бродячее племя. У неяркого костра на самой опушке рощицы сидели на

корточках двое: мужчина и женщина. Ночь была прохладная, и они набросили на плечи грубые домотканые одеяла.

— Откуда вы? — спросила я.

Женщина испуганно подалась от костра, а мужчина, помедлив, ответил:

— Из деревни.

— А далеко ваша деревня?

— Миль сто, а может быть, и больше.

Я подсела к костру. Женщина, подвинувшись, робко предложила мне вареный рис, горкой лежавший на банановом листе.

— Куда же вы едете?

— В Рангапуру, на Урс, — ответил мужчина.

Огонь костра освещал темно-смуглые лица моих собеседников. Постепенно из темноты рощи выходили фигуры, завернутые в одеяла. Они с интересом разглядывали меня.

— Мы уже едем три дня, — вмешалась в разговор женщина. — И останавливаемся на ночлег где придется. Вот сегодня нас ночь застала около Нагаркарнуля. Отсюда до Рангапуры недалеко. Утром мы будем там.

— Правда, — сказал мужчина, — к самому началу праздника мы не успеем, но ночью ехать опасно: Мы едем всей древней.

— Вы, что же, все мусульмане?

— Нет, нет, — ответило мне сразу несколько голосов. — Большинство индусы.

— Но ведь святой мусульманский.

— Это правда.

Рядом со мной на корточки опустился пожилой крестьянин. Седые, опущенные книзу усы резко выделялись на темно-коричневом, иссеченном мелкими морщинами лице. На голове крестьянина был белый тюрбан. От этого он был похож на негатив.

— У нас в Телингане всегда так, — сказал крестьянин. На мусульманские праздники ходят и индусы. А на индусские — мусульмане. А как же иначе? Мы ведь одна деревня. И работаем вместе и всегда помогаем друг другу.

Он помешал палкой в костре, и пламя ярко вспыхнуло.

В полночь наш джип выехал из Нагаркарнуля. На небе стояла неполная луна, и ее призрачный свет освещал быстро бегущую дорогу

и заросли деревья по обочинам. Дул порывистый прохладный ветер. Ухали и протяжно кричали ночные птицы. Машина взобралась на пригорок. И вдруг внизу в долине замелькали тысячи, десятки тысяч огней. Одни горели на месте, другие двигались группами в разных направлениях. Предчувствие чего-то необычного охватило меня. Джип стал спускаться в долину. Постепенно я стала различать, что неподвижные огни — это множество костров, а движущиеся — факелы. Глухие звуки барабанов неслись со всех концов долины. Она была запружена людьми, повозками, быками. Пляшущие огни костров причудливо освещали расположившихся прямо на земле людей. Это были крестьяне окрестных деревень. Их собралось около тридцати тысяч. Многие спали, завернувшись в одеяла. Наша машина осторожно пробиралась между бесчисленных повозок, быков, костров. Вскидывали потревоженные спящие, отъезжали в сторону повозки.

Наконец мы добрались до мавзолея «святого». Надгробие могилы было покрыто куском зеленой ткани. Под надгробием покоился «святой», умерший 200 лет назад. Сегодня ночью — его день рождения. Вокруг надгробия сидели седобородые мусульмане в тюрбанах и в фесках. На их лицах искренняя печаль, глаза закрыты.

Правоверные скорбели. Скорбящие сменяли друг друга. У входа в мавзолей образовалась толпа. На площадке рядом с мавзолеем примостился певец — кавали. Он пел под громкий аккомпанемент табла и в своей песне прославлял деяния святого. Перед кавали стоял микрофон, и репродукторы далеко по долине разносили песню. Глаза поющего были полузакрыты, лицо в экстазе обращено к небу. Пение привлекало своей необычностью. В нем не было музыкального единообразия. В песне слышалось что-то дикое и необузданное.

Вибрирующий голос певца то замирал в какой-то печали, то каскадом радости и торжества обрушивался на слушателей, то взмывал к небу безысходной жалобой, то вновь замирал в умиротворенной грусти. Две тонкие девичьи руки били в табла, повторяя разорванный ритм песни.

Девочке было лет четырнадцать. В такт уверенным ударам звенели запястья. Мне сказали, что кавали поет уже три часа и пропойет до утра.

Повозки, палатки, шатры образовали целые улицы на пустовавшем до этого месте. От мавзолея через всю долину тянулась широкая главная «магистраль». Вдоль нее торговцы поставили свои временные палатки и лотки. «Улица» и палатки были ярко освещены

ацетиленовыми лампами. В палатках и просто на земле продавались священные реликвии: неясные куски ткани, четки, сандаловые палочки, сухая краска для знаков каст. На наскоро сбитых прилавках лежали фрукты, сладости. Переливались всеми цветами радуги ткани, блестела обувь, сверкали дешевые украшения: стеклянные бусы и браслеты, серьги, кольца для рук, ног и носа. Святой в эту ночь обеспечил порядочный доход деревенским торговцам. У их палаток все время толпился народ. Женщины покупали цветные браслеты, садились на землю и примеряли кольца для ног. Дети не отходили от лотков с ядовито раскрашенными и покрытыми пылью сладостями. Бойко торговали продавцы нехитрых, сделанных руками деревенских мастеров, игрушек. В боковых «уличках» горели костры, на них готовили пищу. На главной освещенной «улице» стояли шатры местных богатеев и чиновников.

Чем дальше от центра, тем меньше света и огней. «Окраины» тонули в полумраке. Но именно там сосредоточилась основная масса приехавших на праздник крестьян. Даже здесь социальные отношения оказались выше «равенства» перед Аллахом. На «окраинах» около тусклых костров расположились быки, повозки, взрослые и множество детей. Там уже не было «улиц» и торговцев. Звуки барабанов и песня кавали доносились туда приглушенно и неясно.

Вдруг до меня донесся нестройный гул толпы. Я пошла на шум. Прямо на меня двигалось шествие. Колеблющийся свет факелов освещал полуобнаженные бронзовые тела мужчин, яркие праздничные сари женщин. У многих уши были отягощены тяжелыми серьгами, в носках сверкали кольца, звенели браслеты на руках. Под несмолкающий бой барабанов люди протяжно пели: «Ла-илла-иль-Алла, Ла-илла-иль-Алла» («Нет бога, кроме Аллаха»), и так без конца. Впереди шествия в каком-то диком фанатичном танце кружились дервиши, одетые в живописные лохмотья. Пламя факелов стыло в их неподвижно расширенных глазах. Пляшущие ничего не видели и не замечали. Они натыкались друг на друга, задевали зрителей. Беспорядочные взмахи рук, неподвижные взгляды, полубезумные блуждающие улыбки. В какой-то миг мне показалось, что они все пьяны. Но это было не опьянение, это был экстаз. Вот, один из танцоров упал на землю и забился в судорожном припадке. Процессия, не останавливаясь, шла вперед. Время от времени к пляшущим присоединялись женщины племени банджара. Они не были мусульманками, им просто хотелось потанцевать на празднике. Вихрь пляски крутил их яркие короткие юбки, развевал наброшенные на плечи шарфы. Звенели бусы, задорно и осмысленно сверкали глаза танцовщиц. Здесь не было экстаза. Живое человеческое веселье играло в их движениях. «Земные» танцы смелых и красивых банджара оскорбляли религиозные чувства мусульман. Банджара палками периодически изгонялись из праздничной процессии. Но они мгновенно и незаметно опять просачивались в круг танцующих дервишей.

За танцующими несли зеленые флаги на длинных палках. Зелёный — цвет пророка. На подушке под балдахином мерно раскачивались дары «святому». Розовое масло и мелко растертое сандаловое дерево. Вслед за балдахином вели лошадь под расшитой золотом попоной. Лошадь тоже предназначалась «святому». Процессия вышла на главную «улицу» и потянулась к мавзолею. Отовсюду несли дары били барабаны, плясали дервиши, исступленно вопили «Ла-илла-иль-Алла». У мавзолея двое полицейских с трудом удерживали желающих прикоснуться к «святым дарам». Люди бросались, рискуя быть растоптанными и смятыми. Над толпой взмывали сотни рук просящих, благословляющих и проклиняющих. В долине рвались ракеты и

вспыхивали, бенгальские огни. Бой барабанов нарастал. А над головами тысяч людей, неистовых в своем религиозном рвении, парила и вибрировала призывная песня кавали. От множества горящих факелов полз удушливый чад.

Луна зашла, и над долиной раскинулся черный полог неба с удивительно яркими и низкими звездами. Звездный голубоватый свет придавал всему нереальные очертания. Казалось, что я попала в какой-то сказочный ночной город. Город и его люди существовали много сотен лет назад, и только этой ночью он снова появился на земле, чтобы напомнить живущим в XX веке о фанатизме средневековья и плененном беспомощном человеческом разуме, бившемся в страшных сетях религиозных предрассудков и невежества. Как и все темное, этот город, с его дервишами, полубезумными обитателями, чадящими факелами, мавзолеем «святого», дикой песней кавали, должен был исчезнуть с первыми лучами солнца. Но этого не произошло. Солнце поднялось, но продолжали бить барабаны, песня кавали звучала в утреннем воздухе, «святой» продолжал принимать дары. Я поднялась на высокий холм. Косые лучи восходящего солнца осветили огромную чашу озера с одной стороны и лесистые горы — с другой. А между озером и горами по всей долине раскинулся огромный лагерь. Казалось, долина была привалом огромной, куда-тодвигающейся армии. Такой вид, наверно, сотни лет тому назад имели бивуаки войск Великого Могола.

После полудня лагерь стал постепенно таять. Урс подходил к концу. С большим трудом наш джип выбрался на запруженную людьми и повозками дорогу. Лагерь напоминал красочное озеро, из которого вытекает разноцветная река и заливает всю дорогу. Казалось, вся Индия двинулась в путь. Ехали крестьянские повозки, скрипели огромные колеса, мерно и задумчиво шли быки. В повозках сидели мужчины, женщины, старики, дети. В некоторых из них помещалось человек по двадцать, не меньше. Люди шагали и рядом с повозками. Джип пробирался сквозь эту толпу и делал не более пяти миль в час. И на всем протяжении передо мной, как на экране, текла настоящая деревенская Индия. Она не спешила, эта Индия. Впереди была длинная дорога, позади остался тысячелетний путь. Бычья упряжка через века тащится по пыльным дорогам страны. Меняются хозяева,

приходят и уходят поколения. А пара быков все продолжает тянуть крестьянскую повозку под монотонный скрип колес.

Незаметно подкрадывается вечер. Короткие сиреневые сумерки спускаются на дорогу, на поля, на пальмовые рощи. Пора думать о ночлеге. Повозки подъезжают к обочинам. Мужчины распрягают быков. Женщины разводят огонь и готовят нехитрую крестьянскую еду. Огни костров тянутся вдоль дороги на многие мили. Останавливаются на ночлег целыми «большими семьями», деревнями. Наш джип едет быстрее, А вдоль нашего пути, насколько хватает глаз, все горят и горят крестьянские костры. Завтра с рассветом вновь заскрипят колеса, покорные быки потянут повозки, и босые натруженные ноги запылят по бесконечной дороге...

Могилам «святых» поклоняются не только крестьяне. В Хайдарабаде мне нередко приходилось наблюдать небольшие «урсы». Но они мало напоминали то, что я увидела в эту январскую ночь в Рангапуре.

Две основные религии Индии, развивающиеся в тесном соприкосновении друг с другом, не могли не подвергаться взаимному влиянию. Индийское мусульманство всегда испытывало и испытывает воздействие индуизма. Именно в силу этого воздействия мусульманство в Индии приобрело ряд своеобразных черт, отличающих его от ортодоксальной религии Среднего и Ближнего Востока. Поэтому у индийских мусульман есть праздники, которых нет в других мусульманских странах. И эти праздники часто похожи на индусские.

В февральскую ночь полнолуния наступает Шаб-е-барат — «ночь благосостояния». Говорят, в эту ночь луна самая яркая. Шаб-е-барат очень напоминает Дивали. Дома мусульман ярко освещаются и иллюминируются. Зажигается фейерверк, вспыхивают бенгальские огни. В эту «святую» ночь Аллах спускается с седьмого неба на третье. С этого третьего неба Аллах лучше видит своих приверженцев и их дела. И, как Лакшми индусам, он приносит ревностным мусульманам удачу и богатство. Те, кто видит его свет в эту ночь, становятся счастливыми, и их желания исполняются. Для этого надо молиться всю ночь.

В ночь на 23 февраля над Хайдарабадом вошла удивительно яркая луна. Улицы, дома, деревья были залиты голубым светом. Мостовые и

тротуары тоже стали голубыми. Четкие черные тени легли на голубую землю. Свет луны заглушил уличные фонари, и они горели беспомощно и тускло. Голубовато-серебристое сияние было разлито в небе. Звезды исчезли. Только над горизонтом слабо мерцало несколько созвездий. Лунный свет высеребрил оперенье кокосовых пальм и наполнил расплавленным серебром озера и водоемы. Над Хайдарабадом стоял неподвижный теплый воздух. Казалось, дома, гранитные валуны, каменные изгороди излучают голубое тепло. И в этом лунном зное, да, именно зное, все казалось застывшим и город напоминал какие-то фантастические театральные декорации. Свет луны был таким ярким, что можно было без труда читать книгу. В голубом лунном свете четко вырисовывались минареты и купола мечетей. Это была действительно необычная ночь. Ночь Шаб-е-барат. Но она была полна не «святостью», а удивительной земной красотой.

В полночь во всех концах города раздались призывы к молитве. Улицы наполнились народом. К мечетям устремились тысячи горожан. «Нет бога, кроме Аллаха... Нет бога, кроме Аллаха». Эти слова поднимали всех мусульман Хайдарабада. В эту ночь никто из них не спал. В мечетях раздавали конфеты и сладости. Мусульмане молились: одни — в мечетях, другие — около них, третьи — дома. Перед рассветом луна пыла особенно яркой. Она освещала мечети и минареты, согнутые спины людей и обращенные к западу лица. Луну и ее свет в ночь Шаб-е-барат видели все в Хайдарабаде, а вот кто видел свет Аллаха и на кого снизошла его благосклонность — выяснить труднее. Горожане говорят, что этот свет видел крупный банкир с Султан-базара и теперь его дела пошли и гору. А лавочник Хуссейн утверждал, что в свете луны заметил самого Аллаха, сидящего на третьем небе. Лавочник получил на следующий день выгодный заказ. Живущий на моей улице рикша Али, промолвившись всю ночь, «божьего света» не увидел. А проведя время в мечети, потерял выгодный ночной заработок. «Все в руках Аллаха, — мудро рассудил Али, — каждому свое». В этот день он съел в обед только один банан вместо обычных двух.

В марте наступил рамазан — месяц поста. Конечно, для таких мусульман, как рикша Али, рамазан длится круглый год. А кто ест нормально, действительно постится целый месяц. Постится и молится. В Хайдарабаде у меня были хорошие друзья — мусульмане. У них

восемь детей. И дети тоже постились. Особенно усердствовала девятилетняя Чоти. Она не ела целый день, а ночью пила чай и совершала намаз. Родители, правда, не заставляли ее так строго соблюдать пост. Но Чоти была очень самостоятельным человеком и поступала по собственному разумению. Она очень похудела, и под глазами легли синяки.

— Чоти, — спросила я ее, — зачем ты это делаешь? Ты ничего не ешь и плохо спишь. Так ведь можно умереть. Чоти снисходительно посмотрела на меня.

— Так угодно Аллаху. Даже если я умру, то, значит, так хочет Аллах.

— Ну, а ты-то сама чего-нибудь хочешь?

— Есть хочу, — смущенно шепотом сказала Чоти.

— Ну поешь. Я уверена, Аллах на тебя не разгневается.

— Нельзя. Вот кончится пост, тогда...

Пост кончился в пятницу, 10 апреля. Пришел Рамазан-ид (праздник рамазана), или Ид-уль-фитр.

В этот день с утра мусульмане совершали праздничный намаз. Мечети были переполнены. Самым оживленным местом была «Мекка-масджид». С восьми часов утра сюда потекли толпы правоверных. Шли целыми семьями. Седобородые дедушки в высоких фесках, отцы семейств в свежих белых ширвани, мальчишки всех возрастов. Детей одели в праздничные цветные ширвани, на некоторых были фески. Они вели себя солидно, как взрослые. Им предстояло совершить в это утро важное дело.

У ворот мечети выстроился бесконечный ряд велосипедов, Запаренные рикши привозили все новых и новых людей. Рикши густым потоком заполняли широкую улицу Осман-базара, ведущую к «Чар-минару» и Соборной мечети. Автомобили с трудом лавировали в этом потоке. Сотни нищих толпились у каменных стен «Мекка-масджид». «Во имя Аллаха всемогущего и справедливого», — гнусаво тянули они. Правоверные раскошеливались. Сегодня нельзя отказывать в милостыне. В толпе сновали ловкие торговые агенты. Они вручали поздравительные карточки. На сером квадрате плотной бумаги было написано на урду «ид мубарак» («поздравляем с праздником»), а дальше по-английски: «Покупайте чернила марки „Орел“». Аллах в эту пятницу неплохо поработал для фирмы «Орел».

А правоверные все прибывают и прибывают. Во дворе мечети натянули шамиану^[9]. Здание мечети не может вместить всех желающих. У входа в мечеть люди разуваются. Таков закон. Вдоль стены выстраиваются тысячи пар обуви. Здесь и гордые, расшитые золотом туфли с загнутыми носами, и скромные на ремешках местные «чапали», рядом с модными европейскими ботинками примостились издававшие виды стоптанные тапочки, щегольские теннисные туфли стоят вперемежку с разбитыми грубыми башмаками. Обувь всех размеров и сортов. И каждая пара свидетельствует о своем хозяине. Некоторые, боясь растерять туфли, перевязывают их веревочкой или носовым платком. Целые семейные связки. И немудрено, пойдя потом поищи свои башмаки среди тысяч других. В мечеть собралось более десяти тысяч человек.

В девять часов начался намаз. Передо мной было море голов: фески, тюрбаны, молитвенные шапочки, просто носовые платки. «Во имя Аллаха всемогущего...» Фески, тюрбаны, шапочки, носовые платки исчезли, и по рядам засверкали босые пятки. Правоверные пали ниц. Потом снова фески и тюрбаны и снова пятки. И так много раз подряд. Все это походило на какие-то однообразные гимнастические упражнения. И только голос муллы, читавший молитву, напоминал о том, чем в действительности занимались эти люди. После намаза у стены, где стояла обувь, началось настоящее столпотворение. Все спешили домой, но без башмаков уходить не хотели. Дома многих ждал праздничный обед, и можно было, наконец, как следует поесть после поста. В этот день там, где могли, ели много и вкусно. Гостей угощали сладкими, специально приготовленными к празднику блюдами. А вечером, как и каждый праздник, рвались ракеты и трещали бенгальские огни.

Проходят праздники. Их сменяют будни. Для большинства горожан они наполнены трудом, заботами и беспокойством о будущем. Многие из них не уверены в завтрашнем дне. А если человек не уверен в себе и своем будущем, ему остается надеяться на Аллаха. «Нет бога, кроме Аллаха» — этот призыв звучит в городе каждый день. Люди идут в мечеть и становятся на молитву. Может быть, Аллах их все-таки услышит? Вдруг он услышит призывы и пошлет безработному работу, нищему кусок хлеба, Али собственную велорикшу, отцу

многочисленного семейства даст деньги на образование детей, исцелит тяжелобольную мать Чоти... Так думают люди, надеются и верят.

Хафиз сказал... Астрологи

Мой знакомый господин Хасан работает в библиотеке музея Салар Джанга. Однажды он наткнулся на старинную персидскую рукопись. На первый взгляд в рукописи ничего особенного не было. Но внимание Хасана привлекла странная таблица. В ней буквы арабского алфавита были расположены в необычной последовательности, а некоторые повторялись по несколько раз. Хасан заинтересовался рукописью и выяснил следующее. Ее автор, живший несколько сот лет тому назад, был прекрасным знатоком поэзии Хафиза и, очевидно, неплохим математиком. Потрудившись многие годы, он установил некую закономерность, связывающую собой первые строчки всех газелей Хафиза. Результатом этого своеобразного труда явилась поразившая Хасана таблица. Начав с любой буквы по ходу солнца, отсчитывалась каждая девятая, до тех пор пока число букв не исчерпывалось. Из этих девярых букв складывались слова, а из слов — фразы. И каждая фраза обязательно оказывалась первой строкой какой-нибудь газели Хафиза. Это была действительно поразительная таблица. Человек, сделавший ее, обладал удивительной трудоспособностью. Но его характеризовало не только это. Человек был одержим религиозным фанатизмом, и он решил, что в его таблице кроется нечто мистическое: стихами Хафиза с людьми говорит сам Аллах. У Аллаха можно было спросить что угодно. Стоит только совершить молитву и ткнуть пальцем в любую букву — и получишь ответ. Надо сказать, что первые строки газелей Хафиза часто носят общий и неконкретный характер. Поэтому их можно приспособить к любому вопросу.

Хасан вернулся домой и рассказал о чудесной таблице. Вскоре многие в городе узнали о ней. И хотя времена средневековья прошли, некоторые всерьез поверили автору старинной рукописи. Однажды к Хасану пришел бизнесмен.

— Я слышал о твоём Хафизе, — сказал он. — Мне нужен его совет.

Бизнесмен открыл новый магазин. В нем было все, что нужно женщине: украшения, духи, пуговицы, дорогие безделушки, красивая посуда. Но он не знал, как назвать магазин. В городе был объявлен

конкурс. Собралась конкурсная комиссия, разобрала предложения и пришла к выводу, что магазин должен быть назван «Она». Но хозяину «Она» не поправилось. И тогда он вспомнил о Хафизе. «Будет так, как скажет Хафиз», — решил бизнесмен. А Хафиз сказал: «Не всегда советы друзей бывают разумны». Бизнесмен ушел, а через несколько дней на магазине на Абид-роуд появилась вывеска: «Дом принцессы».

Я знаю в Хайдарабаде профессора, преподававшего естественные науки. Он отказался от выгодного предложения одного из зарубежных университетов, так как Хафиз сказал, что дальняя дорога ему не благоприятствует. Люди верят. И не только Аллаху и Хафизу, но и астрологам и гадалщикам.

Профессия астролога в городе весьма распространенная и уважаемая. Я знала, что в средние века астрологи предсказывали по звездам судьбы людей. Но то, что это вымирающее племя шарлатанов продолжает существовать в современной Индии, для меня было новостью. Но тем не менее это так.

На углу улицы сидит человек. На нем хитро закрученный тюрбан, длинная седая борода спускается на грудь. Перед человеком разложены книги, рисунки созвездий, знаки зодиака и какие-то непонятные мне письмена. Это уличный астролог. Недостатка в клиентах он не ощущает. Он сразу определяет, под какой звездой вы родились и благоприятствуют звезды вашей судьбе или нет. Астролог смело предсказывает, что вас ожидает в будущем и какой смертью вы умрете. «Судьбу каждого человека, — гнусаво тянет старик, — Аллах начертал на небе. Звезды неизменны и вечны. От предначертанной Аллахом судьбы никому не уйти». Астролога слушают внимательно две женщины. Они сидят на корточках и стараются понять, что написано в книге. Там ведь начертана их судьба. Затем подходит мужчина. Он держит за руку девочку лет пяти и хочет узнать, будет она счастлива или нет. Серебряные монеты звонко падают в кружку, стоящую у ног астролога.

Если вы не хотите сидеть перед уличным астрологом или дожидаться в приемной более удачливого его коллеги, можно купить книгу и самому выяснить свои звезды и свою судьбу. Литература по астрологии довольно обширна. Не хотите копаться во множестве непонятных книг? Вас никто не заставляет это делать. Вашу судьбу и характер уже описали и отдельной книжке. Отдайте за нее рупию — и

вы все узнаете. Что, слишком дорого? О Аллах милостивый, вам продают вашу судьбу, а просят только одну рупию.

Целая серия брошюр в цветных обложках лежит на прилавках книжных магазинов: «Что предсказывают звезды родившимся в апреле», в июле, в январе... и так для каждого месяца. Не думайте, что, не купив книгу, вы сможете заглянуть в нее. Вам это не удастся. Она зашита с двух сторон. Платите рупию, и все будет в порядке.

Но судьба — это слишком общо. Надо знать, что тебя ожидает каждый день. И тут на помощь приходят газеты. Да, обычные современные газеты. Те самые, которые печатают политические новости, сообщения о строительстве гидроэнергетических сооружений и помещают на первых полосах информацию о движении советских искусственных спутников. Каждое утро я читаю городскую газету «Декан кроникл». В ней существует отдел «Что говорят звезды». Это астрологический календарь. Из него можно узнать, чем можно и чем нельзя заниматься сегодня.

Я читаю: «Вторник 14 апреля. Звезды не благоприятствуют началу делового предприятия, но можно идти на любовное свидание или пускаться в путешествие». В среду наоборот. Можно заниматься делами, но не нужно идти на свидание. В четверг нельзя начинать путешествие и т. д. Люди читают газеты и верят астрологам. Они читают газеты и не сомневаются в возможности космических полетов. Противоречие?! Да. Но, эти противоречия неизбежно должны существовать в стране, отброшенной волей колонизаторов на несколько веков назад и теперь просыпающейся к новой жизни.

Предсказывают судьбу не только звезды. Ее, оказывается, можно определить и по линиям рук. Таких гадалщиков в Хайдарабаде больше, чем астрологов. Их можно встретить на любой улице, на базарах, в парках. Они сидят прямо на тротуарах, в пыли узеньких переулков. Они бродят от дома к дому и за несколько ан предсказывают будущее. Обычно это будущее бывает довольно светлым. Все несчастья остаются в прошлом. За плохое будущее гадалщикам платят мало, и они стараются. Гадалщиков очень много, работы у них меньше, чем у астрологов. Поэтому гадалщикам приходится потрудиться, чтобы добыть клиента. Некоторые из них довольно агрессивны и ловят людей прямо на улицах. Особенно настойчивая охота идет за иностранными туристами. Мне тоже

нередко приходится отбиваться от таких «нападений». На Султан-базаре ко мне подходит огромный сикх с черной бородой и в сиреновом тюрбане. Он доверительно протягивает мне свою визитную карточку: «Мистер Сурджит Сингх, — читаю я, — гадалщик по руке».

— Не требуется, — и возвращаю карточку.

Сикх не отстает. Он идет следом.

— Я расскажу вам все о вашем прошлом.

— Я его знаю.

— Мэм-саб, вы узнаете ваше будущее.

— Я тоже его знаю.

— Этого не может быть!

Я не поддерживаю спора. Мистер Сингх идет на хитрость, он хочет меня заинтересовать.

— Вы скоро получите пятнадцать тысяч рупий.

Я знаю, что Министерство высшего образования никогда не пришлет мне такой суммы, и не реагирую. Гадалщик удивлен и обескуражен моим равнодушием к такому сенсационному сообщению. Но продолжает прощупывать почву.

— В вас влюблены два джентльмена.

Я молчу.

— Нет, я ошибся, три джентльмена, даже четыре.

С меня хватит.

— Идите к черту! — говорю я по-русски.

При звуках незнакомой речи сикх останавливается, оторопело смотрит на меня и незаметно исчезает в толпе.

Для определения судьбы по руке существует также много книг. Эти книги снабжены детальными чертежами, на которых вы найдете названия линий ваших рук и их значение.

В гадание по руке многие верят всерьез. Однажды я пришла в гости к моему другу господину Хашиму. Хашим — член комитета Национального конгресса штата и относится с большой симпатией к Советскому Союзу. Мы обычно долго беседуем. Господина Хашима волнует кашмирская проблема. Он секретарь Хайдарабадского отделения Национального фронта Кашмира. Его, естественно, интересует и наша позиция в этом вопросе. Американцев Хашим

ругает. После беседы гостеприимный хозяин берет мою руку и спрашивает:

— Хотите, я вам погадаю?

— Вы это серьезно?

— Ну да. Я ведь давно занимаюсь этим.

— И верите, что по руке можно предсказать будущее?

— Конечно. Гадание по руке — это целая наука.

— Вы считаете, что это настоящая наука?

— Безусловно.

— А я думаю, что шарлатанство.

— Конечно, есть и шарлатаны. Но я занимаюсь этим серьезно.

— И в звезды тоже верите?

— И в звезды. Ведь в природе все взаимосвязано, все влияет друг на друга.

Господин Хашим говорит долго. Я не спорю. Мне только немного не по себе. Очень трудно понять, как может этот образованный и начитанный человек верить в астрологию и гадание.

Потом я не раз встречала среди хайдарабадской интеллигенции людей, которые отдавали дань суевериям и предрассудкам.

Часто люди в, самых серьезных поступках руководствуются суевериями. Так, если сын женится, а на правой ноге невесты оказалась родинка, мать жениха будет против этого брака. Родинка на правой ноге — это плохо для матери мужа. Родинка на левой ноге — плохо для отца мужа. И брак расстраивается. Старшая дочь низама не замужем. В роду низама существует поверье, что брак старшей дочери приносит несчастье или даже смерть отцу. Низам не хотел умирать и отказал дочери в праве на обычное человеческое счастье.

Если вы отправляетесь в дальнейшее путешествие, то от всех бед вас охранит талисман. Талисман — средство от болезней, от дурного глаза и от многого другого. Когда я уезжала из Хайдарабада, мои друзья мне вручили талисман. С этим талисманом, — серьезно сказала одна студентка, — вы благополучно долетите до Москвы. Только не расставайтесь с ним. Меня тронула такая забота. Но при упаковке вещей талисман оказался среди книг, которые я отправляла морем. Справедливости ради следует сказать, что книги прибыли в Москву благополучно.

Мир за занавесью. Если ты женщина...

В первый месяц моего пребывания в Хайдарабаде я была приглашена в дом знакомого бизнесмена на день рождения его младшей дочери. Багир-хан — так звали отца девочки небольшого роста, обрюзгший человек с глазами навывкате. Его жена, совсем молодая женщина — 19 лет, имела уже четырех детей. Когда-то она училась, но родители выдали ее замуж, и учение пришлось бросить. На стенах одной из парадных комнат висели фотографии пышной свадебной процессии. Со снимков смотрели немолодой жених с нагловатой усмешкой и напуганная четырнадцатилетняя девочка-невеста.

Стали собираться гости. Первой пришла сестра хозяйки дома с тремя маленькими детьми. На женщине было зеленое сари, в браслетах сверкали изумруды. В ее лице было что-то неприятное и злое. Служанка несла за ней подарок на серебряном подносе. «Моя сестра — жена наваба», — сказала мне госпожа Багир-хан. Потом стали появляться еще женщины, также хорошо одетые. «Все они знатные леди», — с гордостью сообщила мне мать новорожденной. Но ее гости держали себя как-то неестественно. Их разговоры не шли дальше нарядов и детей. Мои попытки наладить с ними искренние отношения терпели неудачу. На вопросы они отвечали односложно и пугливо озирались по сторонам. Да, женщины были странные. Тут я заметила, что самого Багир-хана среди гостей нет. Это обстоятельство немало удивило меня.

Багир-хан любил своих детей. Почему же он ушел с праздника дочери? Я спросила об этом его жену. Брови молодой женщины изумленно поднялись.

— Как? А разве он может быть с нами?

— Но почему же?

— Ведь для всех этих женщин мой муж чужой мужчина.

— Ну и что же?

Очевидно, моя наивность стала забавлять ее. Она рассмеялась.

— Ведь эти женщины соблюдают «парду». Вы знаете что это?

— Я слышала об том обычае, но...

— Все, кто соблюдает «парду», не могут смотреть на чужого мужчину. Да и не только на мужчину, они вообще ничего не видят, кроме своего дома.

Так вот почему эти женщины вели себя как-то странно. «Парда» — это значит «занавеска». Обычай «парны» соблюдается в основном мусульманками, согласно канонам ислама. В Хайдарабаде, мусульманском центре, этот обычай очень распространен. Занавеска отделила добрую половину человеческого рода от настоящей жизни, от общественных интересов. «Парда» искусственно ограничила кругозор женщин, изуродовала их психологию, превратила в послушных слуг повелителей-мужчин. Во многих мусульманских домах города есть обязательная женская половина — зинана. Комнаты зинаны — обычно внутренние, с окнами во двор, обнесенный высокой каменной стеной. Жизнь женщины, соблюдающей «парду», проходит в зинане. Сначала в зинане родительского дома, потом мужнего. Эти женщины не могут работать. А если они учатся, то только в закрытых женских колледжах. Занавеска преградила этим женщинам дорогу в широкий интересный мир. «Парда» сгубила не один живой ум, убила не один талант.

Некоторые ортодоксальные мусульмане пытались доказать мне необходимость этого обычая.

— В средние века, еще при Моголах, — рассказывал один мулла, — распущенность среди мужчин была очень большой. И добрые мусульмане, стараясь оградить своих сестер, дочерей и жен от оскорблений и похищений, прятали их от чужих глаз. И делалось это во имя блага самих женщин.

— Но ведь теперь не средние века и Моголов давно в Индии нет.

— Да, но есть люди, которые могут оскорбить женщину.

— Конечно, такие люди есть везде. Но женщина должна уметь постоять за себя.

— А зачем? Ей это вовсе не нужно.

— Но женщина должна стать равноправным членом общества. Даже если она мусульманка.

— Для чего? Все равно женщина не превзойдет умом мужчину. Поэтому Аллах определил ей место в жизни: быть рабой мужчины, готовить ему обед, ухаживать за ним, нянчить его детей.

— И вы думаете, что быть рабой — это благо?

— Послушание Аллаху — всегда благо.

Новые законы республики объявили женщину равноправной во всех областях жизни. Но, оказывается, есть еще и «закон Аллаха». И его не упразднишь государственным указом. Выработанные в течение веков взгляды и психология самих женщин зинаны нередко являются нелегким препятствием на пути их раскрепощения.

Женщина, покидающая на время зинану и отправляющаяся в город, должна быть всегда укрыта от взглядов прохожих. На улицах Хайдарабада, особенно в его старой части, встречаются странные существа. Они одеты в длинные балахоны. Их лица закрыты масками с прорезями для глаз. Одевание чем-то напоминает ку-клукс-клановское. Это — буркха. По ней можно сразу определить женщину, строго соблюдающую «парду». По городу катят велорикши. Верх тележки некоторых из них поднят и спущена занавеска. За занавеской сидит мусульманка. Рикша останавливается около магазина. Женщина приехала за покупками. Она не входит в магазин, а остается в тележке. Хозяин выскакивает из-за прилавка и ведет переговоры с женщиной. Через несколько минут лавочник выносит кусок ткани. Мелькает рука — ткань исчезает. Потом снова появляется. Не понравилась. Хозяин несет новую ткань. И так несколько раз подряд. Потом покупательница торгуется, и, наконец, взмокший лавочник укладывает в повозку покупки. Рикша нажимает на педали.

Женщина, соблюдающая «парду» и не имеющая слуг, покупает все сама. Такие сцены повторяются ежедневно повсюду: на фруктовом базаре, в ювелирных магазинах, около груд лежащих на земле овощей, даже в книжных лавках. Приглушенный голос из-за занавески, затем рука, проверяющая добротность товара, и снова только голос. Конечно, можно в щелку поглядеть и на улицу, и на снующих вокруг людей. Но разве можно увидеть весь мир в щелку?

Ездят с занавеской не только рикши, но и тонги и даже автомобили. Такая занавеска есть и во многих кинотеатрах города. За ней — специальные места для женщин. Во время демонстрации фильмов занавеска поднимается и вновь опускается в антракте. Однажды я была на вечере, где выступили со стихами местные хайдарабадские поэты. В зале и на сцене сидели мужчины. Было и несколько женщин. Случайно мой взгляд упал на один из углов зала. Он был отгорожен широким занавесом, оттуда доносились голоса и смех. Оказывается,

послушать поэтов пришли и соблюдающие «парду». Для них и устроили этот угол.

Как-то в одной мусульманской семье меня попросили рассказать о Советском Союзе. Дом был большой. Пришло много родственников и друзей хозяина — не меньше ста человек. Широкая вторая дверь просторной комнаты была завешена. Хозяин провел меня за занавеску и сказал: «Здесь наши женщины, они тоже хотят вас послушать». У двери на полу расположилось не менее сорока женщин. Они не посмели показаться на глаза своим родственникам-мужчинам.

Но бывает так, что занавеску повесить негде. Однако из положения выходят.

В декабре в Хайдарабаде открывается ежегодная промышленная выставка. Она длится месяца два и по существу превращается в своеобразный увеселительный центр города. На выставке работают кафе, магазины, множество забавных аттракционов. Вечером хайдарабадцы приходят туда погулять и развлечься. Допоздна горят веселые огни. Тем, кто соблюдает «парду», тоже хочется побывать на выставке. И тогда объявляют «женский день». Ни один мужчина, кроме служащих, проникнуть туда не может. Женщины берут с собой детей, еду, подстилки для сидения и оккупируют территорию выставки. В такой день там не протолкнешься, а от невообразимого шума начинает трещать голова.

Присутствие женщин в кинотеатрах, на выставках и в собраниях свидетельствует о том, что обычай «парды» слабеет. Соблюдающие «парду» уже выходят за пределы зинаны. Правда, осторожно и робко, стараясь, сколько позволяют условия, спрятаться за занавеску. Но тем не менее выходят. Еще до недавнего времени в аудиториях Османского университета были специально отгороженные места с отдельными входами для девушек. Теперь и юноши и девушки занимаются в общих аудиториях. Однако старые привычки и традиции еще сильны. Поэтому девушки стараются держаться вместе и садятся на отдельные ряды. Но шаг вперед уже сделан:

Весьма строго, в ортодоксальной его форме обычай «парды» бытует только среди наиболее отсталой части мусульманского населения Хайдарабада — бывшей княжеской аристократии и забитых нуждой малограмотных горожан.

Индусские женщины «парду» не соблюдают. Они всегда были более свободны, нежели их сестры-мусульманки. Но ряд ограничений существует и для них. Считается, например, зазорным появиться вечером на улице без сопровождающего или одной путешествовать в поезде. До сих пор в городских автобусах сохранились специальные места для женщин. Женщина не сядет рядом с чужим мужчиной. Если все места для женщин заняты, а есть свободные общие, женщина будет стоять. В поездах есть отдельные купе для женщин. И не только в первом классе, но и в третьем.

Женщина часто не имеет своей фамилии. Обычно после ее имени стоят унижительные слова «на попечении». Девушка пишет свое имя, затем «на попечении» и имя и фамилию отца. У замужней женщины после слов «на попечении» следует имя ее мужа. Эта надоедливая формула каждый раз подчеркивает, что женщина не самостоятельна, ее должен, кто-то опекать.

Новая жизнь ломает отжившие традиции и обычаи. Все чаще женщине приходится работать. Одних заставляет нужда, другие стремятся попробовать свои силы. Стены зинаны больше не могут быть их единственным миром. Кругозор, женщины расширяется, растет ее самостоятельность. Женщины начинают активно участвовать в общественной жизни. Те, кто увидел ее смысл, стараются потянуть за собой подруг. Есть в Хайдарабаде несколько мусульманок, которые когда-то соблюдали «парду», а теперь стали коммунистками. Они создали кружки среди малограмотных женщин и работают. Муллы пугают женщин, и кружки распадаются. Но их организывают вновь, и там женщины узнают о большом многообразном мире. Они возвращаются домой, и каждый раз зинана становится все тесней и тесней. В городе есть женские кооперативные общества; они помогают их членам вести борьбу за экономические права.

И, наконец, Женская демократическая федерация Хайдарабада пользуется значительным влиянием. Активистки Федерации стараются организовать женщин и во время религиозных праздников. Так, я попала во время торжеств, посвященных богу Ганеше, на очень своеобразное соревнование, которое проходило в бедном квартале на окраине города.

В Индии каждая женщина умеет украсить свой дом. Даже если у нее нет денег. Существует особый вид домашнего искусства. Оно

называется «муггу». Сухими цветными красками разрисовывают пол и дворик. Краску набирают в руку и медленно сыплют. Появляются замысловатые узоры и орнаменты. Нужна большая твердость руки, чтобы рисовать таким способом.

В праздник Ганеши было устроено соревнование по «муггу». В нем принимали участие почти все женщины квартала. Было и немало болельщиц. Узкую дорогу, проходящую между обшарпанными домами, подмели и разделили на участки. Все желающие получили по такому участку. На листе бумаги, прикрепленном к стене одного из домов, был нарисован орнамент. Художницы не должны были его копировать, можно было только использовать его мотивы. Скорость выполнения рисунка тоже учитывалась. Вся дорога быстро заполнялась рисунками. Ни один из них не был похож на другой, но в каждом повторился какой-либо мотив основного орнамента. Многие рисунки были выполнены с большим мастерством. Победительницей оказалась быстроглазая десятилетняя девочка. Ее рисунок отличался большой выдумкой и был быстро сделан. Девочку звали Лакшми. Жюри подарило ей яркую ткань на платье. Лакшми очень радовалась и гордилась. Ее старенькое платье еле держалось на худых плечах. Подруги окружили ее, щупали подарок и одобрительно качали головами. И, конечно, в памяти Лакшми останутся не процессии в честь Ганеши, заполнившие в этот день город, а радость ее победы, яркий кусок ткани и доверие, которое она почувствовала к людям, организовавшим это удивительное соревнование.

Сверстниц Лакшми я встречала часто, таких же быстроглазых живых девчонок.

В один из дождливых дней меня попросили прийти в женскую школу и рассказать о Советском Союзе. Школа была небольшой, классы неудобные и тесные. Здесь занималось более двухсот девочек, соблюдавших «парду». Школьницы собрались в небольшом зале. На меня внимательно и выжидающе смотрели сотни полторы живых черных глаз. Что же мне сказать этим девчонкам, на жизнь которых уже легла уродливая тень старых обычаев и предрассудков. Я чувствовала, что общий рассказ о нашей стране, может быть, и не найдет отклика в их сердцах. Они ведь еще ничего о нас не знают, так же как не знают наши ребята, что такое «парда» и зинана. И я им рассказала о советских пионерах, о наших славных и веселых

мальчишках и девчонках, которые учатся вместе, помогают друг другу, об их хорошей дружбе. Я рассказала им о светлом и большом мире, который окружает нашу детвору, о том, что советские девочки видят этот мир не через щелку в парде и что этот мир щедро отдает им свое богатство и свою радость. Я рассказала о мечтах наших школьников, мечтах не безнадежных, а воплощающихся в жизнь. Я увидела, как загорелись глаза, моих маленьких слушательниц. Среди сидящих передо мной я не обнаружила ни одного равнодушного лица. На одних было удивление, на других — недоверие, на третьих — какая-то затаенная радость, на четвертых — печальная задумчивость. Я говорила о женщинах — инженерах и летчиках, о геологах и моряках, о тех, кто принимает участие в создании спутников и космических кораблей, о широкой дороге, которая открыта в нашей стране женщине, и о том, почему это стало возможным у нас. Я кончила, а десятки голосов кричали:

— Еще! Расскажите еще!

И я рассказывала. Хотя занятия уже кончились, никто не хотел идти домой. Вопросов было много. Очень много. Пожалуй, больше всего волновал девочек вопрос: соблюдают ли советские женщины «парду» и есть ли в наших домах зинана. Мир без «парды» был им неизвестен.

Поднялась девочка лет тринадцати, с умными, глубоко сидящими глазами и упрямым подбородком.

— А что самое важное у вас в стране?

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Зинат.

— Знаешь, Зинат, самое главное у нас — человек. Зинат недоверчиво смотрит на меня.

— Но ведь самое важное — это деньги. Если у тебя есть деньги — значит, будет все. Я слышала, ваша страна богата!

Потом Зинат приходила ко мне в гости, и, мне кажется, она поняла, почему именно человек — основное богатство в нашей стране.

После беседы меня долго не отпускали.

— Дайте нам свой автограф, — просили девочки.

На столе передо мной выросла целая груда ученических тетрадей, в каждой из них я добросовестно расписалась. Худенькая девочка лет десяти принесла две тетрадки.

— Это моя тетрадка, — объяснила она, — а это — моей подруги. Ее сегодня нет в школе. Она вас не слышала, но должна иметь хотя бы ваш автограф.

— Я здесь тоже одна. Но считай, что я даю тебе автограф от всех моих подруг. А когда я приеду домой, я расскажу им о тебе и о твоих подругах.

— О! Но вы ведь меня забудете.

— Нет, не забуду. Я обязательно расскажу.

Когда я уходила, маленькая любительница автографа протиснулась ко мне и сунула мне в руку что-то завернутое в бумагу. Это был тонкий носовой платок, старательно вышитый.

— Это сделала я сама. Теперь вы меня не забудете.

Конечно, не забуду. Друзей не забывают, даже самых маленьких.

«Парда» постепенно уходит в прошлое. Даже те, кто ее соблюдает, теперь уже не похожи на своих матерей и бабушек. Но, как и все старое, обычай «парды» не уходит без борьбы. И эта борьба подчас полна острых конфликтов и столкновений.

Старые обычаи и традиции часто лишают женщину самостоятельности даже в создании собственной семьи. Сама она не может выбирать мужа. Право выбора обычно принадлежит родителям. Родители и родственники девушки не считаются ни с ее чувствами, ни со склонностями в выборе мужа. Нередко ее выдают за незнакомого человека. Девушка должна выйти замуж как можно скорее. Ведь если семья бедная, то каждый лишний рот — это обуза. Дочь надо «пристроить». И ее «пристраивают», отдавая в дом мужа. Возраст не играет особой роли. Я видела женщин, которых выдали замуж 13–14 лет, хотя ранние браки запрещены законом.

Очень редко юноша сам делает предложение девушке. Как правило, после сговора родственников предложение или передается через женщин семьи, или присылается по почте. К письму прикладывается фотография претендента на руку. Предложение иногда может исходить и от родственников девушки. В Индии существует специальная брачная газета. Те, кто хочет жениться, но не нашел ничего подходящего для себя среди своих знакомых, дают объявление в газете. В объявлении обычно указываются качества и образование жениха, его материальное положение, а также желаемые качества невесты. «Газетных» браков — немало. Меня однажды познакомили с

человеком, который женился таким образом. Когда он дал объявление, к нему приехали отцы сразу трех невест. Он долго не знал, на ком остановить свой выбор. И, наконец, предпочел девушку, чей отец оказался наиболее настойчивым и хитрым. Причем своего будущего тестя он видел впервые в жизни. Семья девушки жила в другом городе. Учет материального положения жениха и невесты, особенно в городах, играет не последнюю роль. Если жених богат или обладает приличным постоянным доходом, он редко получает отказ. Невеста должна иметь приданое. Обычно родственники мужа долго торгуются с семьей невесты. Часто, кроме вещей, за невестой дается определенная сумма денег. Я была свидетельницей того, как не состоялся сговор только потому, что родители невесты могли дать всего три тысячи рупий вместо требуемых пяти.

Но если сговор состоится, после него обычно назначается помолвка. Помолвка — это по существу смотрины, обряд, довольно унижительный для невесты. В ее дом приходит малознакомый жених и его родственники. Они приносят блюда с традиционными сладостями. В течение всей помолвки невеста неподвижно сидит под покрывалом. На ней — подходящие этому моменту украшения, лицо и ладони разрисованы охрой. Родственники жениха по очереди подходят к невесте, приподнимают покрывало и смотрят. От их мнения зависит многое. Как-то я была приглашена на такую помолвку. Выдавали замуж старшую из восьми дочерей. Все, казалось, шло хорошо. Родственники бесцеремонно разглядывали невесту, и она им нравилась. Но вдруг кто-то обратил внимание на младшую сестру невесты. Родственникам, она понравилась больше.

— Мы хотим взять эту девушку, — сказали они родителям.

— Но она еще молода и учится. Мы не хотим выдавать ее сейчас, — отвечали те. Родственники заупрямились. Весь этот разговор происходил при невесте. Девушка была в состоянии, близком к обмороку. Но сказать она ничего не посмела. Их было восемь сестер, и семья еле сводила концы с концами. Жених же не требовал денег. Можно ли думать о девичьей гордости в таком положении?

Наконец ее отцу удалось уломать строптивых родственников жениха. Через месяц свадьба состоялась.

Апрель и май — жаркие месяцы на юге — сезон свадеб. Во всех концах города раздается свадебная музыка. Жениховские процессии

тянутся к домам невест днем и вечером. Процессии эти разные. Одни сопровождаются духовым оркестром, а жених едет в автомобиле, украшенном гирляндами цветов. Вслед за ним следуют машины родственников и друзей. Другие — не менее помпезные, когда жених едет верхом на лошади. На женихе парчовое ширвани, хитро закрученный тюрбан, лицо скрывают гирлянды цветов. Жениха сопровождает празднично разодетая толпа. Визжат флейты, глухо гремят табла. Третьи — совсем скромные. Жених и его родственники едут на велорикшах. Впереди сидит одинокий музыкант и без устали бьет в барабан. Жених в велорикше беден. У него нет собственной лошади, он не может взять такси и нанять оркестр. Но церемония должна быть соблюдена.

Да, процессии очень разные. Как-то я встретила богатое свадебное шествие. Шествие заключал грузовик, в кузове которого возвышалась под парчовым балдахином двухспальная кровать. Если жених и невеста богаты, их дома в день свадьбы бывают ярко освещены и иллюминированы. Столы ломятся от яств, собираются сотни гостей. Невесту одевают в дорогое красное сари (красное — цвет индийской невесты) и увешивают драгоценностями. Свадебная церемония в таких домах длится долго. В кварталах бедноты — все иначе. Здесь тоже стараются декорировать дома. Но обычно это только цветы и различные бумажные украшения.

Свадьба — мероприятие весьма разорительное. Те, у кого нет денег, не смеют посылать или принимать предложение. На свадьбу копят деньги всю жизнь. Если в семье рождается ребенок, родители начинают откладывать деньги на будущую свадьбу. Ну, а если откладывать нечего, приходится влезать в долги. Ростовщики — всегда к услугам. Одни получают в приданое чековые книжки, дома и землю, другие — долголетние долги.

В Хайдарабаде у меня был друг. Звали его Захурали. Он учился в Османском университете и жил в небольшом домике на той же улице, где жила и я. Отец Захурали был мелким служащим, и семья очень нуждалась. В двух маленьких, темных и скудно обставленных комнатах ютилось двенадцать человек. Как-то, зайдя к ним в гости, я увидела в углу целую гору посуды и несколько кувшинов, с которыми женщины ходят за водой.

— Что это? — поинтересовалась я.

— О, это приданое моей сестры.

— Когда же свадьба?

— Через два месяца.

Я знала сестру Захурали. Это была тоненькая, застенчивая девочка лет пятнадцати.

— Так скоро?

— Да. Нашелся жених. А вы ведь знаете, для нас лишний рот — это целая проблема. Но и это, кажется, не выход из положения. На свадьбу нужны деньги. Много денег. А я в этом семестре еще не заплатил за обучение.

— Что же вы теперь будете делать?

— Уже сделали, — вздохнул Захурали. — Заняли. Часть долга взял на себя жених, часть — мы. А вот когда расплатимся, даже не знаю...

— Неужели обязательно так тратиться на свадьбу?

— А как же. Это — обычай. Мы не можем идти против него.

Свадьба действительно состоялась через два месяца, сестру Захурали увез в другой город немолодой мужчина. А семья переехала в глинобитный домишко на окраине Хайдарабада. Платить за две комнаты они уже не могли.

Девушку выдают замуж. Начинается бесконечный ряд однообразных, похожих друг на друга дней. Заботы по хозяйству, ухаживание за мужем, кухня. Не часто случается, что муж стремится ввести жену в круг своих интересов, старается стать ее другом. Чаше жизнь мужа вне дома остается непознанной и закрытой для жены. А потом рождаются дети. Много детей, почти каждый год. И чем беднее семья, тем больше детей. Меня всегда поражало обилие детей на улицах индийских городов. Спокойные и озорные, чистые и грязные, хорошо одетые и босоногие, они наводняют все дворы, сады, переулки, улицы. Рождаемость в Индии очень высокая. Некоторые «теоретики» считают, что нищета страны в значительной степени создана ею. Но всем известно, что это не так. Не углубляясь в подробный социально-экономический анализ, можно сказать, что нищета и безработица индийских городов и безземелье индийской деревни порождены другими причинами. Тем не менее в стране стараются сократить рождаемость. Устанавливаются различные центры по контролю над рождаемостью, пишутся статьи, призывающие ограничиться

приемлемым числом детей. Четверо и пятеро детей в семье — это совсем немного. Часто встречаешь значительно больше.

Как-то я спросила одного адвоката:

— Сколько у вас детей?

— О, совсем немного, — ответил он. — Небольшая крикетная команда.

Но существуют семьи, а таких немало, где, как правило, 10–15 детей. И всех их надо накормить, одеть, надо платить за их образование, за лечение. Сделать это часто очень и очень трудно. А иногда почти невозможно. Средний бюджет рабочей семьи не превышает 100 рупий в месяц. Это в лучшем случае. Поэтому так худы и плохо одеты те многие тысячи детей, которые возятся в пыли узких улиц кварталов городской бедноты.

«Я — рикша»

В одном индийском фильме я видела сытого, улыбающегося человека, который пел веселую песенку:

Мен рикшавала,
Мен рикшавала.

(Я — рикша).

Так бывает в кино. В жизни все иначе. С раннего утра до поздней ночи по улицам Хайдарабада катят сотни и тысячи велорикш: одни — пустые, другие — с пассажирами. Босые жилистые ноги непрерывно крутят педали. Безжалостное тропическое солнце жжет мокрые от пота спины, согнувшиеся над рулями. А рикши все продолжают свой бесконечный бег. Куда? Да никуда. От вокзала Нампалли и снова к вокзалу Нампалли. От Султан-базара и опять к Султан-базару. И так целый долгий день. День без цели, без мысли, часто без еды. День, заполненный тяжелым одуряющим трудом. День, приносящий медные пайсы и аны и бесконечную усталость. День, уносящий силы и здоровье. Летит тележка рикши, мелькают педали. Так же быстро несется и его жизнь. Редко, очень редко рикша доживает до 35-летнего возраста. Не выдерживает сердце, слабеют легкие. От постоянного недоедания дряхлеют мускулы. Рикш в Хайдарабаде очень много, около 12 тысяч. Их больше, чем это надо городу. Поэтому не каждый день у рикши есть работа и еда. Нет, 12 тысяч рикш — не безработные, они — полубезработные. А в этом есть разница, правда небольшая.

Однажды я ждала автобус на остановке, неподалеку от моего дома. Автобуса долго не было, и я присела на каменные ступеньки небольшой мечети. Был жаркий полдень, и по пустынному раскаленному шоссе катили редкие рикши. Один из них со своей коляской остановился около меня.

— Поехали, мэм-саб.

— Нет, я жду автобуса.

Рикша опустил на ступеньки. Это был худой парень с копной густых вьющихся волос. На его плечах еле держалась бывшая когда-то белой, разорванная в нескольких местах рубашка. Короткие штаны из

полосатого тика были перехвачены у пояса каким-то замысловатым шарфом. Босые ступни растрескались от жары и пыли.

Мы разговорились. Его звали Али, жил он тут же рядом, в одной из глинобитных хижин, которые разбросаны позади этой улицы. Дом принадлежал его родственникам, а сам Али из деревни. Деревня в Телингане, 150 миль от Хайдарабада. Там живут его родители, братья и сестры. Он — младший в семье.

— Нет, земли у них нет. Отец арендует 2,5 акра, но прокормить этим семью нельзя. Три года тому назад, когда Али было 16 лет, он уехал в город на заработки. Но отыскать работу в Хайдарабаде оказалось делом нелегким.

— Вы видели здесь много людей без работы, — говорит Али.

Да, я видела. Их действительно много. Они обивают пороги мастерских и вокзалов, сидят на корточках в пыли базарных улиц и ждут: может быть, кому-нибудь понадобится кули. Многие состоят на учете на бирже труда и ждут своей очереди, но очередь двигается очень медленно. Мне это хорошо известно. Али тоже толкался в разные места, но безрезультатно. Он хотел было уже вернуться в деревню, но один знакомый пообещал устроить его рикшей. Пришлось заплатить ему за это и внести залог за коляску. Так Али стал рикшей. Каждый день он должен отдавать хозяину, которому принадлежит коляска, не менее двух рупий. Но бывают дни, когда у него нет этих рупий. Хозяин пишет долг. Али должен вернуть его в следующие дни. Самому ему остается немного. В самые лучшие дни он зарабатывает рупию. А много ли можно сделать на рупию? На себя Али тратит всего несколько ан. Оставшиеся деньги откладывает. Надо выплатить долг, который он сделал, чтобы внести залог. Кроме того, Али должен платить за квартиру, немного посылать в деревню.

Что ест? Есть приходится не часто. Сегодня, например, есть не обязательно. Он заработал слишком мало. Обычная же еда — несколько бананов в день. Иногда по праздникам — рис. Мясо? О нет. Последний раз он ел мясо года три тому назад. Трудно выдержать? Но ведь он молодой и здоровый. Пока здоровый. И он уже привык. Правда, есть хочется все время, но ничего, зато у него работа. Да что он один такой, что ли? Многие рикши живут так же. Их ведь сотни таких. Да что сотни! Тысячи! А некоторым из них приходится и похуже, особенно если есть своя семья. Али поднимается.

— Ну, мне пора. Да вон и ваш автобус едет. Из-за поворота в клубах пыли показывается старый, разболтанный автобус. Али быстро садится в седло, и его коляска скрывается в переулке.

Потом я не раз встречала рикшу Али, и мы разговаривали.

...Рабочий день Али, как и многих его товарищей, начинается рано. Он встает в шесть часов, когда солнце еще не печет и на городских улицах прохладно. У водопроводной колонки, неподалеку от его дома, Али умывается и пьет. Холодная свежая вода — первый его завтрак. Женщины, пришедшие за водой, добродушно поругивают его, если он их задерживает. Но это бывает не часто, Али спешит. В это время город просыпается, и надо, пока еще не жарко, успеть кое-что заработать. Али едет на стоянку для рикш у рынка Муаззам-джахи. Здесь уже оживленно. Овощной и фруктовый рынки заполнены пестрой снующей толпой. Али не приходится долго ждать.

— Эй, рикша! — окликают его.

На углу улицы стоит немолодая крестьянка. У ее ног на тротуаре лежит корзина с цветной капустой. Али помогает погрузить корзину на коляску, и крестьянка садится рядом с корзиной. Али нажимает на педали и быстро едет. Сейчас ехать не трудно, да он еще и не устал. Через три квартала коляска останавливается, и в кармане рикши звенят первые аны. Потом он везет дхоби с большим узлом выстиранного и выглаженного белья. Дхоби едет далеко, почти на другой конец города. Свежий ветер надувает пузырем рубашку Али, дорога идет под гору. За утро Али успевает перевезти еще двух лавочников, спешивших на Султан-базар.

Между девятью и десятью часами рикши нарасхват. Едут служащие в свои учреждения. Отовсюду несется: «Эй, рикша! Эй, рикша!» И коляска Али вливается в нескончаемый поток велорикш, заполняющий в эти часы широкую улицу, где расположена большая часть учреждений. Затем Али везет нескольких школьников и студента. Студент насвистывает модную песенку из кинофильма «Шарарат», и ехать с ним весело. Но голод дает себя знать. Али пересчитывает аны. Нет, банан купить нельзя. С этим придется подождать до обеда. А вот стакан чая — это, пожалуй, можно. Али решает заехать в харчевню Юсуфа, что стоит в тесном тупичке, недалеко от вокзала. Харчевня маленькая и грязная. В единственном засиженном мухами шкафу стоят банки со сладостями и пряностями.

Аппетитно пахнет жареной самосой^[10]. Можно вдыхать этот запах, сколько хочешь, за это платить не надо. Ну, а самоса пусть подождет до лучших времен. В харчевне за голым, грубо сделанным деревянным столом уже сидят несколько рикш.

— Эй, Али, — кричат они, — иди к нам! Али подсаживается к товарищам.

— Ты сегодня, наверно, богат?

— Очень, — отвечает Али, — я могу взять стакан лучшего и мире чая, фирменное блюдо отеля «Юсуф».

Рикши смеются. Всклопоченный мальчишка лет четырнадцати, с грязным полотенцем на шее, ставит перед Али захватанный стакан с мутноватой жидкостью. Сегодня «фирменное блюдо» явно не на высоте. Но Али этого не замечает и жадно пьет горячую жидкость.

После чая работать труднее. Педали не слушаются, как прежде. Да и пассажиры почему-то прибавили в весе. Но Али еще едет быстро. Пассажиры торгуются, называют места, куда надо ехать. Вокзал Нампалли, Абид-роуд, Султан-базар, Кхайртабад, «Чар-минар», Осман-базар, Адикмет... Город велик. Солнце давно уже стоит высоко в небе. «О Аллах, — просит Али, — пошли хоть небольшую тучку! Зачем ты создал такое яркое и такое жаркое солнце?» Но Аллах молчит. Ему никогда не приходилось бывать рикшей. Кровь гулко стучит в висках, глаза застилает пот, мускулы ног наливаются свинцом, дыхания не хватает. Кажется, весь мир раскален до предела. Ни ветерка, ни тени. И так будет вечно. Али уже не верит, что прохлада когда-нибудь опустится на эту истомленную зноем землю.

— Эй, рикша, скорей! Заснул, что ли?

Пассажир, толстый человек в гуджаратской шапочке, куда-то спешит. «Купец, наверно», — думает Али и крутит, я крутит педали. Узкая улица круто поднимается в гору. Седок весит не меньше 120 килограммов. Коляска, кажется, застывает на месте. Али покидает седло и, вцепившись руками в руль, тянет на себе коляску. Мускулы шеи напрягаются вот-вот лопнут жилы. Босые ноги с трудом упираются в раскаленные камни мостовой. Но Али уже их не чувствует!

— Скорей! — опять вскидывается купец. — С виду ты здоровый малый, а едешь, как кляча.

Али молчит и тянет коляску. Наконец подъем кончается. Можно снова сесть на велосипед. Толстый купец сходит в одной из лавок на Султан-базаре и небрежно бросает рикше монету в четыре аны. Али не успевает ее поймать, и монета зарывается в пыль. Али с трудом сгибает уставшую спину и поднимает монетку. Кажется, можно теперь пообедать. Тут же, у лавки, поджав ноги, сидит фруктовщик. Перед ним на циновке гора бананов. Али подает ему пыльную монетку, берет два банана и начинает есть.

— Эй, рикша! — вдруг раздаётся снова.

К Али подходят две женщины. Одна старая и дородная, другая тоненькая, совсем девочка. «Мать и дочь, — решает Али, — а может быть, свекровь и невестка».

Рикша умоляюще смотрит на них. Ему просто необходимо доесть этот второй банан. Но женщины торопятся. Да и с какой стати они будут ждать? Вон сколько свободных рикш! Двое уже подъезжают к ним. Али спешно сует недоеденный банан в карман и вскакивает на седло. Старшая женщина все еще ворчит, усаживаясь в коляске. Снова вращаются педали. Но двоих везти тяжело, очень тяжело. А Али даже не дали подкрепиться. Впереди ослепительная лента дороги. Улица очень длинная, гораздо длиннее, чем была утром. Каждый оборот педалей дает себя чувствовать. Руки на руле, казалось, онемели. Руль становится непослушным. Одежда прилипла к мокрому разгоряченному телу. Перед глазами красные круги. Солёный пот разъедает кожу. А улица все тянется и тянется. Бесконечная улица в красном тумане. У нее нет конца. Али кажется, что этого конца никогда и не было. В ушах стучат молотки. Они стучат все громче и громче: «Нет конца, нет конца». А лента улицы все растет и растет. Красная длинная лента. Она смеется в лицо рикше и извивается в издевательском вопле: «У меня нет конца, куда ты едешь? У меня нет конца!» Пустые, черные окна домов подмаргивают Али и шипят: «У дороги нет конца, нет конца. Остановись, остановись». Перед глазами в каком-то диком танце прыгают черные окна и красная дорога. Черное и красное, красное и черное... Больше ничего. Весь мир составлен только из двух цветов: красного и черного. Руль выскальзывает из потных ослабевших рук. Ноги соскакивают с педалей. Нет силы поставить их на место. Но мозг сверлит одна неотступная мысль: «Если я доеду до конца, то получу четыре аны. Четыре аны — это не

много, но и не мало. Надо доехать до конца, надо...» Али поднимает лицо к небу, но солнца не видит. Там опять только красная лента дороги. «Остановись, остановись, — стучит сердце, — если ты не остановишься, остановлюсь я». Али прижимает руку к груди. Сердце еще бьется. Его гулкие удары отдают в голове. Али не доезжает до конца. Сквозь черно-красный воздух перед ним возникает знакомое лицо. Это Ахмед, товарищ Али. Его коляска пуста.

— Эй, Ахмед! — хочет крикнуть Али, но язык не повинуется. Али беспомощно взмахивает рукой. Ахмед понял. Он подъезжает к рикше и забирает его седоков. Две аны он отдает Али, две остальные он получит, когда доставит женщин на место. Али ставит коляску под дерево и, обессиленный, валится на землю.

— Эй, рикша! — откуда-то издалека доносится голос. Али не шевелится.

— Эй, рикша! Я тебе говорю! Поедешь ли ты или нет? Али с трудом поворачивает голову, видит двух человек и делает отрицательный жест. В голове пульсирует мысль: «Потерял четыре аны, потерял четыре аны...» И потом все куда-то проваливается.

— Я тебе говорил, — обращается звавший рикшу к своему спутнику, — что хайдарабадские рикши самые ленивые. Смотри, разлегся. Думает, что деньги ему упадут с неба.

Нет, Али так не думает. Он вообще уже не думает. Он лежит с широко раскрытыми глазами смотрит в небо. Там уже нет красной дороги и черных окон. Только бездонная ослепительная голубизна. Покой и свобода. И, наверно, прохлада. Али нащупывает в кармане недоеденный банан. Но есть уже не хочется, нет сил. Мягкая, душная вата постепенно обволакивает его сознание, и Али забывается. Он не помнит, сколько времени это продолжается. Когда Али приходит в себя, улицу уже пересекают длинные тени. Рикша съедает банан и медленно едет вдоль улицы.

— Эй, рикша!

Новый седок садится в коляску. Но теперь крутить педали легче, хотя во всем теле еще чувствуется усталость. Али возвращается домой поздно вечером. Он уже не сидит на велосипеде, а шагает рядом с коляской. Придя домой, он забывается тяжелым сном, тут же в маленьком дворике. А завтра Али снова катит коляску по городским улицам

— Эй, рикша! Эй, рикша!

И так целый день.

Но Али не всегда приходится ночевать дома. Иногда у него нет сил доехать. И он спит прямо на улице, неудобно свернувшись в своей коляске.

В городе часто бывают праздники, но Али от этого не легче. В праздники приходится много работать. Но и у Али есть свой праздник.

С утра в день Первого мая по городу ездили грузовики с рабочими. Рабочие размахивали красными флагами и пели песни. Был жаркий сезон, и на улицах алыми цветами рдели деревья, которые в Индии называют «пламя лесов». Мне казалось, что город специально украсился к первомайскому празднику. Вдоль широкой улицы, которая ведет от рынка Муаззам-джахи к зданию Национального конгресса, двигались колонны демонстрантов. Над колоннами развевались красные флаги и плыли транспаранты с призывами хайдарабадских профсоюзов. Я остановилась на тротуаре, чтобы лучше разглядеть демонстрантов. Вдруг кто-то окликнул меня. Я обернулась и увидела Али. Рядом с ним не было коляски, и от этого он выглядел немного растерянным и странным. К нагрудному карману его чистой рубашки был приколот алый цветок, «пламя лесов».

— Али? Разве ты сегодня не работаешь?

— Нет, мэм-саб. Сегодня у меня праздник.

— Ты был там? — я кивнула в сторону демонстрантов.

— Я только что оттуда. Был большой митинг и говорил товарищ Макдум.

Али так и сказал: «товарищ». Я хорошо знала Макдума, председателя Конгресса профсоюзов штата Андхра Прадеш.

— Тебе понравилось то, что он говорил?

— О да. Он сказал, что хозяева нас обманывают. Мы не должны отдавать им две рупии. Нам надо бороться.

— Ты ведь знаешь, это очень трудно.

— Знаю, но я хочу жить долго. А рикши не живут долго, потому что хозяева их обманывают. Мы должны есть как люди.

— Так сказал товарищ Макдум или ты сам так думаешь?

Али смутился.

— Кое-что сказал Макдум, а кое-что я сам уже знаю.

Яркое майское солнце играло на красных флагах, на пламенивших цветах деревьев, щедро освещало красное пятно на груди Али. Али стоял и улыбался. Он редко улыбался, а улыбка очень красила его простое крестьянское лицо. Да, конечно, и у рикши должен быть свой праздник. Праздник, когда можно не работать, улыбаться и узнавать кое-что полезное...

«Данное богом»

Однажды я ехала в автобусе. Все места были заняты, и только одно оставалось рядом с человеком, по виду крестьянином. На какой-то остановке вошел дородный мужчина в дхоти, с брахманским узелком на затылке. Вошедший не сел на свободное место, а облокотился на спинку одного из сидений. В автобусе было душно, со стоявшего градом лил пот. Было очевидно, что стоять ему трудно. Он переминался с ноги на ногу и тоскливо посматривал в окно, за которым медленно проплывали остановки. Никто больше не выходил и не входил в автобус, и единственное место продолжало пустовать. А брахман все стоял. Наконец автобус прибыл на конечную станцию у Афзаль Ганджа, и пассажиры стали: выходить. Я оказалась рядом со стоявшим всю дорогу человеком и, воспользовавшись моментом, спросила:

— Почему вы не сели? Ведь в автобусе было свободное место.

— Вы думаете, я мог?

— Что же вам помешало?

— Как что? Разве вы не заметили, что свободное место было рядом с неприкасаемым. А я — брахман. Брахман никогда не сядет рядом с неприкасаемым.

— Но, позвольте, ведь каст теперь не существует. Они упразднены законом Республики.

Брахман как-то по-кошачьи фыркнул и наставительно произнес:

— Разве человеческий закон в силах изменить то, что дано богом и богом предписано?

Многовековое проклятие кастовой разобщенности, тяготевшее над страной, закон Республики провозгласил ликвидированным. Брахман невольно довольно точно выразил положение дел с кастами в современной Индии. Юридически касты не существуют, но остались

кастовые предрассудки. Многовековое зло, освященное религией, нельзя упразднить одним законом. С ним надо бороться долго и упорно. Борьба эта только начинается и приносит пока незначительные результаты. Поэтому бывшие неприкасаемые для многих еще остаются неприкасаемыми. С ними не садятся рядом и не подают руку. Брахман-чиновник не возьмет неприкасаемого к себе в учреждение. В одной из деревень Телинганы я видела школу. Там учились и дети неприкасаемых. Но они были отделены от остальных и занимались во дворе, в специально отгороженном для них закутке. До сих пор уделом неприкасаемых остается самая тяжелая и грязная работа. В Хайдарабаде они метут городские улицы, вывозят нечистоты, выполняют «черную» работу в домах, дробят щебень для дорог. В деревнях большинство из них не имеет земли и батрачит. Неприкасаемые касты глухой стеной традиций и религиозных канонов отделены от остальных каст и особенно от высших. Но и среди самих неприкасаемых каст строго соблюдается их профессиональная традиция.

Каждую неделю в дом, где я живу, приходит несколько человек убирать. Обычно — двое мужчин и три женщины. Они худы и очень темны. На женщинах поношенные сари, подоткнутые на манер мужских дхоти, на мужчинах — набедренные повязки. Эти люди принадлежат к низшим кастам. Они держатся пугливой стайкой, гнутся в почтительном поклоне перед каждым вошедшим человеком. Сторож дома, или «чаукидар», повелительно покрикивает на них. Они, пожалуй, единственные, с кем чаукидар позволяет себе обращаться подобным образом. Тем, кто живет в доме, сторож подобострастно кланяется, при их появлении вскакивает и долго не садится. Но для неприкасаемых он господин. Двое мужчин и три женщины моют в доме полы, приводят в порядок садовые дорожки. Моют пол они и в моей комнате. Однажды, кончив работу, они сели на корточки под дверьми.

— Кончили? — спросила я их.

— Мы-то кончили. Только ванную не мыли.

— Вымоете в другой раз.

— Нет, мы не можем мыть.

— Устали?

— Да нет, — улыбнулся мужчина, — мы ваннные не моем. Это делают двое других. Они сейчас придут. Мы их ждем.

— Понимаю. Ванная — это их часть работы?

— Вовсе нет, мы работу не делим.

Я становлюсь в тупик. Действительно, я чего-то не понимаю.

— Нет, мне не ясно, почему вы не можете мыть ванну.

— У нас другая каста. А у тех, которые придут убирать ванную, каста еще ниже нашей. Они нам не ровня.

Так вот в чем дело! Они им, не ровня.

Действительно, у каждой из низших каст есть свое определенное занятие. И это никогда не нарушается. Пожалуй, самой крупной «низшей» кастой в Хайдарабаде являются дхоби-прачки. Большинство дхоби — телугу. В городе существуют особые кварталы дхоби. Целые семьи, мужчины, женщины, дети занимаются стиркой. Профессия передается от родителей к детям. Редко, очень редко дхоби покидают наследственную профессию и ищут другие занятия. Они стирают на берегах городских водоемов, в реке Муси, в специальных стиральных ваннах, расположенных по соседству с их кварталами. Ванны — это по существу цементированные канавы с проточной водой. Долгий день, с утра до вечера, дхоби стоят, согнувшись, по колено в холодной воде и стирают. Стирка эта мыла не требует. Мокрое белье бьют о камни и прополаскивают. Иногда вместе с грязью исчезают пуговицы и куски ткани. Но дхоби стирать иначе не будет. Традиции его профессии тысячелетней давности. Так стирали еще в древней Индии. Так стирают и сейчас. От долгого стояния в воде распухают суставы и вздуваются вены на ногах. Грудная клетка узкая и слабая: дает себя знать вечно согнутое положение тела.

Кварталы дхоби можно узнать по гроздьям сохнувшего белья. Длинные восьмиметровые сари растягивают и сушат тут же на траве. Глажкой занимаются в основном мужчины. Слабой женщине часто не под силу такая работа. Целый день дхоби стоит с раскаленным утюгом у гладильного стола в жаркой и душной атмосфере тропического лета. И гладит, гладит кучи чужих вещей. Рубашки, дхоти, брюки, сари, простыни, наволочки. Очень много вещей и одежды. У самого него за всю жизнь не было столько, сколько ему надо выгладить за день. Над головой кружатся тучи moskitov. Не дай бог раздавить какого-нибудь утюгом на белоснежной ткани, скандала не оберешься. Moskitov

приходится все время отгонять. Но разве всех разгонишь? Обязательно какой-нибудь попадется. Тогда надо перестирывать.

Дхоби стирают на весь город. Перед их хижинами лежат горы чужого белья. И все надо постирать, высушить, выгладить. На это уходит вся жизнь. С раннего утра до позднего вечера во всех концах города можно видеть спешащих дхоби. Они несут на головах узлы с бельем. У одних грязное, у других уже чистое и отглаженное. Когда дхоби приходит в дом за бельем, на него не смотрят как на человека. Ему не предлагают сесть. Дхоби жметя на заднем дворе у служебных построек и ждет, когда его позовут и отдадут узел. Чистое белье хозяйки придирчиво осматривают и вычитывают аны, если что-нибудь не так. Часто на дхоби кричат и грозятся прогнать. А если прогонят, то дело совсем плохо. Ведь дхоби в городе много, гораздо больше, чем клиентов. Можно, конечно, умолить хозяйку, но не всегда это удастся. А дома большая семья. Надо очень стараться и не жалеть себя. За штуку белья дхоби получает одну-две аны, редко три. Чтобы заработать в день две-три рупии, надо перестирать много таких штук.

Мечта каждого дхоби — велосипед. Очень трудно делать большие концы в городе с тяжелыми узлами белья. На рикшу почти никогда нет денег. А если идти пешком, сколько времени надо? Очень много, а работа стоит. Дхоби по грошам откладывает, чтобы купить подержанный велосипед. Но не каждому из них это удастся. У дхоби, который приходит ко мне, велосипед есть, и он им очень гордится. Дхоби зовут Рама. Он говорит на урду и даже немного по-английски. Но его родной язык — телугу. Рама очень темен, тяжелые веки прикрывают продолговатые глаза. Его лицо напоминает мне фрески, которые я видела в подземных храмах Аджанты. Когда Рама не спешит, я пою его чаем и мы разговариваем. В первые дни нашего знакомства Рама отказывался от чая и не хотел садиться. Но потом привык и делал это с видимым удовольствием. Чаукидар смотрел на это с явным неодобрением. А однажды я услышала, как он разговаривал со своим внуком.

— Ну и странная у нас мэм-саб, — ворчал он, — где это видано, чтобы пить чай с дхоби. Да и дхоби, видно, последнюю совесть потерял. Ишь, расселся.

У Рамы большая семья — жена, шестеро детей и старуха-мать. Мать часто болеет, и на ее лечение у Рамы не денег.

— Детей надо бы учить, — говорит Рама, — да, видно, им суждено тоже быть дхоби.

В удачные дни Рама зарабатывает три рупии. Этого хватает даже на еду. Но детей надо кормить каждый день; А сам Рама и жена едят через день. Каждый день вся семья есть не может. Не получается.

— Мы, наверно, провинились в чем-то в прошлой жизни, — рассуждает Рама, — и бог сделал нас дхоби. Дал нам эту проклятую касту. Но, что дано богом, того не изменишь. Мой дед и прадед были дхоби, отец был дхоби. Я — тоже дхоби. В двенадцать лет я уже работал по-настоящему. Бог предопределил нам такую жизнь.

Рама бог «предопределил» быть дхоби, а другим — быть нищими. В Хайдарабаде есть каста, занимающаяся нищенством. Но в городе есть и «внекастовые» нищие. Их довольно много, да и не только в Хайдарабаде. На базарах, вокзале автобусных остановках люди просят. Прохожие бросают им медные пайсы. Но нищенство «предопределили» не только индуские боги. Его обусловил и ушедший в прошлое колониальный режим и существующий в стране социально-экономический строй. Возможно, когда-нибудь и Рама поймет, что многое в этом мире зависит от самих людей и что бог здесь ни при чем.

Город мастеров

В Хайдарабаде нет крупных фабрик и заводов. Самое большое промышленное предприятие — сигаретная фабрика «Чар-минар». На фабрике трудятся пять тысяч рабочих. «Чар-минар» выпускает дешевые сорта сигарет. У них манящие названия: «Чар-минар», «Голконда», «Эллора», «Аджанта». Пачка сигарет стоит две-три аны, и их обычно курят рикши, уличные торговцы, бедный городской люд. Значительный отряд рабочего класса Хайдарабада используется в типографиях, на монетном дворе. Самая большая типография города — правительственная. Но хайдарабадский пролетариат насчитывает около 50 тысяч человек. Большинство их занято в ремонтных мастерских, на мелких предприятиях и, наконец, в кустарной промышленности.

Хайдарабад — старый центр ремесленного производства. Изделия городских мастеров издавна славились по всей Индии. И сейчас

старые традиции ремесла живы в городе. На шумных базарах, в торговых рядах вы всегда найдете лавки, торгующие кустарными изделиями, и мастерские ремесленников. У мечети «Чар-минар» расположен целый ряд лавок и мастерских, делающих и продающих изделия из филигранного серебра: украшения — ожерелья, серьги, броши, браслеты, — шкатулки, различные безделушки. Изделия поражают тонкостью обработки и удивительным художественным вкусом мастеров. Тончайшая серебряная нить выложена в виде цветов, листьев, бабочек. Но в основном преобладает замысловатый, неповторяющийся орнамент. Этот ряд в Хайдарабаде так и зовут — «серебряный». Но, пожалуй, самым замечательным искусством городских мастеров является роспись цветными лаками по дереву. Это ремесло уникальное в Индии. Им занимаются только в Хайдарабаде.

Когда-то, еще в древние времена, кустари Нирмала, небольшого селения под Хайдарабадом, нашли удивительный секрет цветных лаковых красок. Один из мастеров этого селения добыл из растения краску, напоминающую настоящее золото. Нирмала лежала среди лесов, в которых росли хорошо поддающиеся обработке породы деревьев. И поэтому нет ничего удивительного в том, что именно там и зародилось это неповторимое искусство — роспись дерева цветными лаками. Несколько позднее это искусство пришло и в город, сохранив за собой имя Нирмала.

В Хайдарабаде существуют мастерские — Центр «нирмала». Из этих мастерских вышли красивые лаковые тарелочки, которые так радовали глаз на выставке индийских кустарных изделий в Москве. На одной из новых тихих улиц города стоит двухэтажное белое здание. Я вхожу в здание, меня встречает госпожа Хайдари, управляющая мастерскими.

Мы проходим в просторные залы, стены которых увешаны чудесными картинами, поражающими удивительным сочетанием красок и тонов.

— Хайдарабадские художники — непревзойденные мастера в области этого искусства, — говорит мне госпожа Хайдари.

С ней трудно не согласиться. Большинство картин написано на индусские мифологические сюжеты, много копий знаменитых фресок Аджанты. Но вот в одном из залов я замечаю несколько картин в стиле средневековой могольской миниатюры.

— Это, — управляющая показывает я а миниатюры, — уже хайдарабадское влияние. «Нирмала» возникла в индуcском районе, поэтому в сюжетах преобладают индуистские мотивы. Позднее «нирмала» испытывала и мусульманское влияние.

В залах стоят чайные сервизы, шкатулки, письменные приборы, настольные лампы, мебель, ширмы. Все это сделано из дерева. Мы проходим во внутренний двор. Здесь под навесами расположились мастерские. На земле, на циновках, сидят создатели всех этих красивых вещей. Рабочие операции строго разграничены. Одни на токарных станках обтачивают деревянные заготовки для будущих изделий, другие готовят краски, третьи кладут грунт на заготовки и, наконец, художники наносят цветными лаками тонкий рисунок на загрунтованное дерево.

Центр «нирмала» — предприятие государственное. Оно объединяет многих городских кустарей. Их заработная плата значительно выше, чем ремесленников, работающих в частных мастерских. А таких в городе очень много. Темные тесные лавчонки-мастерские жмутся вдоль улицы Чоук. Здесь с утра до позднего вечера, согнувшись в три погибели, работают ремесленники. Они делают знаменитые хайдарабадские браслеты. Браслеты, сверкая цветным стеклом и камнями, тут же сложены высокими аккуратными стопками. Простые стеклянные браслеты гроздьями висят у входа в лавки. В этих душных полутемных помещениях кустари напрягают глаза, вставляя мелкие камушки в разогретый обруч. Я часто прихожу сюда и подолгу смотрю, как они работают. Седой сутулый человек трудится в мастерской. Перед ним постепенно растет гора браслетов, сделанных за день. Браслеты с камнями стоят две-четыре рупии. За свой рабочий день он их делает много. Он меня знает, и мы иногда разговариваем. Я сижу на каменных ступеньках его лавки.

— У вас тоже делают браслеты? — спрашивает мастер.

— Делают, но только не такие.

— А частные мастерские у вас есть?

— Нет.

— И много получают ваши мастера?

— Им хватает.

— А мне нет.

— Но почему? Ведь вы за день делаете много дорогих браслетов.

— Ну что ж из этого? Не все их можно сбыть в этот же день. Кроме того, я плачу налоги. И потом браслеты я сам не продаю. Обычно их забирает скупщик. А платит он мне немного. Да я ему и должен все время. Материал мне приходится покупать на его деньги.

— И сколько же вы получаете в день?

— Совсем немного. Рупии две-три. А семья у меня большая.

— Вы получаете почти столько же, сколько на фабрике, а там работают восемь часов. Вам же, я вижу, приходится сидеть в мастерской целый день.

— Да, — соглашается мастер, — 12–14 часов — это обычный мой рабочий день. Но бросить это дело я не могу. Я всю жизнь делал браслеты, как я буду жить без них? Вот подрастут дети, я их тоже обучу этому ремеслу. Получат они от меня мою профессию и мои долги.

— А у вас большой долг?

— Очень. Если бы не этот долг, я, может, и ушел бы отсюда. Теперь я плачу каждый месяц проценты, а выплачу ли я сам долг, неизвестно.

— Не повезло только вам или и у соседних мастеров такое же положение?

— Нам всем не повезло. Всей улице не везет. Везет только скупщикам и ростовщикам.

На соседней улице дородный марвари держит несколько мастерских. Там делают расшитые туфли с загнутыми носами. Такие туфли носили сказочные герои «Тысячи и одной ночи». Но жизнь мастеров у марвари совсем не похожа на сказку. За пару расшитых золотом туфель, над которыми мастер трудится целый день, а иногда и больше, он получает две-три рупии. Многие из ремесленников плохо видят: им приходится вышивать замысловатые узоры в темном помещении.

Марвари сбывает свою продукцию на базарах города. Одна пара «сказочных» туфель стоит 20–30 рупий. Хозяин мастерской в то же время и ростовщик. Каждый вышивальщик ему должен. Ремесленники слепнут и живут впроголодь. А марвари заказал для своего любимого единственного сына флейту. Флейта была украшена драгоценными камнями и стоила десять тысяч рупий.

Золотом и серебром расшивают не только туфли, но и тонкие дорогие сари. Такие сари — плод кропотливой работы искусных

мастеров — стоят сотни рупий. А талантливые художники, целыми днями запертые в тесных неудобных мастерских, получают за них гроши.

На хайдарабадских базарах, в лавках и магазинах можно видеть изящные изделия из черного металла. По металлу чеканены серебром сложные и хитрые узоры и орнаменты. Это — «бидри». Мастерские «бидри» делают вазы, блюда, шкатулки, пепельницы, подсвечники, сосуды для духов. Ремесло это пришло в Хайдарабад в давние времена из Аравии и Персии. Труд в мастерских тяжел и тоже низко оплачивается.

В последние годы правительство штата провело ряд мер, в какой-то степени облегчающих положение ремесленников и кустарей. В городе создан Государственный отдел по продаже кустарных изделий. Сюда стекается все богатство ремесленного производства Андхры: домотканые хайдарабадские сари, ковры, бамбуковые изделия, безделушки из слоновой кости, затейливые деревянные игрушки и т. д. Отдел по продаже освобождает часть ремесленников от дорогостоящих «услуг» скупщиков-посредников и ростовщиков. Согласно пятилетним планам, правительство содействует организации кустарных кооперативных обществ. Так, в городе создан кооператив резчиков по слоновой кости. Кооперативу предоставляются кредит и краткосрочные ссуды. Кроме того, организовано специальное бюро по кустарной промышленности и Художественный институт.

Соревнование поэтов. О языке

На полу тесными рядами сидят студенты, учителя, торговцы, городская интеллигенция. Перед сидящими на низком помосте расположилось человек двадцать. Одни в фесках, другие в тюрбанах. Некоторые с седыми бородами, другие совсем еще юноши. Это — поэты. Послушать их собралось не менее тысячи человек. Такие собрания называются мушаира, или соревнования поэтов. Нередко на них бывает от трех до восьми тысяч слушателей. Тогда соревнование поэтов устраивают на открытом воздухе. Мушаира существовали в Хайдарабаде издавна. Они ведут свое начало от двора Великих Моголов. И в самом Хайдарабаде долгое время эти собрания были ограничены стенами дворцов низама и его знати. Теперь мушаира

стали достоянием широких слоев города. Да и сам их характер изменился. Давно отзвучали стихи, льстиво воспевавшие деяния мусульманских владык, их ум и несуществующие качества. Все реже читаются стихи, написанные в традиционной манере персидской поэзии. Стихи о розах, соловьях, разочарованных любовниках и луне больше не волнуют слушателей. Город требует других стихов. Стихов, связанных с жизнью, отражающих труд, борьбу и переживания простого народа.

Мушаира по существу является творческим экзаменом каждого поэта. Конечно, можно издать книжку своих стихов, получить в прессе хвалебные или сдержанные отзывы. Но совсем другое дело, когда твои стихи слушают тысячи самых разных людей, которые реагируют сразу на любую удачную строчку, сравнение, мысль. Хайдарабадские завсегдатаи соревнований поэтов — народ взыскательный, с хорошим литературным вкусом, не терпящий фальши и искусственности. Если стихи плохи, неудачливому поэту нет необходимости ждать, что скажет о них официальная критика, слабые стихи тут же беспощадно осмеиваются и освистываются. И на завтра весь город будет знать о неудаче. Такого рода критика намного действенней любой газетной рецензии, которую читают немногие. Поэтому участие в мушаира накладывает большую ответственность на поэта. Ну, а если человек не читает своих стихов на соревновании, то никто его за поэта и не будет считать. Не каждый решится выступить с плохими стихами. Но есть и такие, которые решаются.

Они очень похожи на безголосых певиц, упорно не соглашающихся с тем, что у них нет голоса, и продолжающих терзать многострадальные уши публики. Только в Хайдарабаде публика на мушаира не такая безобидная.

Перед микрофоном стоит седобородый старик. Ему предоставили право читать стиху первому, потому что он самый старший из присутствующих поэтов. Сидящий рядом со мной студент тихо говорит мне:

— Он хоть и старый, но совести у него нет. И никакой он не поэт. Только вообразил себя им.

Седобородый начинает читать. Стихи действительно очень плохи. Какое-то путаное и слабое подражание персидским поэтам, в каждой строчке — корявая и сомнительная мыслишка. Мне становится

немного стыдно за этого седобородого человека, который за всю свою долгую жизнь так и не смог понять сущности поэзии. В зале поднимается шум.

— Старый осел! — громко кричит мой сосед-студент. Я ужасаюсь, но почему-то испытываю и тайное удовлетворение. Люди смеются. Не добродушно, а зло и обидно.

Но «поэт», видимо, привык к такому приему и продолжает читать. Он закатывает в экстазе глаза и смешно трясет бородой.

— Эй, тебе бы столько ума, сколько волос в твоей бороде! — раздается возглас из задних рядов.

— Что ты говоришь? — откликается кто-то. — Если бы у него было столько ума, он не читал бы свои стихи. А разве мы могли бы прожить без них?

Смех нарастает. Замечания и реплики вызывает каждая строчка. Студенты приходят в неистовство. Обидные прозвища сыплются одно за другим. Голос читающего заглушен, и понять что-либо невозможно. Наконец седобородый садится. Вместо аплодисментов раздаются свистки.

Потом выступает известный поэт Махдум. Мой сосед притих. Время от времени по залу проносится одобрительное: «ввах, ввах» и «бахут ача» (очень хорошо). Махдум — один из руководителей хайдарабадских коммунистов и автор многих революционных стихов и песен. Он смотрит горячими глазами в зал, четко читает строчку за строчкой. Это стихи о рабочих. Шум уважения поднимается в зале.

Вслед за Махдумом один за другим к микрофону подходят поэты. Многие из них не читают, а поют свои стихи. Это тоже традиция. Пение хорошо передает ритм стихотворения. Возгласы одобрения чередуются с обидными выкриками и насмешками.

Но вот поднимается небольшого роста человек с острым взглядом живых черных глаз. Вьющиеся седые волосы падают на плечи. Мой сосед оживает и шепчет:

— Это Данда. Народный поэт. Он — один из лучших сатириков. И пишет народным языком. В его стихах много удачных выражений и мыслей. Данда собирает их в деревнях. Его очень любят крестьяне.

Данда не читал, а пел. Ритм его коротких песен-стихов, был быстрым, и, пожалуй, они чем-то напоминали наши частушки. Данда зло и остроумно высмеивал тунеядцев-помещиков, ростовщиков,

торговцев и равнодушных ленивых чиновников. Досталось и некоторым политическим деятелям — противникам прогрессивных реформ. Сатирические стихи Данда все время сопровождались смехом. Только этот смех не был ни обидным, ни пренебрежительным. Собравшиеся в зале смеялись над тем, над чем смеялся сам поэт. На его долю пришлось много «ввах» и «бахут ача». Данда долго не отпускали и просили читать еще и еще. Аудитория хорошо приняла и стихи редактора хайдарабадского еженедельника «Хамрахи» («Друг») Ахтар Хасана о спутнике. Но вот на помосте появился молодой человек в пенсне, с черной бородкой и в темно-красной феске. Он тоже читал свои стихи. Стихи были явно антисоветского характера. Никто не кричал ни «ввах», ни «бахут ача». Люди переговаривались между собой, стихов не замечали.

Сосед-студент громко сказал мне:

— Лавочник! От лавочника большего ожидать и нельзя. Он же невежда, ничего сам не знает. Мозги у него, как у лягушки.

В голосе студента слышалось откровенное презрение. А он не знал, что я русская. Наконец студент не вытерпел и крикнул:

— Хватит!

Стоявшие у дверей поддержали его.

Человек в пенсне кончил и церемонно поклонился. Но зал молчал.

Мушаира продолжалась до двух часов ночи, это немного. Нередко такие собрания кончаются с первыми лучами солнца. То, что соревнования поэтов получили свое признание именно в Хайдарабаде, не удивительно. Хайдарабад обладает богатыми литературными традициями. Он дал Индии немало писателей и поэтов, пишущих на урду. До недавнего времени на мушаира звучали стихи только на урду и персидском. Теперь все чаще выступают поэты на телугу и хинди. Эти языки завоевывают свои права не только на соревнованиях поэтов.

Во времена деспотического правления низама придворным языком был персидский. Объявленный затем официальным языком княжества, урду был принудительно введен в школах и колледжах. Такие языки, как телугу, каннада, маратхи, были изгнаны из системы образования города и княжества. Теперь эти языки официально допущены и в школы и в высшие учебные заведения. Язык телугу, на котором говорит большинство населения штата, изучается во многих колледжах города. В Хайдарабаде начинает получать распространение

и хинди. Правительство штата, в связи с тем что хинди предполагает сделать в будущем государственным языком Индии, учредило в городе ряд специальных школ по его изучению. В этих школах обучается взрослое население. Но, конечно, телугу, основной язык штата, все усиливает свои позиции. В городе возникла литературная академия, объединяющая писателей, пишущих на телугу.

До последнего времени единственная киностудия, выпускавшая фильмы на языке телугу, работала только в Мадрасе. Теперь в Хайдарабаде есть своя киностудия. Первые ее фильмы на телугу уже пошли на экраны штата. Киностудия испытывает еще немало затруднений: съемочный павильон невелик, часто не хватает денег на декорации, своего актерского коллектива нет и приходится выписывать актеров из Мадраса. Но студией руководят люди, глубоко заинтересованные в развитии национальной культуры телугу. В отличие от деятелей мадрасской киностудии они стоят на твердых позициях реалистического искусства. Их первые фильмы о современной жизни народа, поднимающие важные социальные проблемы, уже заслужили признание широкой публики.

Там, где много говорят...

Когда кончается жаркий сезон и проходят дожди, в Хайдарабаде начинается так называемая «общественная жизнь». Носит она характер довольно ограниченный. «Общественной» деятельностью занимаются в основном интеллигенция и люди состоятельные. Помимо различных благотворительных обществ, эта «жизнь» сосредоточивается главным образом в клубах. Клубов в Хайдарабаде много, и по содержанию своей деятельности и по кругу объединяемых людей они весьма различны. Есть клубы только спортивные — яхтсменов, игроков в поло, охотников, наездников, аэроклуб, женский клуб спортивных игр. Существуют клубы, где члены, собираясь по вечерам, проводят время как кому хочется. Но есть и такие, которые строят свою деятельность по определенной программе, проводят дискуссии и политические диспуты. Те, у кого нет денег, не могут быть членами клубов. Ежемесячные взносы в клубные кассы неодинаковы — от трех рупий в одних до десятка и даже сотен рупий в других. Трехрупийные клубы — обычно студенческие. Здесь можно поговорить и поспорить, иногда выпить чаю. В богатых клубах, членами которых являются обычно дельцы, торговцы, состоятельные люди, говорят и спорят мало. Зато много и вкусно едят, устраивают шумные сборища и пикники. Это тоже называется «общественной жизнью».

Самый скучный клуб в городе — университетский. Его члены — преподаватели университета. Вечерами они собираются в небольшом особняке, окруженном густым садом. Те, кто помоложе, играют в бильярд и пинг-понг. Люди пожилые читают газеты и журналы. Но чаще всего они ничем не занимаются, а просто дремлют в удобных креслах или пересказывают университетские сплетни. Слуга разносит чай и холодную воду. Тесную угловую комнату облюбовали почитатели карточной игры. Они обычно приходят раньше всех и уходят позже всех. Изредка для членов клуба устраиваются пикники. На эти пикники жен не берут и ездят мужской компанией. Излюбленное место для выездов — озеро Мир-Алам. Когда-то особняк на берегу озера принадлежал низамовскому вельможе Салар Джангу. Теперь там гостиница. Приезжающие останавливаются в гостинице.

Но их не интересует ни озеро, ни красота окрестностей. Они плотно обедают, после чего отдыхают на широких гостиничных кроватях. Когда жара спадает, они усаживаются в саду среди мраморных амуров и нимф, играют в карты и болтают. О чем? Да так, обо всем. О сослуживцах, о канцлере университета, о соседях, о марках автомобилей, о предсказаниях метеорологов, о коммунистах, о которых они имеют весьма смутное представление, о скачках, о последних газетных новостях, хотя читали их немногие. На следующий день вечером в клубе появляется новая тема для разговора — пикник. Вечера этих людей тянутся вяло и неинтересно. Но, кажется, они довольны.

Есть в Хайдарабаде Ротари-клуб, т. е. клуб деловых людей. Он носит определенный международный характер. Первый Ротари-клуб был создан в Чикаго в 1905 году. Несколько позже его филиалы возникли в европейских странах. В 20—30-е годы такие клубы появились и в Индии (в Калькутте, Мадрасе, Бомбее). Хайдарабадский Ротари-клуб был организован в 1947 году. Его членами стали бизнесмены, промышленники, директора банков, видные государственные чиновники. Сейчас он насчитывает около ста членов. Прием туда очень ограничен. Чтобы стать его членом, необходимо внести крупную сумму. Ротари-клуб — самый богатый в городе. Его члены гордятся своими международными связями. Но если быть справедливым, то следует отметить, что это связи в основном с американскими бизнесменами. Клуб занимается и благотворительной деятельностью.

Каждую среду в комфортабельном отеле «Ритц» происходят собрания ротарианцев — так они себя называют. О собраниях сообщается в местной печати.

На одно из таких заседаний была приглашена и я. В богато обставленном салоне отеля собралось около семидесяти человек. Это были хорошо одетые и упитанные леди и джентльмены. Ко мне подошел небольшого роста коренастый человек.

— Меня зовут Лакшми Нарайян Гупта, — сказал он.

Я знала, что Гупта был одним из крупных чиновников штата и возглавлял департамент по управлению джагирами. Прежде мне приходилось встречаться с его женой. Госпожа Гупта в составе

женской делегации побывала в Советском Союзе и отзывалась об этой поездке с большой теплотой.

— Видите ли, — продолжал Гупта, — это я предложил вас сюда пригласить. Наш клуб носит международный характер, и я считаю, что иностранцы, живущие в Хайдарабаде, должны принимать в нем участие.

— Даже если они русские?

— О да. У нас, правда, прочные связи с Америкой. Но вы знаете, мы деловые люди, и некоторые из нас хотели бы иметь контакт и с Россией.

— Каковы же цели вашего клуба?

— Прежде всего расширение международных деловых связей. Кроме этого, бизнесменам не мешает держаться всегда вместе. Это, видите ли, иногда очень помогает. Если говорить вашим языком, то клуб содействует укреплению нашей классовой солидарности. Конечно, этому содействуют, не только клубы. Здесь вы всегда можете приобрести полезные знакомства. Без этого в деловом мире обходиться трудно.

Среди присутствующих я заметила нескольких американцев. На самом же заседании клуба заезжий американский профессор читал лекцию «об американских идеалах». Это была открытая и не очень тонкая пропаганда «американского образа жизни», который, по мнению лектора, является идеальным на современном этапе развития человечества. Дельцы слушали внимательно и дружно аплодировали. Обрисованное яркими красками царство бизнеса и наживы явно пришлось им по вкусу.

В конце заседания ротарианцы плотно поужинали и разъехались на собственных автомобилях. Домой я ехала с банкиром.

— Быть членом нашего клуба может не всякий, — хвастался он. — Наши двери открыты только сильным людям, тем, на ком держится наше современное общество. Ведь без банков и промышленности не обходится ни одна страна, а мы — их хозяева.

Банкир ошибался существенно в одном. Он не предполагал, что хозяевами банков и промышленности могут быть не только члены Ротари-клуба...

Как-то под вечер ко мне зашло двое гостей — юноша и девушка.

— Вы нас, конечно, не знаете, — сказала девушка. — Я — Зеба Ансари, секретарь клуба при вечернем колледже. А он, — она кивнула на своего спутника, — вице-президент. Мы бы хотели, чтобы вы были нашим членом.

— Благодарю за оказанную честь, но мне бы хотелось знать, что это за организация, членом которой мне предстоит быть.

— Наш клуб называется Клубом культуры и искусств. Мы недавно его организовали. Он объединяет преподавателей и студентов вечернего колледжа.

— Что же мы будем делать в этом клубе?

— Проводить обсуждения и дискуссии по вопросам культуры, обмениваться мнениями.

— Но только наш клуб отношения к политике не имеет, — вмешался вице-президент. — Мы твердо придерживаемся того мнения, что культура и искусство не связаны с политикой.

— И вы действительно в этом убеждены?

— Конечно, конечно, — ответила Зеба. — Кроме обсуждений и дискуссий, мы будем устраивать пикники и вечера развлечений.

— А много членов в этом клубе?

— Пока немного, но мы надеемся, их будет достаточно. Мы собираемся по вторникам. Приходите обязательно.

В один из вторников я отправилась в Клуб культуры и искусств. Заседание происходило в неуютном актовом зале медресе Алиа. У входа меня встретила Зеба Ансари и объявила:

— Сегодня мы обсуждаем очень важный вопрос: новые тенденции в высшем образовании.

Вопрос действительно был серьезным. Незадолго до этого в штате был издан законопроект, предусматривающий лишение Османского университета прав автономии. Новый билль вызвал справедливую оппозицию левого крыла законодательного собрания Андхра Прадеш.

— О, — сказала я, — понимаю. Постановка этого вопроса в клубе, очевидно, связана с последним законопроектом?

Зеба в ужасе замахала руками.

— Что вы! Ни в коем случае! Вы знаете, мы не касаемся политических вопросов.

— Но ведь это сейчас основное.

— Для нас — нет. Это нас не касается.

— На мой взгляд, это касается всех колледжей университета.

— Видите ли, у нас другие проблемы.

По лицу секретаря клуба я видела, что наш разговор ее встревожил. Обсуждение «новых тенденций в высшем образовании» прошло довольно оживленно. Был высказан и ряд критических взглядов. Ораторы говорили об оторванности высшего образования от жизни и культурных запросов страны, о низком уровне научной работы в университете, о недостаточном развитии семинарской системы. Говорили взволнованно и горячо. Видимо, недостатки университетского, обучения трогали многих. Поговорили и разошлись. Я спросила Зебу Ансари:

— А дальше что?

— Ничего.

— Как ничего?

Я привыкла к тому, что если у нас мы говорим о каких то недостатках, то потом что-то делаем, стараемся их исправить. Но у Зебы и членов клуба была иная точка зрения.

— Видите ли, — сказала она, — самое важное для нас — выявить собственное отношение к вопросу. Остальное уже не важно. Мы обменялись взглядами, и этого достаточно. На следующем заседании мы обсудим еще какую-нибудь проблему.

— Но должны же быть и какие-то результаты обсуждений.

— Это не обязательно.

В Хайдарабаде у меня был один знакомый, умный и довольно знающий человек. Он организовал у себя дома нечто вроде клуба, который пышно назвал «академией». В «академии» тоже обсуждались «проблемы». После одного из таких обсуждений я беседовала с господином Камалем, так звали создателя «академии». Разговор был долгий и откровенный.

— Мы, индийские интеллигенты, — сказал Камаль, — любим много говорить. Еще больше любим слушать сами себя. Наши клубы предоставляют для этого большие возможности. Мы без труда можем рассуждать на любую тему, высказывать мнение о любой проблеме. Нас даже не интересует, насколько наши высказывания и мнения компетентны. Часто они бывают просто невежественными. Что же касается дел, то ваша Зеба Ансари была права, — это вовсе не обязательно.

— Правоту Зебы Ансари я осмелюсь подвергнуть сомнению. Но меня интересует другое: почему же все-таки так происходит и можно ли думать, что бездеятельность индийской интеллигенции стала национальной чертой?

Господин Камаль задумался и не сразу ответил:

— Интеллигенция вашей страны совсем другая и по своему характеру, и по своим делам. Мы же еще не избавились от пороков прошлого. Англичане, создавая индийскую интеллигенцию, старались оторвать ее от настоящей жизни, стремились направить ее ум и энергию в русло отвлеченного мышления. Правда, это не всегда удавалось, но тем не менее принесло свои плоды.

— Но теперь, кажется, другие условия.

— Конечно. Однако старые интеллигентские традиции живут еще в нас, и не так легко с ними покончить.

Господин Камаль в какой-то степени был прав. То, о чем он говорил, безусловно, относилось к индийской интеллигенции, но не к лучшей ее части, а к тем, кто тратит многие часы на бесплодные обсуждения «проблем» и клубную болтовню, к тем, кто старается уйти от полезного дела и заменить его напыщенными и туманными речами о сути «истинной» демократии и о сомнительной «свободе личности».

Османский университет. «Здравствуй, товарищ!»

Ежедневно на улицах вы можете видеть множество школьников и студентов. В последнее время народное образование в городе получило значительное развитие. В Хайдарабаде находится один из крупнейших университетов страны — Османский университет, расположенный в живописном загородном районе. Университет основан в 1918 году. В то время урду был объявлен официальным языком княжества, и поэтому обучение велось на нем. При университете было учреждено специальное бюро для перевода научной литературы и учебников с европейских языков на урду. Библиотека университета считается одной из крупнейших в Индии. В ней имеется 130 тысяч томов печатных книг и около шести тысяч редких рукописей на урду, санскрите, телугу, маратхи, каннада, арабском и персидском языках.

Раньше образование в университете получали представители наиболее обеспеченных и принадлежавших к феодальной знати слоев города и княжества. Стоявший во главе университетского совета низам был полновластным его хозяином. Теперь студенческий состав значительно расширился за счет демократической части населения штата, принадлежащей к телугу, каннада и другим национальностям. В колледжах университета обучается 15300 юношей и 2200 девушек. В общей сложности университет имеет 16 основных колледжей и 24 присоединенных. Из последних девять находятся в городе и 15 — в округах штата. Из основных колледжей следует отметить инженерный, ветеринарный, юридический, медицинский и другие. Отдельный женский колледж теперь разместился в бывшем замке английского резидента в Хайдарабаде. Наиболее крупным и значительным является колледж искусств и коммерции, объединяющий весь цикл гуманитарных наук. В колледже имеются отделения коммерции, экономики, географии, истории, социальных наук, журналистики, философии, религии и культуры, а также языковые: урду, хинди, санскрита, телугу, каннада, маратхи, персидского, европейских языков, в том числе и русского. Сейчас над зданием этого колледжа развевается трехцветный флаг Индийской республики.

В наших институтах и университетах учебный год делится на два семестра, в Индии — на три. Занятия в первом семестре начинаются 16 июня и кончаются 14 сентября. 3 октября студенты приступают к занятиям во втором семестре и завершают их 23 декабря. После второго семестра — рождественские и новогодние каникулы. Третий семестр — самый короткий. Он длится с 5 января по 28 февраля. В марте, после годовых экзаменов, наступают летние каникулы. Они совпадают с жарким сезоном.

Экзамены в университете в основном письменные. Обычно студент должен ответить в работе на несколько вопросов. Система отметок — стобалльная. За каждый вопрос студент получает определенное число баллов. При выведении общей оценки число баллов механически складывается. Чем больше вопросов, тем большее число баллов. Поэтому нередко получается так, что плохой студент выдерживает экзамен и переходит на следующий курс. Однажды студент-математик не смог ответить ни на один вопрос. В своей работе он написал только одну фразу: «Аллах знает, как ответить на эти вопросы». Экзаменатор, оценивавший работу, написал: «Аллаху — 100 баллов, вам — 20» (20 — непроходной балл).

Действительно, сто баллов может получить только Аллах. Студенты получают не больше 70. Эта оценка считается очень высокой. В университетской практике 80 заслуживали редкие и одаренные студенты. Весной 1959 г. студенты русского отделения сдавали экзамен по языку. Преподавал русский язык в университете наш литературовед тов. Крашенинников. Меня пригласили в качестве второго экзаменатора. Мы решили с Крашенинниковым, что если существует стобалльная система, то ее нужно использовать целиком. Тогда мы еще не знали, что практически все сто баллов не употребляются. Студенты отвечали хорошо. Только один из них очень путался и слабо знал материал. Мы решили ему поставить самую низкую, на наш взгляд, отметку — 70. Остальные получили не менее 95. Оба мы остались очень довольны экзаменом. Когда же студенты увидели свои отметки, они стали смущенно перешептываться и как-то странно смотрели на нас. Мы почувствовали себя неудобно и, посоветовавшись, пришли к выводу, что, очевидно, занизили оценки.

Вечером ко мне прибежал взволнованный шеф экзаменационного отдела и, еле переводя дух, выпалил:

— Что вы наделали?

— Как что? Провели экзамены.

— Да, я понимаю, что вы провели. Но что это за отметки?

«Он тоже недоволен», — подумала я и сказала:

— Мы поставили отметки, которые студенты заслужили. Ведь нельзя же их завышать.

Глаза главного экзаменатора полезли из орбит. Каким-то свистящим шепотом он произнес:

— Заслужили? Нельзя завышать? — и в изнеможении опустил в кресло.

Я глядела на его страдания и никак не могла понять, что же в конце концов нужно от меня этому человеку.

— Послушайте, — наконец сказал он, успокаиваясь, — какая система отметок у вас в Советском Союзе?

— Пятибалльная.

— Только-то?

— Этого вполне достаточно. Если студент ничего не знает, ему ставят единицу, а за очень хороший ответ — 5.

Главный экзаменатор захохотал. Час от часу не легче. Вытерев слезы, он сказал:

— Теперь я вас понял. Вы решили, что можно использовать все сто баллов.

— Конечно. Я даже одному студенту хотела поставить 100, он очень хорошо знает язык.

— А вы хорошо знаете русский язык?

— Мне кажется, что неплохо.

— Так вот, я бы вам поставил, по знакомству, не больше 90. И это был бы первый случай в истории нашего университета.

В тот вечер я узнала, как оцениваются знания по стобалльной системе. На следующий день нам с Крашенинниковым пришлось переделать экзаменационную ведомость. 70 баллов мы поставили лучшему студенту.

Обучение в университете длится пять лет. После первых трех курсов студенты получают степень бакалавра искусств, или коммерции, или наук. Тем, кто кончает пять курсов, присваивается степень магистра. Защитившие диссертацию после окончания университета удостоиваются степени доктора философии. Во время

обучения студенты слушают лекции, но самостоятельной работой занимаются мало. Существующая семинарская система не восполняет этого пробела. Поэтому университетская библиотека не может похвалиться обилием читателей. Залы библиотеки обычно заполнены наполовину. Мне приходилось разговаривать со студентами, которые твердо считали, что библиотека — это лишнее. Достаточно учебников и лекций. Знания таких студентов, естественно, весьма ограничены и поверхностны. Но, конечно, есть люди, которые занимаются с большим интересом и охотой. В университете я была прикреплена к отделению экономики. Мне приходилось слушать лекции вместе со студентами одного из старших курсов. Они много знали и много работали. В последние годы при отделении была создана научно-исследовательская группа, участие в которой принимают и студенты. Эта группа занимается изучением жизненно важных проблем. Так, было проведено тщательное обследование задолженности рабочих-текстильщиков в Хайдарабаде. Группа собрала и подготовила к публикации материал на тему «Экономические и социальные результаты ликвидации системы джагирдари и аграрные реформы в Хайдарабаде».

Всей работой университета руководит университетский совет во главе с вице-канцлером. После ликвидации автономии университета правительство штата назначило канцлером внука и наследника низама принца Муккарам Джаха.

Значительную роль в жизни университета играет студенческий союз. В его руководство, помимо студентов, входят и деканы колледжей. Союз имеет свои отделения в каждом колледже. Студенческий союз не носит политического характера, а скорее является своего рода культурнической организацией. Правление союза переизбирается каждый год.

В один из дней, подходя к университету, я услышала невообразимый шум. Около входа стояли большие группы студентов. Они спорили, кричали и вели себя очень нервно. Вокруг главного здания колледжа искусств и коммерции ездило несколько автомобилей, облепленных что-то выкрикивающими юношами. На автомобилях были установлены микрофоны, и музыка чередовалась с речами и лозунгами. Я решила, что происходит очередная студенческая

забастовка. Но, подойдя ближе, увидела, что это не так. Меня окликнули студенты моей группы:

— Идите к нам, у нас предвыборная кампания. Мы агитируем за нового президента.

Мне дали несколько листовок. На них стояло: «Голосуйте, пожалуйста, за президента Раму Редди. Спасибо».

— Это кандидат нашей партии, — объяснили студенты.

— И много у вас таких партий?

— Много. Целых четыре.

— У вас какие-то политические разногласия?

— Нет! — засмеялись мои собеседники. — Мы просто разошлись во взглядах на кандидатуру президента.

На стенах колледжа висели предвыборные лозунги. Кампания продолжалась целый день. Учебные аудитории пустовали. На выборах победил кандидат, в честь которого на агитационном автомобиле звучала самая популярная музыка из последних кинофильмов.

При студенческом союзе существует спортклуб. В его распоряжении находятся стадион, корты и бассейн. Но если быть справедливым, спортом в Османском университете увлечены немногие. Бассейн часто пустует, корты тоже. Только неутомимая футбольная команда гоняет мяч на стадионе. Председатель спортклуба, немолодой, крепкий латан, по имени Гхос Мухаммед, экс-чемпион Индии по теннису, грустно бродит по полупустым помещениям клуба. Иногда он садится у приемника и слушает передачи о крикетных играх из Мадраса или Бомбея. За этим занятием я и застала его однажды, когда зашла в спортклуб.

— Плохо мне здесь, — жаловался Гхос Мухаммед, — спортом занимаются немногие. Посмотрите, теннисный корт весь день пустой. А когда я работал в Алигархском университете, там было совсем другое. Там спорт любят, и я не имел возможности вот так целыми днями сидеть у приемника.

Гхос Мухаммед был прав. Но, возможно, южане более склонны к покою, чем к спорту, как их северные коллеги из Алигарха.

Кроме дискуссий и симпозиумов, союз проводит и ежегодные итоговые вечера. Я попала на один из таких вечеров в сельскохозяйственном колледже. Около входа в здание колледжа, на улице была сооружена временная сцена. Перед сценой на стульях

разместились члены студенческого союза. Тут же присутствовал декан колледжа и преподаватели. На сцену вышел курчавый студент старшего курса — президент союза. Он сделал доклад о деятельности за год. Главным достоинством отчета, на мой взгляд, была его краткость. Президент в течение пятнадцати минут рассказал о проводимых союзом лекциях, докладах, семинарах, обсуждениях, диспутах, смотрах художественной самодеятельности и спортивных соревнованиях. Затем победители соревнований, диспутов и художественных конкурсов получили подарки. Это были большие и маленькие серебряные кубки. Кубок достался и декану, как постоянному болельщику на соревнованиях. В конце вечера состоялся самодеятельный концерт. Надо сказать, что зрители не особенно церемонились с «артистами». Исполнительница классической музыки на ситаре^[11] была беспощадно освистана, и номер не удалось закончить. Долговязый студент, томно закатывая глаза, пытался читать монолог Гамлета «Быть или не быть». Понятый им по-своему трагизм монолога не произвел на зрителей впечатления. На меня тоже. Чтеца постигла «трагическая» участь. Его за ноги стянули со сцены. «Гамлет» брыкался, награждал товарищей тумачами. Взыгравший в нем боевой дух не имел ничего общего с философски-созерцательным настроением принца датского. Наконец он сдался и под смех и шутки был водворен в зрительный зал. Зато исполнители популярных песенок и танцев имели неизменный успех. Много и искрение смеялись, когда смотрели написанную самими студентами остроумную пьесу-пародию на «Ромео и Джульетту» и «Лейли и Меджнун».

Студенческий союз, как и всякий союз в Хайдарабаде, да, наверно, и везде в Индии, не чужд благотворительной деятельности. Союз старается помочь бедным студентам. Конечно, эта помощь проблемы не решает, но в какой-то степени облегчает участь нуждающихся. Однажды на улице ко мне подошли двое юношей. Они протянули мне пачку зеленых и красных билетиков:

— Пожалуйста, купите. Всего три аны.

На билетике было написана: «Помогите бедным студентам». Я купила всю пачку и разговорилась с продавцами этих странных билетиков.

— Мы — члены университетского студенческого союза, — сказал один из них. — Нам поручили организовать фонд для бедных

студентов. Кое-что для этого мы выделяем из средств союза, но денег у нас немного, и нам приходится прибегать к таким вот сборам.

Я простилась со студентами и пошла на автобусную остановку. А за спиной у меня все еще звучал чуть смущенный голос:

— Пожалуйста, купите. Всего три аны.

Отделение журналистики издает студенческую газету «Османия курьер», которая выходит два раза в месяц. В ней можно найти все, что касается жизни студентов: сообщения о борьбе студентов за свои права, информацию о деятельности союза, о докладах и диспутах, о проблемах, волнующих студенчество страны. Кроме того, студенческий союз имеет свой журнал. Собственный журнал издает также и инженерный колледж.

«Здравствуй, товарищ!» — эти слова я услышала однажды в университете. Их произнес по-русски индиец. Он был журналистом и учился в группе русского языка. Два года тому назад руководство университета обратилось в наше посольство с просьбой прислать преподавателя русского языка. В университет приехал Крашенинников. Сначала была создана только одна группа. Желающих оказалось много, и пришлось организовать вторую. Русским языком занимались не только студенты, но и преподаватели, люди уже немолодые — экономисты, математики, физики, биологи. В разговорах и беседах с этими людьми меня, естественно, интересовал вопрос: почему они изучают наш язык? Занимающийся целый год русским языком физик сказал:

— Знаете, мне русский язык необходим. Если я хочу серьезно заниматься своим предметом и следить за новейшими достижениями науки, я должен знать русский язык. Даже английский для меня не так уж важен. Русский необходим не только мне, физику. Поговорите с другими. Они скажут то же самое.

И действительно. Пожилой биолог не стал долго рассуждать.

— Всем известно, — говорил он, — что все области науки в СССР достигли большого развития, и без русского языка теперь не обойтись.

Студенты, изучавшие экономику и цикл политических наук, заявили, что они не хотят получать сведения об СССР из американской и английской литературы. Они хотят знать Советский Союз по книгам, написанным советскими авторами. Эти студенты очень прилежно учили русский язык, хотя это и занимало немало времени. Конечно, те,

которые изучают русский язык в университете, говорить на нем еще не могут. Но они довольно прилично читают нашу литературу, особенно научную.

Отделение русского языка получило в университете полное признание и право на постоянное существование. В последнем университетском справочнике оно фигурирует в качестве одного из основных языковых отделений.

...Университетские здания и строения разбросаны на большой территории загородного района Адикмет. В них идет жизнь, так непохожая на жизнь наших университетов и институтов, но в то же время и напоминающая ее.

О национальном конгрессе

Во второй половине октября город запестрел объявлениями: «24–26 октября в Хайдарабаде состоится сессия Всеиндийского комитета Национального конгресса. Пользуйтесь возможностью слушать и видеть любимых национальных лидеров. Приобретайте билеты. Цена от 1 до 25 рупий». Хайдарабадские газеты сообщали свои прогнозы о предстоящей сессии. За несколько дней до ее начала в город стали прибывать делегаты и гости. Бойко заработали пустовавшие в период дождей отели. Помещаемые в газетах рекламы торговых компаний спешно переделывались. Политика политикой, а деньги деньгами. Объявления фирм теперь выглядели иначе: «Сердечные приветствия делегатам и гостям сессии Всеиндийского комитета Конгресса! Изготовление, согласно нашим вкусам, и своевременная доставка шелковых сари Дхармаварана — наша специальность. Мы имеем также шелковые сари Бангалура, Бенареса, Канчи и хлопчатобумажные сари Гадвала, Коимбатура, Вориура, Кодамбаккама, Венкатагири и Уппада» и т. д. Или: «Внимание! Для удобства участников сессии Всеиндийского комитета Конгресса мы открыли киоск сладостей и закусок. Пожалуйста, поспешите и попробуйте. Г.Пулла Редди. Торговля сладостями на чистом гхи». «Наши горячие приветствия по случаю сессии Всеиндийского комитета Конгресса, — писали торговцы готовым платьем. — Покупайте лучшую одежду у Нараяна и Шанкариа. Не забудьте! Великолепное качество! Умеренные цены!»

Местный комитет Конгресса усиленно готовился к встрече. По городу разъезжали автомобили с эмблемой Конгресса. На территории выставки спешно сооружали временное помещение для заседаний. На столбы натянули огромную шамиану, стены сделали из циновок. Перед помещением установили шест со спущенным флагом.

Первое заседание началось 24 октября после полудня. Задолго до начала народ стал стекаться к месту заседания. Потоки пешеходов, велосипедистов, рикш, автомобилей устремились к выставке. Мелькали дхоти, гандистские шапочки, сине-белая униформа волонтеров Конгресса. Перед открытием сессии состоялась торжественная церемония подъема флага. Затем конгрессовские

волонтеры заняли места у входа в здание заседания, рассыпались по залу. За порядком следили только они. Полиции не было. Пол зала заседаний, если его можно так назвать, устлали кусками ткани. Стульев не полагалось. На невысоком помосте расположился президиум. Неру, Дхебар, Пант, Десаи... Они сидели прямо на помосте, облокотясь на валикообразные подушки. Перед помостом — место для членов Комитета Конгресса, отгороженное от остального зала натянутым канатом. Перед каждым из них — низкий столик, за которым можно работать сидя на полу. Слева и справа от мест для членов Комитета — «ложи» для прессы. В первых рядах разместились те, кто купил билеты за 25 рупий, затем — с билетами в 10 рупий, за ними — в 5 рупий. У входов стояли владельцы билетов в одну рупию. За стенами зала осталось немало желающих попасть на заседание, у которых не было билетов. Время от времени «безбилетники», сломив сопротивление бдительных волонтеров, врываются под шамиану и смешивались с «однорупийниками». Так продолжалось в течение всего заседания. Шум периодически возникал то у одного входа, то у другого. Под шамианой собралось не менее 10 тысяч человек. Заседание открылось пением «Банде Матарам»^[12]. На обсуждение сессии Всеиндийского комитета Конгресса было вынесено пять резолюций: о Керале, две резолюции о конгрессовских организациях, о разоружении и запрещении испытаний атомно-водородного оружия, о продуктивности сельского хозяйства.

Одно из центральных мест на заседании занял вопрос о конгрессовских организациях. О депрессии и отсутствии энтузиазма говорил представитель правого крыла Конгресса, министр внутренних дел Пант. Неру требовал укреплять связь с массами и влить «свежую молодую кровь» в Конгресс. Резолюция отмечала появление в организациях враждующих группировок, которые поднимают драку за места, привилегии, власть. Второе выступление Неру по резолюции было весьма примечательным. Обычная спокойная манера премьера говорить исчезла. Речь Неру была взволнованной и полной страсти. Голос поднимался до самых высоких нот и иногда срывался. Резкие обличительные слова летели в сторону столиков членов Комитета Конгресса. Тысячи людей под шамианой слушали премьер-министра затаив дыхание. Ни обычного шума, ни разговоров. Неру обвинял враждующие группировки в потере чувства ответственности перед

народом, в ослаблении Конгресса. Со всей силой своего ораторского искусства он обрушился на нерадивых членов Комитета, призывая их наладить дисциплину и вспомнить об интересах страны и народа. Кулуарные разговоры членов Комитета Конгресса о «передышке» после третьего пятилетнего плана получили энергичный отпор премьера. «Я встревожен, что некоторые люди хотят передышки, — гремел голос Неру под шамианой. — Если это так, я позволю сказать со всей ответственностью, что они не должны оставаться в Конгрессе, потому что Конгресс не будет отдыхать и никому не позволит отдыхать». Премьер-министр резко разрубил воздух узкой худощавой рукой и как бы отсек этим жестом все, что мешает стране идти вперед. Речь Неру лишний раз подтвердила существование в Конгрессе оппозиции пятилетним планам экономического развития страны. В своих выступлениях премьер-министр настаивал и требовал: планирование, планирование и еще раз планирование. На сессии была принята неофициальная резолюция, предлагавшая создать комиссию для составления перспективных задач третьего пятилетнего плана.

Слушая Неру, я поняла, что в своей деятельности он опирается на безусловную поддержку широких народных масс. Тысячи присутствующих на сессии людей с огромным вниманием и сочувствием принимали выступления Неру. Такого единодушного внимания не удостоивался ни один другой оратор. Мне показалось, что все пришедшие на сессию хотели слушать только Неру. Шум и разговоры неизменно сопровождали речи остальных членов Комитета Конгресса.

Важной проблемой для страны является повышение продуктивности сельского хозяйства. И не удивительно, что этот вопрос был вынесен на сессию Всеиндийского комитета Конгресса. Члены Комитета говорили о необходимости введения новых агрономических методов, о создании блоков общинного развития, о необходимости механизации сельского хозяйства Индии. Однако всем было ясно, что эти частичные меры не могут коренным образом изменить положение в деревне. Главной причиной низкой производительности сельского хозяйства является безземелье и малоземелье индийского крестьянина. Аграрные реформы, проводимые в деревне, к сожалению, не могут решить основного вопроса — наделения крестьян землей. Одна из важных проблем —

установление максимальных размеров помещичьего землевладения — до сих пор решается по существу только на бумаге. Это происходит в основном потому, что очень сильна помещичья оппозиция. И сильна она тем, что ее поддерживает часть руководства Конгресса, связанная с помещиками. На сессии Комитета Конгресса группировка, защищавшая интересы помещичьего землевладения, оказалась довольно боевой. Против ограничения помещичьего землевладения выступил Субраманиам, министр финансов штата Мадрас. Он грозил, что если ограничить помещиков, то сельское хозяйство придет в непоправимый упадок. Особенно мне запомнилась речь господина Махавира Тьяги, бывшего министра обороны, представителя штата Уттар Прадеш. Долговязый, в домотканом дхоти, он воздевал руки к небу, его голос временами переходил в крик. Тьяги призывал все беды на головы тех, кто решится отнять часть земли у помещиков. Его фигура с грозящей рукой как бы воплощала возмущение и непримиримость индийских помещиков ко всему новому, что пришло в страну. Все дело в том, голосил Тьяги, что наша страна перенаселена.

Вместо того чтобы поддерживать ненужную идею об ограничении земельных владений, вы должны наладить контроль за рождаемостью. Да, контроль! Крестьян надо стерилизовать. Пусть это будет добровольно, но надо заставлять их делать эту операцию. В результате сильной помещичьей оппозиции Комитет Конгресса так и не высказал своего конкретного отношения ни к аграрным реформам, ни к вопросу об ограничении крупного землевладения. На сессии была принята резолюция, которая предлагала создать Комитет пятнадцати «для детального изучения вопроса о сельском хозяйстве и его реорганизации, включая проблему ограничения землевладения». Рекомендации Комитета предполагалось вынести на обсуждение предстоящей сессии Национального конгресса в Нагпуре, где, правда, левому крылу в партии удалось провести ряд прогрессивных решений.

Сессия Всеиндийского комитета Национального конгресса, продолжалась три дня и кончила свою работу 26 октября. В последний день послушать заключительное выступление Неру собрались десятки тысяч людей. Волонтеры Конгресса не могли справиться с наплывом желающих. Несколько тысяч человек вдруг прорвались под шамиану, и сидевшие вскочили со своих мест, боясь быть смятыми напиравшей, сзади толпой. Против обыкновения Неру выступил в середине

заседания. Когда он кончил, около полутора десятка тысяч человек ринулось сразу к выходу. Поднялся невообразимый шум. Говорившего вслед за премьер-министром оратора никто не слышал и не слушал. Волонтеры блокировали выходы, но спасти положение не могли. Президент Конгресса Дхебар прервал выступавшего и крикнул: «Сядьте! Сядьте!» Но его голос потонул в общем гоме. Волонтерам удалось закрыть два выхода, и напиравшая толпа устремилась прямо к столикам членов Комитета. Под ее напором зашатались столбы, на которых был натянут канат. Тогда поднялся Неру и, не повышая голоса, сказал: «Пусть все сядут там, где стоят». Шум прекратился, и люди стали усаживаться. Многие нашли, что столики членов Комитета очень удобны для сидения. Заседание продолжалось и кончилось, когда в городе зажглись огни.

Вскоре в Хайдарабаде произошло еще одно важное событие. Министр планирования штата господин Раджу решением Верховного суда был лишен мандата депутата Законодательного собрания. Выяснилось, что во время последних выборов в 1957 году был использован ряд незаконных махинаций, которые поставили под сомнение депутатские полномочия министра. На освободившееся место были объявлены дополнительные выборы.

В Асифабаде — одном из городских районов Хайдарабада — развернулась предвыборная кампания. На заборах, стенах домов появились лозунги и эмблемы трех конкурирующих партий: Национального конгресса, «Хинду махасабхи» и «Иттихад-уль-муслимин». Два быка — Конгресса, два листика — «Хинду махасабхи», горящий факел — «Иттихад-уль-муслимин». Каждый забор, каждая стена призывали: «Голосуйте только за Национальный конгресс!», «Голосуйте только за Банде Матарам» (под этим лозунгом шла «Хинду махасабха» для привлечения голосов). По Асифабаду разъезжали агитационные автомобили, и кандидаты произносили речи в собственную защиту и в защиту своих партий. Только кандидат от «Иттихад-уль-муслимин» почему-то бездействовал и не утруждал себя речами. Как выяснилось позже, его бездействие имело хорошую цену и стоило пять тысяч рупий. Деньги выплатила «Хинду махасабха». По мере приближения выборов яростнее разгоралась борьба, теперь уже только между двумя партиями: Национальным конгрессом и «Хинду махасабха».

В канун выборов все улицы Асифабада пришли в движение. На каждом углу громкоговорители, установленные на машинах, до хрипоты выкрикивали лозунги и призывы. То там, то здесь появлялись процессии, над ними реяли знамена конкурирующих партий. Кое-где вспыхивали потасовки.

10 мая началось голосование, но агитация не прекращалась. Только теперь она приобрела другие, более действенные формы. На избирательных бюллетенях вместо фамилии кандидатов стояло три эмблемы: два быка, два листика и горящий факел. Зачеркивалась эмблема той партии, за кандидата которой отдавался голос. Раньше я слышала и читала, что в капиталистических странах продаются и покупаются голоса. Но как это делается практически, я не знала, да и всю процедуру представляла довольно смутно. «Хинду махасабха» выделила значительные суммы для покупки голосов. Деньги агитировали за ее кандидата.

С утра у избирательного участка толпился народ. Люди получали бюллетени, зачеркивали эмблему своего кандидата и опускали бюллетень в урну. Я заметила, что несколько человек суетились у входа. Они отводили в сторону то одного, то другого избирателя. Некоторые из тех, с кем разговаривали эти своеобразные «агитаторы», входили в помещение для голосования, затем быстро покидали его и на ходу что-то совали «агитаторам». В это время меня кто-то тронул за локоть. Я обернулась и увидела знакомую учительницу.

— Что вы тут делаете?

— Смотрю, как проходят выборы. Только мне неясно, чем занимаются суесящиеся люди. Они агитируют в последний момент?

— Конечно, «агитируют». Агитация денег. Присмотритесь, они ведь скупают голоса.

— Каким образом?

— Очень просто. Видите, сейчас один из агентов говорит с рикшей.

Действительно, небольшого роста человек с бегающими глазками что-то быстро и тихо говорил молодому рикше. Рикша внимательно слушал, опершись на руль своей коляски. Затем он кивнул головой в знак согласия и направился в помещение.

— Они договорились, — сказала учительница. — Теперь рикша не опустит бюллетень в урну, а отдаст его агенту.

Через несколько минут рикша вновь подошел к поджидавшему его человеку и что-то ему отдал. Затем я увидела, как агент разговаривал уже с другим избирателем.

— Посмотрите на этого, — моя собеседница указала еще на одного агента. Его рубашка подозрительно топорщилась над поясом.

— Я уверена, у него не менее тридцати бюллетеней. Он их спрятал за рубашку. Теперь он пойдет в помещение и проголосует по всем купленным бюллетеням.

Когда агент выходил из пункта для голосования, рубашка сидела на нем как следует.

— На какую партию работают эти молодчики? — спросила я.

— Думаю, что большинство из них — агенты «Хинду махасабхи».

В это время рикша, продавший свой бюллетень, остановился рядом с нами. Он пересчитывал монеты, которые лежали на его худой ладони, и негромко сказал:

— Четыре аны.

Я повернулась к нему:

— Пассажир был щедрым?

— Нет, сегодня у меня еще не было пассажиров. Я получил их за бумажку, что выдают там. — Он кивнул в сторону пункта для голосования.

— Они заплатили ему немного, — сказала моя собеседница, — потому что рикша не понимает всего, что здесь происходит. Да не все ли равно ему, чей кандидат пройдет? Его жизнь ведь не изменится. А лишние четыре аны — для него уже деньги. Те, кто понимают в чем дело, просят дороже.

Иногда цена поднимается до двух-трех рупий. Но сегодня очевидно, в этом нет необходимости.

Два агента опять уговаривали какого-то мужчину. Тот резко отпихнул одного из них и вошел в избирательный участок. Учительница засмеялась:

— Вот видите, не у всех бюллетени продаются. Конечно, продают немногие, но иногда их бюллетеней достаточно, чтобы дать перевес более богатой партии.

Вдруг в прилегавшем к улице переулке поднялся шум, послышалась брань, и из переулка выехал заляпанный кусками грязи автомобиль с разбитым ветровым стеклом. Машина резко затормозила,

и появился ее хозяин, довольно пожилой сикх. Его лицо было красным от злости и возмущения.

— Эй, вы! — прокричал он в сторону затихшего переулочка. — Хулиганы и бандиты! Вы думаете, я буду голосовать за вашу паршивую махасабху! Как бы не так! Я еще взыщу с вас за разбитое стекло!

Сикх в сердцах сплюнул и проворчал:

— И это называется демократические выборы? Никакого порядка.

Он горестно покачал головой и добавил:

— Такое хорошее стекло разбили, негодяи.

По всей видимости, в действие вступил новый вид «агитаторов». Очевидно, такого рода «агитация» не рассматривалась как «незаконные действия». Никто не пытался ее пресечь.

У многих уже голосовавших избирателей я заметила на руке синеватую метку.

— Что это такое? — спросила я у стоявшего неподалеку студента.

— Всем, кто проголосовал, ставят такую метку.

— Зачем?

— Чтобы не голосовали по нескольку раз.

— Но ведь предъявляется какой-то документ при получении бюллетеня?

— Да, но в документе нет фотографии, его может предъявить любой.

— А метку можно смыть.

— Не выйдет. Фирма гарантирует недельный срок, — засмеялся юноша.

Через несколько дней были объявлены результаты выборов. «Хинду махасабха» получила 9 тысяч голосов, Конгресс — 6 тысяч, «Иттихад-уль-муслимин» — тысячу.

В тот же день «Хинду махасабха» праздновала победу. Здание партии было иллюминировано и украшено цветами. До поздней ночи под его сводами раздавались поздравительные речи и гремели овации. На «именинника» Рамачандру Рао надели цветочные гирлянды. По району Асифабада под барабанный бой шли процессии сторонников «Хинду махасабхи».

«Охотники за душами»

С миссис Мозес я познакомилась во время заседаний Всеиндийского комитета Конгресса. У прилавка книжного киоска, где продавали конгрессовские издания, ко мне подошла небольшого роста полная женщина, одетая в простое темное сари.

— Вы, конечно, иностранка, — сказала она.

— Да.

— И давно вы живете в Хайдарабаде?

— Всего несколько месяцев.

— У вас здесь есть друзья?

— Да. И немало.

— А кто они?

— Такие же индийцы, как и вы.

— Нет, я имею в виду не это. Кто они по религии?

— Большинство мусульмане.

— А есть ли у вас друзья среди христиан?

— Может быть, и есть. Я, правда, этим никогда не интересовалась.

— Как? Не интересовались? Но ведь вы же христианка!

— Кто вам об этом сказал? Я не верю в бога.

Глаза женщины округлились:

— Этого не может быть.

— Иногда бывает.

— Меня зовут Мозес, миссис Мозес. Я христианка. У нас гут целая община.

Кажется, это становилось интересным.

— А кто же вы, католики, протестанты, православные или кто-нибудь еще?

— Мы ни то, ни другое, ни третье. Мы исповедуем истинную религию, не ходим в церковь, не посещаем увеселительных зрелищ и кино. Ведем очень простой образ жизни.

Я поняла, что миссис Мозес — баптистка. В городе действовало несколько американских баптистских миссий. У них была паства и среди индийцев. Мне захотелось поближе узнать, что же это такое. Я пригласила мою новую знакомую в гости. Она с излишней, на мой взгляд, готовностью приняла это приглашение.

Дня через два миссис Мозес появилась у меня. И не одна. С ней пришла немолодая женщина с узким бледным лицом и вкрадчивыми манерами святоши.

— Мы здесь, — скрипучим голосом начала она, — потому, что хотим наставить на путь истинный вашу заблудшую душу.

Признаюсь, я не ожидала такого оборота дела и почувствовала себя неважно.

— Да, да, — подтвердила миссис Мозес, — вы даже не знаете, как вы заблуждаетесь.

— Но я уверена, что не заблуждаюсь.

— О, это звучит наивно, — проскрипела бледнолицая.

«В конце концов, — подумала я, — даже любопытно, как они собираются меня „обращать“».

— Вот вам для первого раза, — миссис Мозес протянула мне библию.

— Я читала ее.

На лицах моих «обратительниц» заиграли торжествующие улыбки.

— Вот видите, даже такая, как вы... — начали они хором.

— Нераскаявшаяся грешница, — продолжала я их мысль.

Баптистки смущенно потупили очи долу.

— Зачем так резко. Мы просто хотели сказать, что даже вы не прошли мимо этой священной книги.

— Конечно, потому что каждый атеист должен знать библию.

— Но для чего же?

— Чтобы уметь бороться против всего этого.

— Мы не будем спорить. Только просим выслушать нас.

— Пожалуйста.

— Если вы посмотрите на небо, — заскрипела святоша, — вы увидите солнце, луну и звезды. И все это создал бог. И землю создал бог, и траву, и деревья, и людей.

Мне стало казаться, что надо мной просто издеваются.

— Вы это серьезно? — спросила я, подавляя чувство досады.

Обе они, очевидно, заметили мое состояние.

— Не волнуйтесь, конечно серьезно.

Далее следовал рассказ о том, как бледнолицая, божьей; волею, была совлечена с греховной стези индуизма и водворена в лоно христианства. В самых чувствительных местах она пускала слезу, и

голос ее дрожал. Путь ее «спасения» был красочен. Мне же спасения в этот день не было. Проповедница все говорила и говорила. Миссис Мозес в знак, согласия кивала головой и поддакивала.

Вдруг, на мое счастье, в дверь просунулась голова чаукидара и «богопротивным» голосом рявкнула:

— Мэм-саб, пришли убирать.

Бледнолицая проповедница вздрогнула и беспомощно уставилась на чаукидара.

— Пусть войдут. Извините, — сказала я, — в другое время, они не могут.

— Мы не смеем вас задерживать. Надеемся, что вы посетите нашу общину.

— С удовольствием.

Я включила фен, и в комнату ворвался свежий воздух.

И все-таки меня не оставляли мысли о том, что это за люди и связаны ли они с американскими миссиями. Во время затянувшегося посещения миссис Мозес и ее приятельницы я узнала только, что последняя когда-то принадлежала к высшей касте брахманов и была родом из Бенгалии.

Баптистская община, куда я пришла в один из ноябрьских дней, носила библейское имя «Элим» и занимала довольно обширную территорию. Здесь были жилые помещения для проповедников, для неженатой молодежи, для некоторых членов общины и молитвенный дом. Дом был большой и длинный. Крышу покрывали пальмовые листья, а циновки, укрепленные на столбах, поддерживающих крышу, заменяли стены. Внутри не было ни стульев, ни скамеек. На земляном полу лежали циновки. И только у передней стены молитвенного дома на небольшом возвышении стояли две кафедры для священников и виднелись обшарпанные бока старой фисгармонии. У дома толпились индийцы. Они тихо разговаривали и называли друг друга братьями и сестрами. В толпе я отыскала миссис Мозес, и та выразила неподдельную радость при моем появлении.

— Сейчас начнется проповедь, потом чтение библии и в конце — венчание. Один наш брат и сестра решили пожениться.

Люди стали входить в дом и рассаживаться. С одной стороны женщины, с другой — мужчины. Я села среди женщин, рядом с

миссис Мозес. В руках прихожан были листовки с какими-то напечатанными текстами на английском и телугу.

— Что это? — спросила я.

— Это священные гимны. Мы их будем петь во время молитвы.

На кафедры взошли два священника. Они были в белых пиджаках и брюках. Один говорил по-английски, другой — на телугу. На женской половине между рядами сновали дети. Проникнуться торжественностью момента они, естественно, не могли. Усидеть на месте трудно. То там, то здесь затевалась возня, раздавались материнские шлепки и детский плач. К концу длинной проповеди многие из ребятишек утомились и мирно заснули. После чтения библии прихожане распевали гимны. Но гимны не были похожи на заунывное церковное пение. Они исполнялись в энергичном жизнерадостном темпе под аккомпанемент фисгармонии и барабана. Во всей этой службе было что-то глубоко индийское. И сидящие на полу смуглые люди, и ритмичные звуки барабана, и быстроглазые, ничего не признающие индийские ребята.

— Оглянитесь назад, — зашептала миссис Мозес, — пришли наши белые братья и сестры.

Я повернулась и увидела несколько десятков хорошо одетых людей. Среди них я узнала некоторых известных мне американцев.

— Вы знаете, из какой они страны? — обратилась я к своей соседке.

— Конечно. Они из Америки. Все наши главные проповедники — американцы.

Для белых «братьев» и «сестер» в конце помещения были поставлены удобные скамьи. Видимо, у них здесь были свои «белые» привилегии. Американцы держались особняком и старались не смешиваться со своими цветными «родственниками». Даже во время угощения, которое состоялось после венчания, для них был накрыт отдельный стол. Баптистское «братство», видимо, имело тоже свои цветные границы. Исключение, пожалуй, составляли две американки, одетые в сари. Они подходили к женщинам, разговаривали с ними, что-то спрашивали.

— Кто это, миссис Мозес?

— О, эти леди — наши главные проповедницы. Хотите, я познакомлю вас с ними.

— Конечно.

Но мы тотчас же потеряли обеих проповедниц из поля зрения.

— О, вот госпожа Локетт, — воскликнула миссис Мозес.

Локетт в стороне о чем-то тихо разговаривала с мистером Миллером, работником американского информационного центра в Хайдарабаде. Обычное елейное выражение исчезло с лица проповедницы. Сейчас оно было сосредоточенно серьезным. Над переносицей легли две резкие складки. Когда мы приблизились, я услышала конец фразы, сказанной Миллером: «...Это очень важно. Вы же понимаете, что сделать это — в наших интересах». Завидев нас, Миллер быстро отошел. Видимо, их разговор не имел отношения к религии. А то, что у американского осведомителя Миллера и проповедницы баптистской миссии оказались какие-то общие интересы и дела, давало основания для определенных выводов.

Локетт шагнула нам навстречу и протянула руку миссис Мозес.

— Это моя первая помощница, — сказала мне Локетт.

— И много у вас таких помощников?

— О, очень много. По существу все члены нашей общины.

— Кого же вам обычно удастся вовлечь в общину?

— Мы работаем среди телугу. Все они телугу. Бывшие неприкасаемые. Обращать в христианство неприкасаемых нетрудно.

— А чем вы это объясняете?

— Видите ли, если человеку говорят, что он — существо, низкое от рождения, что он всю жизнь будет таким и его дети будут неприкасаемыми, то идея христианского равенства несомненно найдет отклик в его душе. Человек всегда тянется к истинному богу и истинной вере.

— А среди мусульман ваших последователей нет?

— Это удастся сделать очень редко. С телугу — дело другое. Каждый член нашей общины старается обратить новых братьев и сестер. А они помогают нам в свою очередь.

Да, если бы эти «братья» и «сестры» знали, кому они помогают и во имя какого «бога»...

— Приходите как-нибудь к нам еще. Мы познакомимся поближе.

— Обязательно.

На лице госпожи Локетт вновь заиграла елейная улыбка. Неделю спустя я получила открытку следующего содержания:

«Мы были бы счастливы пригласить Вас в пятницу после полудня на чашку чая. Миссис Мозес придет также. Она просила нас сообщить Вам, что будет ждать Вас у автобусной остановки на Султан-базаре между 4.15 и 4.30. Оттуда Вы сможете вместе приехать к нам. Дайте знать, получили ли Вы нашу открытку.

Локетт, Уолгрэн».

Обе проповедницы встретили меня в хорошо обставленной гостиной уютного дома, где они жили. Обстановка дома мало вязалась с тем аскетическим образом жизни, который проповедовали баптисты. Мы не говорили о боге. Локетт и Уолгрэн были безусловно умнее миссис Мозес и хорошо себе представляли, что это ни к чему не приведет.

Локетт находилась в Индии около двенадцати лет. Приехала она сюда вскоре после войны. Сначала жила в нескольких деревнях Соединенных провинций, а с 1955 года — в Хайдарабаде.

— Скажите, госпожа Локетт, — спросила я, — что вы делали у себя на родине до поездки в Индию?

— Во время войны я служила в военно-воздушных силах союзников.

— Вы имели офицерский чин?

— Да.

— А что же вас заставило теперь заняться таким сугубо мирным делом?

Оценивающий и настороженный взгляд на какое-то мгновение блеснул из-под полуопущенных век бывшего офицера союзнической армии. Я вспомнила, что точно так же посмотрела на меня Локетт, когда разговаривала с Миллером. Но это было только одно мгновение, какой-то момент. Глаза Локетт вновь обрели свое обычное елейное выражение.

— Этого потребовал от меня мой бог.

Я поняла, что большего узнать мне не удастся.

— Вы хорошо знаете индийские языки? — продолжала я.

— Да, вполне прилично. Я знаю урду, хинди, телугу. Уолгрэн, стараясь увести разговор в более безопасное русло, рассказала мне запутанную и малоправдоподобную историю своего вступления на «путь божий». Но, кажется, я слушала ее невнимательно.

— Нам много приходится работать, — вступила вновь в разговор Локетт.

— У вас, я знаю, много прихожан. Вам, очевидно, приходится и посещать их?

— Да, конечно. Мы ходим к ним домой, беседуем с ними, читаем им библию, объясняем непонятные места. У каждой из нас есть определенный круг индийских семейств. Мы обязаны бывать у них по крайней мере раз в неделю.

— Очень много работы, — подхватила Уолгрэн. — Но нас поддерживает мысль, что все это не зря. Мы готовы служить богу до последнего дыхания.

Я покинула «божьих служительниц» и у ворот «Элима» встретила группу женщин-телугу. Они направлялись в молитвенный дом.

— Госпожа Локетт и Уолгрэн? О, это очень хорошие леди. Они часто бывают и у нас дома. О чем говорим? О, их интересует все. И как мы живем, и что делаем на работе, и кто наши знакомые, и какое у нас настроение, и в чем мы нуждаемся. Они все время о нас заботятся. Эти сестры очень, добры к нам. Мы им многим обязаны.

Мне стало ясно, что проповедники американской баптистской миссии пользуются значительным влиянием среди христиан-телугу. А неустанное «служение богу» американских баптистов удачно маскирует еще более деятельную службу осведомителей.

Баптистские миссии стараются раскинуть свои щупальца по всему городу. Нередко на улицах можно встретить юношей и подростков, которые суют вам в руки бесплатные брошюры и листовки. Это миссионерские издания. Они написаны в увлекательной форме, и на первый взгляд не имеют никакого отношения к богу. Вам вручают тонкую брошюру. На обложке изображен человек в кислородной маске, стоящий на вершине Джомолунгмы (Эвереста). Под ним надпись: «Завоевание». И действительно, брошюра начинается с описания подвига легендарного альпиниста Тенцинга, «Тигра снегов». Это интересно, индийцы хорошо знают и чтут Тенцинга. А через несколько абзацев начинается обычная проповедь, где злосчастная Джомолунгма фигурирует в качестве горы «человеческих грехов», а люди, преодолевшие эту гору, называются «спасшимися» и «очистившимися». Те, кто заинтересовался подвигом Тенцинга, прочтут и остальное. Прочтут и задумаются. А Тенцинг даже не

подозревает, что его удивительное мужество и упорство теперь служат обычной приманкой, рекламой для американских баптистских миссий. Такие миссии я встречала не только в городе, но и в деревнях, и подчас в самых глухих уголках деревенской Индии.

В глубине Телинганы, в дистрикте Махбубнагар расположен небольшой коллекторский центр Нагаркарнуль. Поселок вытянулся вдоль мощенной камнем проезжей дороги. Сразу за домами начинаются рисовые поля. Между полями и зарослями всевозможных пальм разбросаны островки деревень. Поселок и деревни лежат в стороне от железной дороги. Я добралась до Нагаркарнуля к вечеру на джипе местного коллектора. Солнце село, но было еще не поздно.

— Достопримечательностей в нашем поселке нет, — сказал коллектор. — Все, что есть, здесь перед нами, как на ладони. Впрочем, неподалеку отсюда есть американская баптистская миссия.

— В таком месте?

— Представьте себе. В Телингане не одна такая миссия. Они действуют в самых отдаленных местах штата. Даже англичане сюда не добирались, а американцы — те предприимчивей. Мы можем съездить к миссионерам в гости.

— Ну что же, давайте поедем.

Шофер включил фары, и коллекторский джип, ныряя в ухабы, понесся в сторону от поселка. Минут через пятнадцать свет автомобильных фар вырвал из крошечной тьмы кусок ограды густого сада и заплясал на белых стенах двухэтажного особняка. За оградой залаяли собаки, и навстречу нам вышел седой сгорбленный человек, завернутый в кусок ткани. В руках он держал керосиновый фонарь и прикрывал ладонью глаза от яркого света фар.

— Эй, сторож, — крикнул коллектор, — хозяйка дома?

— Дома, дома, — прощамкал человек. — Входите, я придержу собак.

Через несколько минут мы сидели в ярко освещенной гостиной миссионерского дома. Под потолком мерно жужжал фен. Всеми делами в миссии ведали две американки, одетые в сари.

Одна из них привлекла мое внимание широким крестьянским лицом славянского типа. В ее английской речи слышался какой-то акцент.

— Откуда вы? — спросила я ее. — Из Америки, конечно.

— Вы и родились в Америке?

— Нет. Я родилась в России, на Украине.

— А как вы попали в Америку?

— Очень просто. Мой отец уехал из России в 1930 году и поселился сначала в Канаде.

— В 1930 году? Во время коллективизации?

— Да, во время коллективизации. — В глазах женщины блеснул злобный огонек. — С тех пор я считаю делом своей жизни проповедь идеалов страны, где собственность является священной.

— Но вы, кажется, проповедница «божьих идеалов»?

— Да, но одно другому не мешает. Америка живет по божьим законам. Это ваша страна погрязла в безбожии.

— Ваш отец имел какую-нибудь собственность?

— У нас была земля, лошади и мельница. А потом ничего не стало.

— Вы помните ваш родной язык?

— Нет. Не считаю нужным.

Передо мной сидела грубо скроенная типичная украинская кулачка. Человек, проклявший и забывший родину во имя собственных лошадей и собственной мельницы. Все остальное ее не трогало. Слово «мое» было ее богом. И не зря, очевидно, именно такая, как она, нашла свое призвание на поприще американской баптистской миссии в далекой и чуждой ей стране. Такие, защищая «идеалы» своих хозяев, не останавливаются ни перед чем. «Служение богу» является лишь эффективным средством в их руках.

— Наша миссия довольно богатая, — сказала вторая проповедница. — У нас много прихожан среди хариджан^[13]. Здесь мы организовали начальную школу и построили больницу. Те, кто хочет продолжать образование, могут поступить в среднюю школу при соседней миссии. Она недалеко отсюда.

— Не могли бы вы показать нам школу и больницу? — попросила я.

Миссионеры замялись:

— Видите ли, уже поздно.

— Ничего, у нас есть еще время, — поддержал меня коллектор.

— Но уже темно.

— Нам достаточно фонаря, который мы видели у вашего сторожа.

— Тогда пойдемте.

Мы вышли в темный сад. Ветер тревожно шумел в деревьях. Фонарь мигал и бросал на землю желтые нечеткие круги. Вдруг перед нами из темноты возникло приземистое одноэтажное строение. В незастекленных окнах слабо мерцали огни керосиновых ламп.

— Это наша школа, — сказала проповедница. — Здесь занимаются 80 мальчиков и девочек. Все они дети бывших неприкасаемых. Их родители — наши прихожане.

Мы входим в класс. Низкие потолки, обшарпанные стены, грубо сколоченные скамьи и столы. В классе на полу сидит группа мальчиков. Ветхая одежда едва прикрывает грязные темно-бронзовые тела детей. При нашем появлении мальчики встают и приветствуют нас по-английски. Их родной язык телугу. Но здесь, в миссионерской школе, они обязаны учить английский. В классе застоялся душный жаркий воздух. Керосиновая лампа коптит, и около нее выются москиты.

— Это учитель, — нам показывают высокого пожилого человека. — Сейчас дети вместе с ним готовят уроки.

Мальчишки стоят, переминаясь с ноги на ногу. На нас устремлено около двух десятков пар черных глаз. Но какие они все разные, эти глаза. Одни — хитрые, с лукавой искринкой, другие — смешливые, третьи — озорные. А в некоторых застыла какая-то грусть и тупая покорность. Та же картина и в классах для девочек.

— Дети у нас на полном пансионе. Они здесь же питаются и живут.

— Какая плата в вашей школе?

— О, немного. Две рупии в месяц за ребенка. За эту сумму они получают у нас все. Самые бедные могут отдать своих детей в школу. Конечно, если они христиане.

Видимо, плата за обучение не такая уж маленькая, как это кажется на первый взгляд.

Рядом с классами разместились и жилые комнаты для школьников. Правда, комнатами эти тесные и грязные каморки назвать трудно. В каждой такой каморке живет двадцать ребят. Высоко, почти под потолком, прорезаны небольшие оконца. Также как и в классах, тут нет никакой вентиляции. Керосиновые лампы тускло светят сквозь закопченные стекла. На земляном полу лежат жесткие циновки, на которых дети спят. Около циновок брошены жестяные крестьянские баулы со скудным скарбом. В углу, прямо на полу, свалена

металлическая посуда. Дети из нее едят. В каморках нет ни одной скамьи, ни одного стола. Я читала об американских тюрьмах. Они мне представляются верхом благоустроенности по сравнению с тем, чем располагают ученики миссионерской школы. А за все это «благоденствие» крестьяне закладывают свои души американским миссионерам.

Вслед за школой мы осмотрели больницу. Служба здравоохранения в Индии еще не налажена. Американские миссии под маской «человеколюбия» по существу эксплуатируют в собственных интересах трудности, которые переживает страна. Больниц и медицинских пунктов в деревне еще мало. Один врач обслуживает многие деревни. И вот в этих условиях миссионеры создают больницу для своих прихожан. Но то, что я увидела в миссии, больницей назвать нельзя. Это длинный грязный барак с клетушками-палатами. Все нужды «больницы» обслуживает единственная сестра. У нее небольшая комнатка с элементарным медицинским инвентарем и маленьким шкафчиком для лекарств. Больные, окрестные крестьяне, лежат на деревянных кроватях. У многих из них нет даже постельных принадлежностей. Но это «счастливики». У входа в барак прямо на земле спят человек пятнадцать, завернутых в грубые одеяла.

— Что это за люди?

— Родственники больных. — Проповедница замаялась. Они ухаживают за ними.

В это время из-под одеяла поднялась иссушенная годами и какой-то болезнью старуха. Ее слезящиеся глаза с мольбой уставились на одну из проповедниц. Старуха подползла к ее ногам и, припав к ним, заплакала и стала просить о чем-то. Проповедница с выражением безразличия на холодном лице отошла в сторону. Старуха говорила на телугу, и я ее, конечно, не поняла. Я тихо спросила у сторожа:

— О чем она просит?

— Хочет, чтобы ее поместили в больницу. Она больная. А эти люди вовсе не родственники больных, — быстро прошептал он. — Они тоже больные. Но некоторые не христиане. Мэм-саб поэтому не хочет класть их в больницу. И вот эту старуху тоже.

В эту ночь я долго не могла заснуть. У меня перед глазами все время стояла старая больная крестьянка, с мольбой протягивающая руки на пороге миссионерской больницы. И эта мольба в слезящихся

глазах была живым символом «милосердия» американских «охотников за душами».

«Охотники за душами» народа не только миссионеры. Наряду с «божьей службой» используются и другие формы «охоты». Проповедь «американских идеалов» заполняет страницы многих американских изданий в Индии. И здесь пропаганда заокеанского образа жизни идет рука об руку с антисоветской клеветой. В Хайдарабад приезжают американские профессора и журналисты. Они выступают с докладами и лекциями, завязывают дружеские отношения с определенными кругами. Экраны города наводнены голливудскими фильмами. И кое-кому они нравятся. В Хайдарабаде есть и американская информационная библиотека. Библиотека привлекает читателей всеми возможными способами. Те, у кого нет денег, могут бесплатно получить литературу и посмотреть фильмы. Те, кому вечерами некуда идти, могут здесь приятно отдохнуть и набраться «полезных сведений» об «истинной демократии». Студенты могут полюбоваться красивыми девушками — библиотечаршами. Любители фотографий всегда найдут в библиотеке свежую выставку о «великой стране» — США. На «охоту за душами» денег не жалеют. Прибыли, возможно, намного превзойдут затраты.

Но американские проповедники и пропагандисты не первооткрыватели Индии. Во времена колониального режима английская церковь сослужила ему неплохую службу. Эта служба не прекращается и сейчас. И самое интересное состоит, пожалуй, в том, что англо-американские империалистические противоречия в Индии перенесены и в эту своеобразную область борьбы. Англиканские церковники не жалуют американских баптистов, американские баптисты — англиканских церковников. Английские католики вполне солидарны в этом со своими братьями-протестантами.

В хайдарабадский католический монастырь, принадлежащий ордену святого Франциска, я попала случайно. Мне хотелось отработать свое английское произношение. Это, конечно, можно было сделать только с преподавателем-англичанином. Найти преподавателя в Оксфордской грамматической школе мне не удалось. Но там мне посоветовали обратиться в церковную школу при монастыре. Монастырь занимает обширную территорию, расположенную в глубине одного из переулков, выходящих на главную улицу — Абид-

роуд. На большом, аккуратно вымощенном дворе помещаются кельи женского и мужского монастыря, собор, мужская и женская школа, детский сад, мастерские.

В церковной школе, или, как ее называют в городе, Гирджи-скул, мне повезло. «Святая мать» Мэри согласилась со мной заниматься. Она была англичанкой по происхождению и выглядела гораздо моложе своих 65 лет. На матери Мэри была белая сутана, на груди висело распятие из слоновой кости. Волосы монахини были упрятаны под четырехугольный головной убор, из-под которого на спину свободными складками спадала полоса белой ткани.

День за днем я присматривалась к моей учительнице и к жизни монастыря. Надо отдать ей справедливость, мать Мэри не пыталась обратить меня в христианство. О боге мы не говорили. Зато монахиня много расспрашивала меня о нашей стране. Интерес ее был вполне искренним. Мать Мэри была пострижена шестнадцати лет. С 1922 года она живет в Индии. Сначала в Керале, потом в Майсуре, теперь в Хайдарабаде. В год моего пребывания в городе «святая мать» отметила 50-летний юбилей своей деятельности на поприще католической церкви. Я удивлялась, как она хорошо знает страну, ее народ, как верно разбирается в политическом положении. Моя учительница была умным и наблюдательным человеком.

Общаясь с ней, я поняла, что францисканцы были более осторожными «охотниками за душами», нежели агрессивные баптисты. Тонкие дипломаты, они умело влияют и до сих пор на некоторые стороны политической жизни страны и часто используют сложившуюся ситуацию в небескорыстных интересах своего ордена.

Однажды я спросила монахиню:

— Скажите, мать Мэри, много ли в Индии католических миссий?

— А почему это интересует вас? — насторожилась она.

— Наверно, потому же, почему вас, например, интересует московское метро.

— Да, конечно, в этом нет ничего странного. Люди разных стран интересуются жизнью друг друга. Наш орден имеет 69 миссий в Индии. Только в деревнях Андхры у нас 10 миссий.

— Большая часть ваших миссий сосредоточена, по всей видимости, в Южной Индии?

— Совершенно верно. В Северной Индии мы почти ничего не имеем.

По понедельникам в соборе шла служба. Среди прихожан было много англо-индийцев и немало телугу.

Как-то мы разговорились с моей учительницей о прихожанах церкви.

— У нас много прихожан среди телугу, — сказала монахиня.

— А кто они? Бывшие «неприкасаемые»?

— Есть, конечно, и такие. Но многие из них принадлежат и к «высоким» кастам. Вообще большинство наших прихожан — люди состоятельные.

— А в ваших школах обучаются только христиане?

— О нет. В основном дети мусульман и в меньшей степени индусов. Школа у нас хорошая, и плата за обучение приличная.

Школа действительно пользовалась неплохой репутацией в городе.

— Мы не стараемся воздействовать на наших учеников и не заставляем их принимать христианство. Правда, библия у них предмет обязательный. Мы к ним очень добры. Они сами должны во всем разбираться.

В методах монахов не было ни навязчивости, ни принуждения. Только хорошее отношение. Хорошее отношение, превращенное в ловушку.

Иногда после занятий мать Мэри брала меня с собой на прогулку по монастырю. Основным предметом нашего разговора во время таких прогулок служила благотворительная деятельность монастыря.

— Мы помогаем бедным, — говорила монахиня. — Мы знаем всех в городе, кто нуждается в нашей помощи. Ведь сейчас много безработных и нищих.

— Вы помогаете только христианам?

— Не только. Индусам и мусульманам тоже.

Мать Мэри посмотрела на часы, висевшие у нее на поясе.

— Хотите увидеть, как мы кормим голодных? Пойдемте. В тесном закутке у забора, около изображения девы Марии, на земле сидело с полсотни оборванных и изможденных людей. У двух больших чанов хлопотала молодая монахиня. В одном из них был густо сваренный джовар, в другом — овощной соус. К монахине тянулись худые руки с ладонями, а то и просто ладони. Монахиня раздавала пищу. Люди тут

же в пыли ели неаппетитного вида смесь. Пожилой мужчина в грязном дхоти протянул дрожащие руки к раздатнице.

— Уходи, ты уже ел.

— Сестра, — по его высохшему лицу потекли слезы, — я очень голоден.

— Уходи, я тебе сказала.

Мужчина отполз в сторону и жадно глядел на тех, кто еще ел. Я вспомнила сухие узловатые руки старой крестьянки, протянутые к американской проповеднице.

Сквозь маску «доброго отношения» и монастырской благотворительности проглянуло хищное лицо «охотника за душами».

Во францисканском монастыре есть и начальная школа для бедных телугу. В ней занимается 400 детей. В мастерских монастыря слепнут над виртуозной вышивкой женщины, получающие гроши. Мать Мэри называет это тоже «помощью бедным».

Недалеко от Хайдарабада, на небольшой станции Казипет, монахи создали сиротский дом. В нем содержатся дети-сироты, подобранные в деревнях Андхры. Детей воспитывают и обучают францисканцы. Их души отданы в кредит «милосердным» католикам. Из детей делают примерных и благодарных христиан. Пойманные на крючок дешевого христианского «милосердия» в мутной воде несчастий, жизненных невзгод и бедности, люди расплачиваются за это дорогой ценой. Пример Кералы служит тому ярким и поучительным свидетельством.

Бигнапалли — телинганская деревня

Телингана... Выжженная равнина, покрытая жестким кустарником. Редкие заросли веерообразных пальм. Огромные гранитные валуны. Каменистая малоплодородная почва. Каждый клочок земли отвоевывается в борьбе с суровой природой. Большинству измотанных тяжелым трудом крестьян не дано пользоваться плодами труда. Для этого есть помещики и ростовщики. И не каждый крестьянин имеет свой клочок сухой земли. Телингана страдает от безземелья.

Деревня Бигнапалли находится в нескольких милях от Нагаркарнуля. Пожалуй, это типичная телинганская деревня. Глинобитные дома и хижины, узкие улочки между высокими дувалами. На углах улиц, на низких столбах стоят четырехугольные керосиновые фонари. Пахнет дымом и пылью. Лениво бродят коровы и козы. Со всех сторон к деревне подступают пестрые клочки крестьянских полей. В этом районе выращивают рис, джовар и баджру.

В Бигнапалли живет 150 семей. Деревенские жилища — живое свидетельство благосостояния их хозяев. На окраине деревни стоят слепленные из глины хижины. В них нет окон, свет проникает через отверстие в потолке и низкий вход. В таких хижинах всего одна комната. Здесь спят, едят, готовят. Для сна служат жесткие циновки. На циновках сложены грубые одеяла. В них кутаются холодными зимними ночами. Освещаются хижины керосиновыми лампами, и, поэтому в домах стоит легкий запах гари. Очаг тут же в хижине. Трубы нет, дым медленно уходит через дверь и отверстие в потолке.

Владельцы этих хижин — безземельные сельскохозяйственные рабочие. Они составляют четверть населения деревни. Некоторые, чтобы прокормить свою семью, арендуют землю у помещика и кулаков. Арендованные участки невелики, всего один-полтора акра. Для сухой и истощенной земли Телинганы это очень мало. Арендная плата высокая — 33 % урожая. Конечно, приходится идти батрачить на чужих полях. Поденная работа — основное занятие безземельных. Но и она приносит очень немного: одну-полторы рупии в день. Однако часто нет и такого заработка. Чтобы как-нибудь продержаться, остается одно — идти к ростовщику. В деревне ростовщики занимают целую улицу. Она чище и шире других. У ростовщиков каменные

добротные дома и прочные заборы. Для такой деревни, как Бигнапалли, их слишком много — тридцать человек. Но ростовщики не жалуются. Клиентов у них достаточно. Правда, в деревне есть кооперативный банк. Но он еще беден и не в состоянии обеспечить крестьян всем необходимым. Поэтому треть жителей деревни в долгах у ростовщиков. Они ссужают крестьян деньгами и зерном. Чаще зерном. За зерно ростовщику положено 50 процентов. Ростовщики скупают урожай у большинства крестьян. Деревенский рынок полностью находится в их руках. Они же являются владельцами и всех деревенских лавчонок. Подавляющая масса крестьян владеет участками земли в 5-10 акров. Четыре семьи имеют 100 акров. У помещика, господина Редди, — 500 акров.

В деревне есть и свои ремесленники. Большинство из них — безземельные. В Бигнапалли работает около тридцати ткачей и несколько горшечников. В глубине деревни находится колония ткачей. В их домах на самом видном месте стоит ткацкий станок. К нему относятся с большим уважением — это кормилец. Ткач трудится с раннего утра до позднего вечера. Часто ему помогают и члены семьи.

— Мы работаем очень много, — сказал мне ткач Нараян, — но больше рупии в день никак не получается. А что сделаешь на рупию, когда у тебя большая семья и ты еще должен ростовщику?

— А много вы должны?

— Так много, что я уже не распоряжаюсь своей продукцией. Все, что делаю, я должен отнести ростовщику. Он, конечно, платит мне, но его цена ниже рыночной. Я много на этом теряю.

По соседству с ткачами живут горшечники. Так же как и ткачи, они целый день гнут спину. Тут же, в единственной комнате дома, рядом с гончарным кругом, глиной и готовыми кувшинами и горшками, ютится многочисленная семья.

Большинство крестьян — неграмотные. Многие из них никогда не покидали своей деревни, и даже поселок Нагаркарнуль кажется им огромным.

— Откуда вы? — спросила меня пожилая крестьянка Лакшми.

— Из Москвы.

— Эта деревня далеко отсюда?

— Очень далеко. Тысячи миль. И Москва — не деревня, это большой город.

— Город? Я не знаю, что это такое. Наверно, как Нагаркарнуль?

— Нет, больше. Там могут поместиться тысячи нагаркарнулей.

Лакшми с недоверием посмотрела на меня:

— Разве могут быть такие деревни?

Я пыталась ей объяснить, но вскоре поняла, что это бесполезно. Лакшми слушала меня внимательно, с сомнением покачивала головой. Самый грамотный человек в деревне помещик Редди, он знает даже английский. Редди председатель деревенского панчаята. У него хищный, прицеливающийся взгляд и громкий властный голос. Редди — хозяин в деревне.

Я разговорила с несколькими безземельными крестьянами.

— Что сделал для деревни ваш панчаят?

— Да ничего.

— И Редди ничего не делает?

— Конечно. Весь панчаят зависит от него, и они молчат.

— А разве нельзя это изменить?

— Очень трудно. У Редди большая власть. Не только члены панчаята от него зависят, но и многие в деревне. Вот я, например, арендую у него землю. Разве я могу пойти против него? Если это сделать, я останусь совсем без земли. Панчаят служит его интересам. Он помещик. А помещик не заботится о бедных.

Однако в последнее время в деревне кое-что изменилось к лучшему. В дистрикте была проведена аграрная реформа и частично ограничено помещичье землевладение. Пятая часть крестьян Бигнапали смогла купить землю. Правда, это были зажиточные крестьяне. Безземельные земли так и не получили. Затем на одном из домов появилась надпись: «Контора блока общинного развития». В доме поселился правительственный чиновник. Он сказал крестьянам, что теперь их деревня входит в блок общинного развития. Это значит, что правительство штата, согласно пятилетнему плану, будет помогать крестьянам и предоставит в их распоряжение кое-какие ссуды. Новость была хорошей. Вначале не все поверили чиновнику. Потом выяснилось, что чиновник сказал правду. Все началось с того, что стали строить школу. Конечно, сами крестьяне не смогли бы этого сделать. Блок взял на себя три четверти расходов. И только одну четвертую выплатили сами жители.

— Пусть хоть дети наши будут грамотными, — говорили крестьяне. — Видно, и впрямь пришли новые времена.

Теперь в Бигнапалли две школы — начальная и средняя. В начальной школе занимается 80 детей. Обучение бесплатное. Учитель получает жалованье от правительства, 120 рупий ежемесячно. Школа занимает просторное помещение. Дети сидят прямо на полу. Учитель предложил мне посмотреть младший класс. Это были дети шести-семи лет. Завидев меня, они вдруг дружно заревели. Откровенно говоря, я растерялась от такого приема. Учитель рассмеялся и сказал им:

— Перестаньте плакать. Эта леди — не доктор. Уколов она вам делать не будет.

Однако горестный плач продолжался. Теперь растерялся учитель. В это время я заметила, как взлохмаченный мальчишка лет шести с выражением глубокого ужаса уставился на открытый объектив моего фотоаппарата. Я догадалась, в чем дело, и закрыла чехол. Дети сразу успокоились. Только изредка раздавались всхлипывания. Видно, дети всего мира одинаковы, в их возрасте я тоже панически боялась докторов и уколов.

Мы прошли во внутренний двор. Здесь у стены толпилось несколько десятков оборванных ребятишек разных возрастов. В руках у них были тетради и книги.

— Это дети безземельных, — сказал учитель. — Им приходится много работать, помогать своим родителям. На учебу времени у них не хватает. Я даю им задание, и они идут домой. Это, конечно, очень печально, но пока мы ничего не можем сделать.

Среднюю школу посещают 150 детей. Точно так же как и в начальной школе, труд учителя оплачивается правительством.

Правление блока общинного развития помогло создать в деревне производственный кооператив ремесленников-ткачей. Ткачи работают в общей мастерской и делают из овечьей шерсти грубые одеяла. Эти одеяла пользуются большим спросом среди окрестных крестьян. Одеяла продают крестьянам по пониженным ценам, на 18 процентов ниже рыночных. Разницу в цене выплачивает ткачам блок. Кооператив не прибегает к помощи ростовщиков-посредников.

С помощью блока общинного развития в деревне вырыли колодцы. Жители несли только половинные расходы. Крестьяне получили также деньги на проведение удобных дорог. Вслед за школой в деревне

построили ветеринарный диспансер и заложили фундамент для склада семян и удобрений. Ими блок регулярно снабжает крестьян. Правда, не всегда в достаточном количестве, но и это уже облегчает положение. Через управление блока многие крестьяне смогли приобрести домашнюю птицу, заплатив за нее треть рыночной цены. В Бигнапалли создан центр по разведению скота, в основном овец. Блок предоставил для этого крестьянам льготную ссуду.

С тех пор как деревня включена в блок общинного развития, стало возможным и получение квалифицированных агрономических консультаций. И не только консультаций, но и тракторов. Плата за аренду тракторов еще высокая — 26 рупий за обработанный акр, но тракторы можно получить и в кредит.

Блок не забывает и о культурных нуждах крестьян. В этой деревне я встретила молодую девушку. Ее звали Мехрунисса.

— Я окончила университет в Хайдарабаде, — сказала она мне.

— А что же вы делаете здесь?

— Работаю среди женщин. Очень много работы, трудной и интересной. После университета я окончила специальные курсы. Вы знаете, у нас деревня очень отсталая. Здесь и невежество и бескультурье. Сейчас наша страна возрождается. Мы увидели новую жизнь. Индия — страна деревень. Обновление надо начинать отсюда.

— И много таких, как вы?

— Много. По всей стране работают курсы, которые готовят культурных работников для деревни. Туда идет в основном молодежь. Такие, как я. Конечно, это трудно, но необходимо. Иначе мы никогда не выберемся из невежества и нищеты.

В глазах Мехруниссы я не увидела ни сомнений, ни колебаний. Эта хрупкая черноглазая девушка с твердым взглядом знала, что нужно делать. Я смотрела на нее и вспоминала слова господина Камалы: «Мы, индийские интеллигенты, любим поговорить...» А Мехрунисса делала и не рассуждала об общемировых проблемах. Она принадлежала к новому типу индийской интеллигенции. Интеллигенции, воспитанной не колониальным режимом, а свободной Республикой, интеллигенции, которая предпочитает трудиться со всем народом на благо страны, а не заниматься пустой клубной болтовней.

Для Мехруниссы все началось так... Упряжка волов медленно тащила двухколесную повозку по размытой дождем дороге. Дождь

шел вторую неделю, и над дорогой, повозкой и полями нависло низкое серое небо. В повозке, закутавшись в плащ, сидела девушка. Возница, пожилой крестьянин в красном тюрбане, изредка покрикивал на волов. Временами он принимался ворчать:

— И что людям надо в деревне в такую погоду. Сидели бы себе в городе. Там сухие дома и хорошие дороги.

Мехрунисса не отвечала. В Хайдарабаде, где-то за завесой непрерывного дождя, остался уютный родительский дом, университет, товарищи и хорошая работа, которую ей предложили. Что ожидает ее там, впереди, она не знала.

Дождь усиливался. И дождь, и грязная дорога, и ворчливый крестьянин, и неизвестность нагоняли безотчетную тоску. В Бигнапалли приехали поздним вечером. Деревню окружала непроглядная темень, и только кое-где тускло мигали огоньки керосиновых ламп. Мехрунисса слезла с повозки и по щиколотку утонула в жидкой грязи. В конце узкой улицы маячило несколько фигур под черными зонтиками. Девушка окликнула людей. Они остановились и с удивлением посмотрели на нее.

— Откуда такая?

— Я приехала в вашу деревню и буду у вас жить.

— Жить? Зачем?

Выражение подозрительности и недоверия появилось на лицах крестьян.

Да, начало было нелегким...

На следующий же день Мехрунисса пошла в деревенские хижины. Ее встречали по-разному. Одни — с удивлением, другие — с осторожной вежливостью. Но большинство — с явным недоверием. Девушка говорила женщинам: «Я приехала сюда, чтобы научить вас держать дома в чистоте, правильно ухаживать за детьми, научить вас грамоте и какому-нибудь ремеслу».

Жилища были грязные, женщины были неопрятны и не причесаны, дети болели и часто умирали. Мехрунисса говорила, а женщины отмалчивались. Только самая бойкая из них, зло сверкнув глазами, крикнула: «Ишь какая советчица! Мы всю жизнь так жили — и ничего, доживали до старости. С каких это пор кто-то будет вмешиваться в наши домашние дела?».

Многие двери в деревне оказались закрытыми перед Мехруниссой. Но и Мехрунисса была не из робкого десятка. Она продолжала настаивать и убеждать.

Однажды девушка зашла в хижину безземельного Нараяна. В углу на грязном полу сидела женщина. Она закрыла глаза и, раскачиваясь, горестно причитала. Перед женщиной на грязной циновке лежал мальчик лет четырех. По бледному лицу малыша Мехрунисса поняла, что что-то случилось. Она опустилась рядом.

— Что с ним, мать?

Женщина что-то пробормотала. Мехрунисса увидела, что ступня мальчика сильно распухла. Под сдвинувшейся грязной повязкой воспаленными краями краснела гноящаяся ранка. Жирные мухи сидели на ране. Женщина громко причитала:

— За что бог нас так наказал? Он у меня единственный сын, остальные девочки. Если с ним что-нибудь случится, кто будет кормить нас в старости?

Мехрунисса принесла чистый бинт и дезинфицирующую мазь. Она тщательно промыла рану и перевязала ее.

Через два дня, ранним утром к Мехруниссе прибежала жена Нараяна.

— Сестра, сестра, — громко позвала она, — моему мальчику лучше, опухоль спала. Я не знаю, как тебя отблагодарить.

Мехрунисса быстро собралась и пошла вместе с женщиной. Малыш уже не лежал, а, прихрамывая, прыгал по хижине. Тогда девушка объяснила, почему мальчик чуть не лишился ноги из-за маленькой ранки. Причиной всему — грязь. Жена Нараяна плакала и соглашалась с Мехруниссой. Вместе они прибрали хижину и вымыли малыша.

После этого случая многие стали приглашать девушку, спрашивали у нее совета и просили научить ухаживать за детьми. С тех пор работа пошла. Правда, есть еще упрямые женщины, которые не слушают Мехруниссу. Но женщины-активистки, помогающие девушке в ее трудной и благородной работе, стараются заставить их делать то же самое.

— Женщина должна быть грамотной, — сказала однажды Мехрунисса собравшимся крестьянкам. — Давайте создадим вечернюю школу, я вас буду обучать.

Некоторые робко возражали. Но женщина, которая в первый день крикнула Мехруниссе «ишь какая советчица», поднялась и сказала:

— Запиши меня, я буду ходить.

За ней потянулись и другие. Так в деревне заработала женская вечерняя школа. Сейчас в ней занимаются тридцать женщин. Через месяц Мехрунисса взяла сшитые ею самой вещи и показала их женщинам. Женщины качали головами и хвалили Мехруниссу.

— Вы ведь сами можете научиться так шить, — сказала девушка. — Кое-что можно будет и продавать. Все-таки помощь семье.

Женщины согласились. Но где взять: швейные машины? На помощь пришло управление блока общинного развития. Всем, кто хотел научиться шить, были бесплатно выданы швейные машины.

Много хорошего сделала Мехрунисса для женщин деревни. Она организовала и кружки самодеятельности среди школьниц. На их концертах крестьяне увидели много интересного и веселого. Впереди еще немало работы. Но самое трудное уже сделано. Завоевано доверие. Так, день за днем, в упорной борьбе новая жизнь захватывает деревню.

...Вечером в Нагаркарнуле местные школьники ставили пьесу. Среди зрителей я заметила немало жителей Бигнапалли. Небольшая школьная сцена освещалась керосиновыми лампами. Пьеса шла на телугу. Ее содержание было простым и в то же время примечательным.

В деревне представитель блока общинного развития и учитель решили создать школу. Очень долго они не могли убедить крестьян в том, что обучение для них необходимо. По ходу действия было несколько собраний, на которых чиновник блока и учитель произносили речи в защиту образования. Наконец крестьяне поняли, что школа деревне нужна. Тогда против строительства выступили ростовщик и богатый деревенский староста. Но крестьяне общими усилиями сломили их сопротивление и вышли победителями. Пьеса заканчивается веселым праздником в день открытия школы.

Зрители довольно живо реагировали на происходящее на сцене. Они шикали на ростовщика и старосту, одобрительно кричали, когда крестьяне согласились строить школьное здание. Идея пьесы безусловно нашла поддержку у зрителей. «Артисты» преувеличенно громко разговаривали, лампы чадили, шлем на чиновнике был надет задом наперед, что немало веселило зрителей, кое-кто забывал свою роль. Что и говорить, неполадок было много. Но разве в этом главное?

Оно было в другом. В том, что в живой и наглядном форме до сознания крестьян доносились мысли о необходимости переделать деревенскую жизнь. И зрители не оставили эти мысли без ответа.

Почампалли — родина бхудана

В 1946 году в Телингане началось крупное крестьянское восстание. Доведенные до отчаяния притеснениями низама и помещиков, крестьяне поднялись на защиту своих прав. Лозунг «землю тем, кто ее обрабатывает» был подхвачен во всех уголках пылающей Телинганы. Восставшие нападали на помещиков и ростовщиков, жгли их дома и усадьбы. Кое-где помещичью землю поделили между крестьянами. Восстание продолжалось и после ввода индийской армии в княжество Хайдарабад. Революционный огонь Телинганы грозил распространиться на всю Южную Индию. Помещики забеспокоились. Они могли лишиться в любой момент своей собственности. Войска подавляли восстание, но справиться с ним было не так-то просто. И вот тогда апрельским днем 1951 года в деревушке Почампалли, расположенной в сердце Телинганы, появился сподвижник Ганди Ачария Виноба Бхаве. Бхаве уговаривал крестьян прекратить «насильственную» борьбу и довольствоваться тем, что они имеют. В ответ на уговоры раздавалось одно: «Дайте нам землю!» И Бхаве, как ему казалось, нашел выход из положения. Он обратился к помещикам: «Кто даст землю крестьянам?» Напуганные восстанием крупные землевладельцы решили: лучше отдать добровольно часть земли, чем лишиться всей. Господин Рамачандра Редди первый пожертвовал в пользу безземельных крестьян 100 акров. Имя Редди вошло в историю. Вслед за ним потянулись и другие помещики. Так возникло в Индии движение бхудан. Бху — это земля, дан — пожертвование.

В Телингане движение имело успех. Измотанные долгой и безнадежной борьбой, крестьяне надеялись при помощи бхудана, наконец, получить землю. Помещики же хотели отвести от себя карающую руку повстанцев. Этот успех дал основания Бхаве говорить о «бескровной аграрной революции» индийского образца. Вокруг Бхаве засиял ореол «второго Ганди». Правительство и Национальный конгресс объявили о поддержке бхудана. В стране стали создаваться комитеты по сбору земли.

В других же штатах Индии дело пошло гораздо хуже. Там было спокойно, и помещики не считали нужным облагодетельствовать

безземельных. Помещики везде остаются самими собой, даже в Индии. Правда, кое-что удалось собрать.

Но большую часть полученной земли распределить между крестьянами не удалось. Земля была непригодной для обработки, а иногда и спорной. Несмотря на пропагандистскую шумиху, поднятую вокруг бхудана, это движение по существу оказалось ограниченным благотворительным мероприятием. Даже в штате Андхра Прадеш за восемь лет смогли собрать только 180 тысяч акров земли, и только 92 тысячи из них были распределены. А что значат эти 92 тысячи для миллионов безземельных крестьян? Капля в море.

Чем очевиднее становилась неспособность движения бхудан решить основной вопрос — наделения крестьян землей, тем интенсивнее работала на него пропагандистская машина. Появились многочисленные книги и публикации о бхудане. Центральные газеты уделяли ему целые полосы. Радио сообщало об очередных «походах» Бхаве. Но статьи и речи — это не земля. Земли по-прежнему не было. Зато появились естественные в таких условиях настроения разочарования и пессимизма среди деятелей этого движения.

Хайдарабадский комитет бхудана помещается в здании Национального конгресса. В комнате комитета над простым деревянным столом висит портрет Ганди. За низкой перегородкой, где принимают посетителей, вообще ничего нет. Только на полу несколько циновок, покрытых кусками домотканой материи. Мы беседуем, сидя на этих циновках. Молодой конгрессист говорит:

— Весь вопрос в том, что землю мы собираем, а вот распределять часто нечего.

— Почему же?

— Видите ли, помещики теперь с большой неохотой дают землю. Они уже забыли Телингану. Теперь там спокойно. Если они и дают что-нибудь, то эта земля мало пригодна для обработки.

— А крестьяне, у которых есть земля, тоже отдают ее в фонд бхудана?

— Конечно. С такими крестьянами дело иметь легче, чем с помещиками.

— Но ведь крестьянские участки, наверно, из-за этого очень дробятся?

— Это верно. Мы стараемся тех, кто получает землю из фонда бхудана, объединить в кооперативные хозяйства. Мы пытаемся не делить эту землю.

— Ну и что-нибудь получается?

— К сожалению, эффект очень небольшой. Безземельный получивший участок, не хочет отдавать его в кооператив.

— А много таких, кто получил землю из вашего фонда?

— Нет, очень мало. Считается, что 463 деревни в штате пожертвовали земли в фонд бхудана и сообща ее обрабатывают. Практически же это не так. Поезжайте, посмотрите сами, что это такое. Нам очень трудно. Откровенно говоря, я разочаровался в бхудане. Я ожидал от него большего.

— Чего именно?

— Бхаве сказал, что через бхудан мы сможем ликвидировать безземелье лет за пять.

— Когда он это сказал?

— В 1951 году. Сейчас, как вы видите, уже 1959 год, а положение не изменилось. Поговорите еще с Прабхакаром-джи. Он — один из старых участников движения.

Прабхакара я застаю за низким столиком в одной из комнат комитета. Небольшого роста, с впалой грудью и узкими плечами, он напоминает мальчика-подростка. Прабхакар одет «под Ганди». На нем только традиционное дхоти и простые сандалии. Он настроен более оптимистично, нежели его молодой коллега: описывает деревни бхудана и говорит, что это «великое начало» и продолжение «великого учения Ганди-джи о ненасилии».

— Прабхакар-джи, — говорю я, — мне бы хотелось посмотреть эти деревни.

Прабхакар на мгновение задумывается.

— Хорошо. Может быть, я тоже с вами поеду.

После этого разговора я жду поездки. Но она почему-то все время откладывается. То сам Прабхакар занят, то человек, который может его заменить, не приехал. Каждый раз я выслушиваю путанные и туманные объяснения. Поездка «срывается» во второй, третий и, наконец, в четвертый раз. Ясно, что мне не хотят показывать деревни бхудана. Огорчилась ли я? Конечно, нет. Я твердо знала, что дела с бхуданом обстоят далеко не так блестяще, как это описал Прабхакар-джи. Я

перестала настаивать. Чтобы как-то смягчить этот завуалированный отказ, Прабхакар пообещал показать мне деревню Почампалли — родину бхудана. Правда, момент посещения был выбран не очень удачно. В апреле отмечалась восьмая годовщина зарождения бхудана, и в Почампалли должны были состояться торжества по этому поводу.

Деревня Почампалли находится в двадцати пяти милях от Хайдарабада, в дистрикте Налгонда. Здесь уже начинается горный район Гхат. Мы выехали апрельским утром.

Старый автомобиль вздрагивал и трясся на каждом повороте. Было жарко, очень жарко. Апрель — месяц жаркого сезона. Облупленный кузов машины быстро нагрелся, и, несмотря на открытые окна, дышать стало трудно. Крыша кузова, казалось, опустилась и давила нас своей раскаленной тяжестью. Распухшие руки шофера с трудом поворачивали баранку. Мои разговорчивые спутники — несколько конгрессистов — примолкли. Лица у всех осунулись и потемнели. Каждое слово давалось с трудом. Мне казалось, что мой язык распух и не может ворочаться. Стоявшее над нашими головами солнце немилосердно нагревало все, что попадалось на пути его лучей. Редкие пальмы совсем не давали тени. Дорога шла между гранитными нагромождениями. Над раскаленным гранитом дрожало душное марево. Ни ветерка, ни малейшего движения. Мир постепенно стал утрачивать свою реальность. Наконец машина свернула на проселочную дорогу.

— Почампалли, — сказал шофер.

В низине между горами замелькали дома. Деревенские улицы спускались к мелкому, но довольно обширному озеру. Поднимая клубы горячей пыли, мы выехали на деревенскую площадь. На площади и на углах узких улиц дежурили полицейские. Душный зной плыл над плоскими крышами домов, над головами толпящихся крестьян, над небольшой, наспех сооруженной сценой. Было пять часов вечера, но жара не спадала. Ждали гостей, и самого почетного из них — министра финансов Индии Морарджи Десаи. До начала торжества еще оставалось время, и я решила ознакомиться с деревней.

Деревня была довольно большая — 721 дом и около 3300 жителей. В течение нескольких лет Почампалли превратили в образцовую деревню бхудана. В пользу деревни была пожертвована тысяча акров земли, которую распределили между крестьянами. В результате среди

жителей, занимавшихся сельскохозяйственным трудом, не осталось безземельных. В деревне 329 семей, владеющих собственными участками, 61 семья — арендаторы с правами защищенной аренды. Остальные, а их более двух тысяч человек, — ремесленники. Большинство их, 244 семьи, земли не имеют и получают доход от ремесла. Обрабатываемая земельная площадь составляет 6420 акров. Основные культуры, выращиваемые жителями Почампалли, — рис, джовар и баджра. На земле, полученной сельскохозяйственными рабочими и деревенскими дхоби, создано два кооперативных общества по совместной обработке. Почампалли входит в блок общинного развития. С помощью блока крестьяне оросили свои земли и вырыли колодцы. Правление блока снабжает их семенами и удобрениями. И если говорить откровенно, то именно блоку принадлежит большая заслуга в тех изменениях, которые произошли в последнее время в деревне. Именно правление блока практически содействовало развитию деревенской промышленности. Достижения в этом отношении большие.

В деревне существует несколько ремесленных центров. Самый большой из них — кооперативное общество ткачей, насчитывающее 305 членов. Центр производит знаменитые почампалльские сари. Часть продукции идет даже на экспорт. Здесь же работают и красильные мастерские. Ткачи имеют собственное отделение по продаже готовой продукции. Месячный доход кооперативного общества составляет 36 тысяч рупий. Располагая достаточными ресурсами, правление кооператива решило построить новые дома для своих членов. Так, на окраине деревни возник новый, хорошо распланированный поселок. Каменные добротные дома совсем непохожи на прежние глинобитные хижины ткачей. У входа в поселок на невысокой арке надпись: «Жилищная колония кооперативного общества ткачей». В поселке более ста домов. Некоторые из них еще не достроены.

В Почампалли есть и центр по производству кхади. Кхади — дешевая тонкая ткань. Этот центр ежемесячно приносит около 6 тысяч рупий дохода. Кроме этого, существуют пошивочный пункт, центр по производству пальмового сахара, центр по выделке циновки и т. д.

В день годовщины бхудана в деревне была организована выставка местных изделий. Здесь было особенно много тканей. Сари радовали

глаз сочными красками. По соседству с тканями лежали цветные коврики, сделанные из пальмовых листьев, стояли затейливо плетенные корзины. На узких столах были разбросаны матово-коричневые головы пальмового сахара.

Лучше стали жить не только ремесленники, но и бывшие безземельные. Объединенное кооперативное общество сельскохозяйственных рабочих недавно получило ссуду в 10 тысяч рупий на постройку своей жилищной колонии. Мне показали место, где уже заложен фундамент первых домов.

В деревне теперь действует кредитное кооперативное общество. В его кассе — 5 тысяч рупий. Общество освобождает крестьян от традиционной ростовщической кабалы.

Недавно в Почампалли построили начальную школу. Но крестьяне уже поговаривают и о средней. В деревне учатся не только дети, но и взрослые. Пятьдесят крестьян занимаются в двух вечерних школах.

Почампалли — деревня образцово-показательная. Это, пожалуй, одно из немногих мест, где бхудан принес ожидаемые плоды. Эта деревня опровергает теорию об «общей нехватке» земли в Индии и о ее «перенаселенности». Крестьяне получили здесь землю. Значит, земля в стране есть.

В Почампалли создан деревенский паячят. Во главе его стоит небезызвестный Рамачандра Редди — первый пожертвовател. В этот день Редди чувствовал себя героем. Высокий, сухощавый, с жестким взглядом, он много суетился и покрикивал на крестьян. Всем своим видом он, казалось, говорил: «Смотрите, вашим благополучием вы обязаны только мне. Да, только мне, и больше никому». Редди знают и почитают не только в штате, но и по всей Индии. 100 акров окупил себя с лихвой.

...А между тем все больше и больше автомобилей пылит по деревенским улицам. Гости прибывают. Из машин выходят конгрессовские руководители, министры штата, деятели комитета бхудан. Мелькают гандистские шапочки, домотканые рубашки и дхоти. Крестьяне, заполняющие площадь, держатся на почтительном расстоянии от гостей. Среди прибывших — корреспонденты газет «Индиан экспресс», «Бомбей кроникл», «Вишалаандхра». Операторы кинохроники настраивают камеры. «Гости» не обращают внимания на «хозяев». Они ждут Десаи. Но союзный министр запаздывает. На

улице, ведущей на площадь, выстроились встречающие. Оркестр с шотландскими волынками, конгрессисты и члены правительства штата, Рамачандра Редди, полицейские офицеры. Крестьян сюда не пускают. Наконец появился черный лимузин с трехцветным флажком на радиаторе. Встречающие, толкая друг друга, бросились к машине, дико взвизгнули шотландские волынки, защелкали затворы фотоаппаратов, зажужжали кинокамеры. Министр прибыл. Толпа городских гостей облепила Десаи. Крестьяне шли сзади.

Министр и высокопоставленные гости прошли на сцену. Там уже расположился Редди со своим многочисленным семейством. Полиция усаживала крестьян при помощи длинных палок. Крестьяне метались, боясь попасть под удар, и многие из них не понимали, что происходит. Крестьяне были телугу, а люди на сцене говорили длинные речи на хинди. Переводчика не было. Толпа, сидящая на площади перед сценой, качалась и вздыхала. Смельчаков, порывавшихся уйти, успокаивали полицейские палки. Рядом со мной остановился старик. На его плечи было накинуто грубое одеяло.

— Отец, — спросила я его, — вы знаете урду?

— Совсем немного, мэм-саб.

— А в деревне кто-нибудь еще знает?

— Мало кто.

— Вы понимаете, о чем говорят на сцене?

— Очень плохо.

— А что сейчас происходит, знаете?

— Нет, а к чему это? К нам приезжают и говорят часто. А что толку?

— А вы из Почампалли?

— Нет, из соседней деревни. Нам велели сюда прийти. У меня больные ноги, но пришлось идти. Это все для Почампалли. Им повезло. А у нас что? Все то же. Я скоро умру, а земли, наверно, и не дождусь.

Собрание продолжалось больше часа, и Десаи вскоре покинул деревню. За министерским лимузином следовал грузовик с полицией. Вслед за Десаи стали разъезжаться гости. Их сверкающие «форды» обдавали клубами пыли бредущих по дороге крестьян. Начинался девятый год бхудана.

Ванукур — деревня Южной Андхры

...Раннее утро. Первые лучи солнца только что позолотили красные черепичные крыши домов Виджаявады, легли яркими бликами на купол храма богини Дурги, осветили, скалы из серого гранита, окружающие город, и отразились, в воде широкой и медленной Кришны. Подул прохладный утренний ветерок, который приносит облегчение после жаркого дня и душной ночи. Подметальщики поливают из ведер улицы, стараясь кое-как прибить городскую пыль. Похожий на старомодный дилижанс автобус, принадлежащий какой-то частной компании, забирает ранних пассажиров. Это в основном крестьяне, задержавшиеся по своим делам в городе, а теперь спешащие домой. Кондуктор в фуражке цвета хаки, видимо, неплохо знает своих пассажиров. Он возит их не один год. Как старый знакомый, он перебрасывается с ними короткими фразами, шутит. Тем временем на крыше автобуса на специальной площадке из железных прутьев укладывают мешки, корзины, ведра — нехитрую крестьянскую поклажу. Наконец автобус трогается и, пропылив по окраинным, еще безлюдным кривым улочкам, выезжает на дорогу, идущую параллельно широкому оросительному каналу. Вдоль дороги растут веерные пальмы, тянутся зеленеющие рисовые поля, мелькают придорожные харчевни. В автобусе напротив меня сидит немолодой крестьянин. Его голова тщательно обвязана алой чалмой. Большие натруженные руки лежат на худых коленях. Рядом с ним маленькая сухая женщина в лиловом сари, выцветшем и аккуратно зачиненном. Очевидно, его жена. Они пытаются завязать со мной разговор.

— Да, я еду в деревню. Почему? Мне бы хотелось посмотреть, как живут индийские крестьяне.

— Неужели это интересно? — искренне удивляется мой спутник. — А в какую деревню вы едете?

Выясняется, что он родом из той деревни, куда направляюсь я.

Автобус останавливается на берегу канала, в тени баньяновых деревьев. Несколько крестьян покидают машину. Деревня, куда мы направляемся, находится на противоположном берегу, и мы пересекаем канал на пароме... Паром медленно движется по

застывшей воде. Паромщик, молодой крепкий парень, втыкает в дно шест и, почти повисая на нем, отталкивает неповоротливый корпус парома.

От переправы к деревне ведет извилистая тропинка через пальмовые заросли. Вот из-за поворота появились первые дома. Деревня называется Ванукур. Она расположена в талукке Безвада дистрикта Кришна, на орошаемых землях. Вода большого канала, вдоль которого мы ехали, питает сотни рисовых полей. Рис — основная культура этих краев. Земля здесь плодородная и дает несколько урожаев в год. В Ванукуре живет пять тысяч человек, 700 семей. Здесь, как и в любой индийской деревне, царит имущественное неравенство. Всего в деревне 2 тысячи акров земли. Пять семей имеют наделы по 40 акров, десять — по 25 акров, двадцать пять — по 10 акров. Таким образом, 40 семьям принадлежит 700 акров земли. Прослойка среднего крестьянства невелика. Участками в четыре-пять акров располагает только 50 семей, а остальные имеют наделы по одному-два акра. Большая часть семей, насчитывающая 3 тысячи человек, совсем лишена земли. Последние относятся к хариджанам, сельскохозяйственным рабочим, принадлежащим к бывшим «неприкасаемым» кастам.

Если вы пройдетесь по деревне, то увидите глинобитные домики с плоскими крышами, узкие и кривые улочки, или, вернее, проходы, образовавшиеся между глиняными заборами. На самой широкой улице селения, считающейся главной, расположены харчевня и несколько маленьких темных лавчонок, торгующих разной мелочью. В них вы можете найти пан и пряности, благовонные палочки для молитвы и пуговицы, керосин и картинки с изображением индусских богов. Лавочники сидят у входа на циновках и лениво жуют бетель. Покупатели, очевидно, беспокоят их редко.

Среди глинобитных хижин высятся добротные каменные дома, принадлежащие семьям местных помещиков. В первом этаже зданий обычно находится контора помещика, на втором этаже — жилые комнаты хозяев. Здесь вы часто встретите хорошую европейскую мебель. Широкие и светлые окна таких жилищ надежно защищены толстой железной решеткой, а двор — высоким забором. Хозяева домов не испытывают особенно дружеских чувств к остальным деревенским жителям. Последние платят им тем же. В этом

проявляется вражда двух групп в деревне — эксплуататоров и эксплуатируемых.

После осмотра некоторых помещичьих домов, где нас принимали весьма сдержанно, мои спутники предложили пойти к богатому помещику. Мы подошли к одному из самых больших домов в деревне. На его пороге стоял хозяин, одетый в белоснежное дхоти. Располневший не по летам, он смотрел на нас недобрым и беспокойным взглядом из-под нависших бровей. На наше вежливое приветствие помещик что-то буркнул в ответ и, повернувшись к нам спиной, поставил ногу, обутую в новую сандалию, на ступеньку перед дверью. Уговоры не помогли. Короткое слово «нет» было единственным его ответом. Он хорошо знал моих спутников, людей, последовательно и смело отстаивавших интересы крестьян. Он знал также, из какой страны приехала я. Помещик, по-видимому, нас ждал и приготовился. Около его ног вертелся спущенный с цепи большой пес. «Не будем его беспокоить, — сказал один из членов панчаята деревни, сопровождавший нас, — он нас знает и ненавидит. Это, пожалуй, самый безжалостный в деревне ростовщик и помещик».

В районе центральной деревенской улицы расположились дома зажиточных крестьян. Их земельные наделы достигают десяти акров. Крытые красной черепицей жилые строения окружены чистыми дворами. Все в таком доме говорит о материальном достатке. В комнатах есть мебель, а в некоторых — даже стулья. Кухня обычно строится отдельно — неподалеку от жилых комнат.

К нам подошел пожилой мужчина с умным энергичным лицом. «Мне бы хотелось, — говорит он, — пригласить вас к себе. Если, конечно, вы располагаете временем». Это местный врач, имеющий частную практику в Ванукуре. Помимо этого, он еще и землевладелец, имеет десятиакровую плантацию пана, приносящую ему доход в 3 тысячи рупий в год. Дом его просторный, и служебные постройки во дворе расположены тут же на плантации. От дома к посадкам пана ведет аллея, обсаженная пальмовыми деревьями. По обочинам аллеи тянутся неглубокие оросительные канавки. Под высокими тонкими растениями пана лежит густая тень, и только верхние ветви пронизаны лучами солнца. На плантации работают поденщики. Они из среды безземельных крестьян этой же деревни.

Несколько рабочих стояло на высоких лестницах, приставленных к стволам растений. Ловким движением длинных пальцев поденщики срывали крупные сочные листья пана и складывали их в продолговатые корзины, висящие у них за спинами. Хозяин платит рабочему три рупии в день. Это самая высокая заработная плата для поденщиков в этом дистрикте. Работа по выращиванию пана и уходу за ним требует большого опыта и умения. Поэтому хозяин не скупится. Хорошо организованное капиталистическое хозяйство и постоянный спрос на листья пана на рынке дают возможность оплачивать труд рабочих более или менее сносно. В страдную пору поденщики работают на плантации с восхода до захода солнца. И все же эти люди не каждый день едят. Даже эта высокая заработная плата не дает возможности прокормить себя и свою семью. Работающие на плантации худы и измождены от непосильного труда. Грязные дхоти обернуты вокруг тонких, как палки, ног. На руках почти нет мускулов.

На окраине деревни находится колония бывших «неприкасаемых», безземельных поденщиков. Здесь около крестьянских жилищ нет удобных дворов и амбаров. Хижины стоят прямо на узких, затененных деревьями улицах. Тонкие стены хижин сделаны из обычной глины, а крыши покрыты пальмовыми листьями. В такой лачуге зачастую ютятся до двадцати человек пять-шесть взрослых и десять-пятнадцать детей. Жизнь людей на этом конце деревни складывалась по-разному. Но общими в их судьбе были нищета, годы нужды и недоедания. Одни потеряли свои наделы, завязнув в долгах, другие отдали надел помещику в качестве арендной платы. Третьи родились уже в семье безземельного. А вот сельскохозяйственный рабочий, или, вернее, безработный, Рави Венкаташвара Рао. Темная кожа его лица изборождена морщинами, ладони худых рук покрыты огрубевшими мозолями. На плечи наброшено одеяло.

— У меня всего два акра земли, — говорит он. — Конечно, это почти что ничто. Я не могу прокормить своих четырех детей на доход с этого участка.

— Ну, а заработать в качестве поденщика вы что-нибудь можете?

— Нет. В нашей округе на поденщиков спрос небольшой. И берут обычно сильных и молодых. Посмотрите на меня, — он протягивает нам свои руки, — в них уже нет прежней силы. Все ушло. И молодость, и сила.

Рядом стоят его дети. Они истощены, в их больших, не по-детски серьезных глазах затаилась печальная покорность.

— Да, мы голодаем. Иногда большую часть года. Бывают дни, когда в доме нет ни горстки риса, даже для детей. Мой отец, — продолжает Рао, — имел шесть акров земли. Этого было достаточно, чтобы прокормить нашу семью. Но после женитьбы я выделился. Мне, как одному из старших сыновей, по закону о наследстве отошло два с половиной акра. Пол-акра пришлось продать, чтобы заплатить за образование сына.

Таким образом, вся система помещичьей эксплуатации и вековых традиций, бытующих в индийской деревне, ведет медленно, но неуклонно к дроблению крестьянских наделов, к обезземеливанию крестьян.

На одной из узких улиц колонии к нам подошла немолодая женщина. В ее черных волосах уже пробивалась седина.

— Меня зовут Коттама. Зайдите, посмотрите, как мы живем, — сказала она.

Мы вошли в тесную хижину. Пять детей Коттамы сидели в темной комнате на полу, на полуистертой циновке. Старшей из них было девять лет.

— У нас совсем нет земли, — начала женщина. — Мне и мужу приходится работать на полях помещика или богатых крестьян. Но и такую работу не всегда удается получить. Всего мы работаем два-три месяца в году. Я получаю 10–12 ан в день, мой муж — 1,5–2 рупии. Этого, конечно, не хватает семье, и мы часто голодаем. Нам приходится нередко обращаться к ростовщику. У меня 400 рупий долга. Это большая сумма, и я не знаю, когда сумею расплатиться.

Ростовщическая эксплуатация — большое зло индийской деревни. До сих пор, особенно в тех деревнях, где нет кооперативных банков, ростовщик — единственный, кто может предоставить крестьянину кредит. В Ванукуре, где подавляющее большинство крестьян безземельные, ростовщики имеют богатое поле для жатвы. В деревне пять помещиков занимаются ростовщичеством. Кроме них, есть три человека, для которых доход от ростовщических операций является основным. Как правило, ростовщик взимает 12 процентов годовых, или одну рупию со ста в месяц. Обычно к помощи ростовщика прибегают все крестьяне, имеющие наделы менее пяти акров.

Практически это означает, что только несколько семей в деревне свободны от долговой кабалы, а остальные зависят от ростовщиков.

Мне удалось посетить дом деревенского ростовщика. Каменное двухэтажное строение скрывалось в тени густого сада. За высоким забором залаяло несколько собак. Минувя служебные постройки, мы вошли в дом. Первый этаж, оборудованный под контору, был завален мешками с зерном. Сам хозяин, с лоснящимся одутловатым лицом, земледелием не занимался. На его взгляд, это ненужное занятие. Зерно и так текло в его дом, вырванное в виде процентов изо рта голодных крестьян. Зерна было более чем достаточно, а способ добычи его не смущал ростовщика.

Восемь акров — необходимый размер земельного надела в Ванукуре для сносного существования семьи. Однако владельцев таких участков в деревне немного. Сункару Вейкату Субайе принадлежит такой надел. Земля приносит ему 1600 рупий ежегодно.

— Я бы мог иметь больше денег, — говорит Субайя.

— В чем же дело?

— Старая история. Моя земля расположена в четырех местах, и в каждом из этих кусочков по два акра. Ничего не поделаешь... Конечно, один надел в восемь акров доходнее четырех по два акра.

Как правило, большинство крестьянской земли в деревне разбито на мелкие полосы, которые разбросаны в самых разных местах. Некоторые полосы доходят до четверти, а то и шестой части акра. Естественно, что доходность участков значительно снижается из-за чересполосицы. Последняя препятствует также введению прогрессивных методов культивации. Зажиточный крестьянин Рави Венкатрама имеет двадцать акров земли. Надел приносит ему 5 тысяч рупий ежегодно. Добиваясь более высокого дохода, Венкатрама использовал искусственные удобрения, применял новые методы культивации. Однако решающий перелом не наступил.

— Все дело в машинах, — говорит он. — Я бы мог их арендовать. Но мой надел разбросан кусками по всему полю, и таких полос шесть. А машины не смогут работать на таких мелких участках.

Аграрные реформы, проводимые сейчас в штате, еще мало коснулись деревни Ванукур. Был издан закон о консолидации земельных владений, однако большинство крестьян в деревне о нем ничего не слыхало. Местные власти не спешат кончать с

разбросанностью крестьянских наделов. До сих пор в Южной Андхре не решен вопрос об ограничении помещичьих участков. Помещики же, прослышав о том, что такое ограничение было принято в некоторых районах штата, в частности в Телингане, приняли свои контрмеры. Так, одни из них разделили формально свои земли между родственниками и детьми. Тем самым они застраховали себя на будущее от конфискации всякого рода излишков. Другие поступили иначе. В последние годы, согласно новому аграрному законодательству, многие бесправные арендаторы получили права защищенной аренды. Эта категория арендаторов могла выкупить у помещика арендуемый участок. Тем не менее такой возможностью в деревне смогли воспользоваться только несколько семей зажиточных крестьян. Остальных арендаторов помещики явочным порядком согнали с арендуемой земли. Эта часть помещиков использует сейчас только труд наемных поденщиков.

Однако в деревне Ванукур большая часть крестьянских семей — безземельные. Многие из них не могут существовать без арендуемых участков. В результате такого рода обстоятельств в деревне появился новый тип арендных отношений. Помещик официально не сдает крестьянину землю в аренду. Но первый настолько «добр», что предоставляет своему бывшему арендатору участок земли во временное пользование. Это — «взаимопомощь», говорит помещик. Разумеется, письменный договор не заключается. Существует только устная договоренность. Размер ренты в таких случаях устанавливается не согласно аграрному законодательству Республики, а в соответствии с желанием помещика или на основе обычаев и традиций, издревле бытовавших в деревне. В Ванукуре такая рента, как правило, составляет две трети урожая. Столь крупная доля урожая отбиралась у арендатора помещиком и в колониальный период. Практически крестьянин с правами защищенной аренды оказывается опять-таки в положении бесправного арендатора. Закон пока еще бессилен против такого рода помещичьего произвола. Вот, например, безземельный Аявара Суббайя. Он арендует таким образом у помещика треть акра. Участок приносит ему ежегодно 500 рупий. Из них он должен выплачивать землевладельцу 400 рупий. Яростное сопротивление помещиков сужает, а иногда и сводит на нет действие аграрных реформ в деревне.

Правда, экономические позиции некоторых крестьян в Ванукуре в последнее время улучшились. Это относится в первую очередь к той незначительной прослойке деревенских богатеев, которые смогли прикупить землю. Некоторые из них к тому же являются обладателями так называемого «коммерческого» урожая. Пан и перец пользуются повышенным спросом на рынке. Рост цен на эти культуры принес крестьянам значительное увеличение в годовом доходе.

За годы существования независимой республики в деревне произошли кое-какие социальные изменения. Свободнее и независимее стали держаться крестьяне. Бывшие «неприкасаемые» постепенно завоевывают свое человеческое место в деревенской жизни. Многие крестьяне присоединились к организованной борьбе и отстаивают свои права, смело выступая против помещичьего произвола. Среди них есть и руководители — деревенские коммунисты. Их в Ванукуре двадцать человек.

...Ранним утром в деревню из Виджаявады приезжает посыльный. Он привозит свежие номера газеты «Вишалаандхра». Это орган коммунистической партии штата Андхра Прадеш. Из этой газеты крестьяне узнают последние международные новости, получают сведения о борьбе крестьян штата. Есть в деревне и грамотные крестьяне, особенно среди молодежи. Еще десять лет назад в школах учились только дети помещиков и брахманов. Плата за обучение была высокой, да и школ в округе действовало мало. Теперь с каждым годом появляются новые школы. Одни из них строятся за счет средств самих крестьян, другие — на деньги правительства штата.

В Ванукуре работает начальная школа. Это невысокое просторное здание. В нем занимается около ста детей. Дети бывших «неприкасаемых» тоже получили возможность со всеми вместе посещать школу. Правительство республики старается обеспечить сельские районы и средними школами. Недалеко от Ванукура действует три таких школы. Теперь крестьяне могут посылать своих детей даже в колледжи. Среди жителей деревни уже есть первые студенты. Они учатся в колледжах Виджаявады. Некоторые из их родителей принадлежат к деревенской бедноте. Крестьяне, стараясь дать своим детям образование и помочь им выбраться из беспросветной нужды, зачастую продают последние клочки земли, идут в кабалу к ростовщику, надрываются на поденной работе. В

колледжи посылают только мальчиков, девочкам уготована другая участь. Девочка — будущая мать, хозяйка в доме, а для этого дорогостоящее образование не так уж необходимо.

В дни мрачного колониального режима совсем была забыта такая форма местного деревенского самоуправления, как панчаяты. Теперь республика стремится возродить эту старую форму на новой, демократической основе. Три года назад в деревне создали бюро панчаята. В него вошли девять крестьян. Некоторые из них — коммунисты. За время своего существования панчаят сделал немало. В деревне построена новая дорога, вырыто три колодца, улучшена оросительная система, освещены улицы, даже проведено радио. Правительство штата оказывает панчаяту регулярную финансовую помощь. В фонд деревенского панчаята ежегодно из общей суммы земельного налога, собранного в дистрикте, отчисляется 10 тысяч рупий. Эти деньги полностью идут на общественные и культурные нужды деревни. Ванукурский панчаят пользуется большим уважением среди односельчан. Добрая слава о нем идет по всей округе.

— Наш панчаят, — сообщил нам бедняк Анвара Суббайя, — работает хорошо. Он построил дорогу, и теперь мы тратим совсем немного времени, когда ездим на рынок. А вообще вы ведь все видели сами. Неплохо, а? Раньше такое было бы не под силу нашей деревне, — заключает он.

Недалеко от талука, где находится деревня Ванукур идет сейчас большая стройка. На озере Нагарджунасагар создается крупная энерго-иригационная система. Она будет второй по величине после Бхакра-Нангальской. Стройка требует десятки тысяч рабочих рук. По дорогам, ведущим к Нагарджу-насагару, от зари до зари тянутся буйволиные упряжки, едут заполненные людьми грузовики, идут пешеходы. Все это крестьяне окрестных деревень. Безземелье, нужда, долги заставляют их покидать родные места. А здесь, на стройке, они имеют регулярный заработок, и постоянный голод уже не угрожает им. Крестьяне из Ванукура тоже работают на плотине озера Нагарджунасагар. Некоторые из них навсегда ушли из деревни. Они стали неплохими рабочими. А есть и такие, которые получили квалификацию.

Так новая жизнь страны захватывает индийскую деревню, меняет судьбы людей, раздвигает узкие традиционные границы деревенского

мирка.

Руины Голконды

Ранним утром я постучала в ворота Голконды. Ворота массивные, с шипами против боевых слонов. Скрипнула калитка, и из ворот вышел человек. На нем белая чалма, халат и туфли с загнутыми носами.

— Можно войти в Голконду?

— Голконда закрыта.

— Когда откроется?

— В восемь часов.

И двери королевства снова захлопнулись. Я уселась на каменный парапет под крепостными стенами и стала ждать. Прямо передо мной высилась древняя легендарная Голконда. Ее окружали массивные стены с бастionsами. В бойницы глядели жерла старинных пушек.

Зубчатые стены карабкались по уступам высокой горы. Они тремя поясами охватывали крепость. Между стенами поднимались плоские крыши дворцов и арсеналов, караван-сараяв и гаремов, минареты мечетей и купола мавзолеев. Голконда вырисовывалась в золотистой дымке утреннего воздуха, как сказочный остров в зеленом море полей.

Я с нетерпением ждала восьми часов, когда смогу попасть в этот сказочный заколдованный город. Но вот открылись ворота, и чары исчезли. Страж королевства, так похожий на волшебников из «Тысячи и одной ночи», превратился в обычного хранителя музея. А яркие лучи солнца обратили дворцы, сады и караван-сарай в руины. По заросшей травой дороге, идущей среди развалин, сновали быстрые сурки, на обвалившихся стенах дворцов с пустыми глазницами сводчатых окон щебетали веселые птицы. Зеленый выюнок пробивался сквозь треснувшие плиты каменных ступеней. Во внутренних стенах крепости зияли пробоины.

Величественная цитадель династии Кули Кутуб Шахов, поражавшая когда-то воображение европейских путешественников своим богатством и прекрасными дворцами, лежала под жарким солнцем разрушенная врагами и временем.

Голконда расположена в семи милях от Хайдарабада. Высокий массив крепости с зубчатыми стенами можно увидеть с западной городской окраины. Название «Голконда» произошло от слова на телугу «голла-конда», что значит «пастуший холм». Существует

поверье, что пастух указал Кули Кутуб Шаху это удачное место для постройки цитадели. Когда-то там стояла глинобитная крепость индусских раджей Варангала. В XIV веке Варангал был завоеван мусульманским императором Дели Мухаммедом Туглаком. Затем на его территории установилась власть династии Бахманидов. В конце XV — начале XVI века в результате феодальной междоусобицы бахманидская держава распалась на пять самостоятельных королевств: Берар, Ахмаднагар, Биджапур, Бидар и Голконду.

Основатель Голконды, персидский авантюрист Кули Кутуб Шах, долгое время был губернатором бахманидской Телинганы. Наивысшего расцвета Голконда достигла при Мухаммеде Кули Кутуб Шахе. По приказу Мухаммед-шаха в семи милях от цитадели на реке Муси был заложен город Хайдарабад. В 1645 году французский путешественник Тавернье посетил Голконду и рассказал о ее несметных богатствах и оживленной торговле почти со всеми странами Востока. Голконда занимала в то время значительную часть Декана.

Богатства королевства привлекли внимание алчного Великого Могола императора Аурангзеба. В 1656 году он сделал первую попытку вмешаться в дела слабеющего королевства. В течение нескольких десятков лет Аурангзеб предпринял ряд военных походов против Голконды и наконец в 1704 году осадил главную цитадель. Осада продолжалась семь месяцев. Семь долгих месяцев артиллерия Великого Могола громила крепость. Тяжелые ядра разбивали стены чудесных дворцов, ломали крыши караван-сараев, срезали верхушки деревьев в прекрасных садах, дробили мрамор фонтанов. И только королевский дворец, расположенный на самой вершине цитадели, уцелел. Пушечные ядра до него не долетали. Задавленная голодом и жаждой, измученная ужасом непрекращавшегося обстрела, потерявшая связь с внешним миром, Голконда открыла свои ворота. В них хлынули завоеватели. Но они не нашли ни одного целого здания, кроме королевского дворца. Последний король Голконды Абул Хассан был схвачен и отправлен в заточение в крепость Даулатабад. Войска Аурангзеба разграбили крепость, вывезли королевскую сокровищницу и покинули Голконду. Много дней спустя все еще дымились руины. Дым стлался над закопченными развалинами, и порывы горячего ветра гнали его в сторону Хайдарабада. Разбитые камни, дым и ветер — это

все, что осталось от легендарной Голконды, рассказы о богатствах которой в течение веков волновали хищное воображение европейских купцов. Но кое-что еще до сих пор напоминает о прежних временах.

Между первыми форпостами и основной крепостной стеной тянутся ряды каменных лавок. Это — «рынок бриллиантов». Когда-то здесь шла оживленная торговля драгоценными камнями, в основном бриллиантами. Их доставляли сюда в ювелирные лавки и мастерские со знаменитых алмазных россыпей королевства. По чистоте воды и по величине в мире не было камней, равных бриллиантам Голконды. Королевство является родиной всех знаменитых бриллиантов. Здесь в шахтах был найден бриллиант весом в 787 каратов. Перекочевав в сокровищницу Аурангзеба, камень получил имя «Великий Могол».

Интересна судьба другого бриллианта, известного под именем «Орлов». Этот камень был украден французским солдатом со статуи индусского бога. Капитан фрегата, везшего француза домой, узнал о бриллианте и ограбил солдата. Граф Орлов купил бриллиант у капитана за 90 тысяч фунтов стерлингов и подарил его Екатерине II. Камень весил $194\frac{3}{4}$ карата. Всемирно известный «Кох-и-нур» — «Гора света», тоже добытый в Голконде, попал в руки Надир-шаха персидского во время его набега на Индию в первой половине XVIII века. Из сокровищницы Надир-шаха камень перекочевал в руки сикхских правителей Пенджаба, а затем к директорам английской Ост-Индской компании. В 1850 году компания преподнесла его королеве Виктории. «Кох-и-нур» весил $116\frac{3}{4}$ карата. Некоторые предполагают, что «Кох-и-нур» к «Орлов» являются лишь частями «Великого Могола».

Бриллиант «Регент» был в свое время куплен у купцов Голконды мадрасским губернатором Питтом. Затем губернатор продал его герцогу Орлеанскому, регенту Франции. После Французской революции «Регент» из королевской сокровищницы попал в Лувр.

Хайдарабадский низам является владельцем крупнейшего бриллианта Голконды — «Низама». Его вес — 182,5 карата. Тавернье видел в сокровищнице короля Голконды камень, который назывался «Великим столом» и весил $2423\frac{1}{16}$ карата. Дальнейшая судьба этого редкого бриллианта неизвестна. Говорят, что в сокровищнице шаха Ирана есть камень, похожий на виденный Тавернье. Только называется

он «Дарья-и-нур» — «Река света». Можно перечислить еще много камней, добытых в Голкоде.

От «рынка бриллиантов» дорога идет к главным воротам цитадели — «воротам победы». Под их массивными гранитными сводами полумрак и прохлада. И вдруг в тишине отчетливо раздается хлопок в ладоши. Я оборачиваюсь и вижу рядом с собой юношу. Он внимательно прислушивается.

— Это вы хлопнули? — спрашиваю я.

Юноша улыбается.

— Нет, это мой товарищ. Он сейчас там, наверху, в королевском дворце. Вот слушайте, он должен хлопнуть еще три раза.

И действительно, три отчетливых хлопка следуют один за другим через равные промежутки времени. Я смотрю на королевский дворец. Отсюда он едва виднеется на вершине горы.

— Какое расстояние отсюда до дворца?

— Мили две, не меньше.

Юноша бьет в ладоши, и через несколько минут мы получаем ответный хлопок.

Можно только удивляться искусству индийских зодчих, которые достигли этого чудесного эффекта системой каменных переходов. Отражаясь от одной стены к другой, звук идет через весь город и не теряет своей первоначальной силы. Когда-то, давным-давно, у ворот дежурили многочисленные слуги и стража. А наверху, во дворце, сидел король и, его приближенные. Легкий хлопок королевских ладоней — и все приводилось в «боевую готовность». Слуги и стража знали — предстоит королевский выезд. Но путь, который проделывает звук хлопка в несколько минут, очень труден и утомителен для ног человека. Через груды развалин, мимо разбитых стен круто вверх идут каменные ступени лестницы. Холм, на котором стоит Голконда, сложен из огромных гранитных валунов. Эти валуны часто служат и фундаментом крепостных стен. У лестничных поворотов круто вниз обрываются стены пересохших водоемов. Над водоемами видны остатки глиняных труб. Когда-то здесь действовала система насосов. Вода из основного водохранилища, расположенного внизу, по трубам передавалась наверх, в постройки королевского дворца.

Дворец, господствующий над цитаделью, просторен и прост. Строители искусно использовали сквозняки. Поэтому здесь всегда

прохладно, а в одном из нижних помещений даже холодно. Можно сказать, что действует своеобразный древний «эйркондишн». Во дворце есть полузасыпанный подземный ход. Говорят, он ведет в Хайдарабад, но никто еще не отважился проверить это. В одном из павильонов здания в сводчатой нише находится место, где когда-то сидел сам король. Ко дворцу примыкает зал для собраний, или «барадари». На верхней террасе «барадари» стоит ступенчатый каменный трон. Отсюда открывается вид на всю цитадель и ее окрестности. Каменная лестница от «барадари» ведет к королевскому гарему. Раньше это был лабиринт прекрасных дворцов, арок, залов, балконов, купален, фонтанов и садов. Теперь — это только развалины. Около дворца на ровной каменной площадке высятся два минарета небольшой мечети Кутуб-шахов. Неподалеку от цитадели на высоком холме, как раз напротив королевского дворца, стоит еще один дворец. В нем жила любимая жена Мухаммеда Кули Кутуб Шаха — Бхагмати. Здесь, на открытой террасе, лунными ночами пели и танцевали придворные танцовщицы. Король наблюдал за ними из восточного павильона.

У северной стены цитадели внизу сверкают белокаменные купола мавзолеев — усыпальниц королей Голконды и членов их семей. Это своеобразное кладбище обнесено высокой оградой. Тень ветвистых деревьев падает на каменную резьбу мавзолеев. Между мавзолеями проложены чистые дорожки. Здесь очень тихо, и только птичий гомон нарушает покой величественных могил. Мавзолеи — ценные исторические памятники. Они находятся под охраной государства. Красные цветы пламенеют на тщательно сделанных клумбах. Внутри кладбищенской ограды высятся каменные сводчатые стены специальных ванн. В них обмывали и натирали благовониями тела царственных мертвецов перед погребением.

Теперь только мавзолеи да руины цитадели напоминают о прошлых временах могущественного королевства. Жизнь давно покинула эти места. Но она бурлит вокруг.

* * *

По дорогам мимо цитадели тянутся крестьянские повозки. На плацу у крепостных стен идет учение местного гарнизона индийской армии. На шоссе между Голкондой и Хайдарабадом снуют велорикши.

С вершины цитадели ясно виден город, раскинувшийся на многие мили, — новая столица нового штата независимой Республики Индии.

И ее жизнь так непохожа на то, что здесь было в прошлом. В прошлое отошло не только средневековье, но и времена колонии. Страна уверенно смотрит в будущее. Впереди немало трудностей и напряженной борьбы со старым, и отживающим. Но и сейчас уже ясно, что будущее Андхра Прадеш и его столицы принадлежит новой жизни, которая неодолимо овладевает освобожденной землей.

Город семи островов

Хайдарабад — Бомбей. Йога Кришна

Наш поезд отошел вечером от платформы центрального вокзала Хайдарабада — Нампалли. Крики продавцов прохладительных напитков, фруктов, вечерних газет постепенно замирали, заглушаемые ритмичным стуком колес. За окнами проплыли пригороды Хайдарабада: плоские крыши невысоких домов, тонущие в сиреневой дымке тропических сумерек, узорные минареты мечетей, полуразрушенные мавзолей, вертикальные гранитные плиты мусульманских кладбищ. Надрывно взвизгивал гудок старого паровоза. Потом замелькали пестрые клочки рисовых полей, и потянулся унылый и мрачноватый пейзаж Телинганы: голая, выжженная солнцем равнина с редкими зарослями веерных пальм. Эти пальмы безводного и жаркого края дают удивительные плоды. Их мякоть — прозрачная, студенистая и прохладная — хорошо утоляет жажду. На многие мили по плоскогорью Декана разбросаны огромные гранитные валуны. Группируясь в причудливых сочетаниях, они иногда напоминают средневековые замки Европы, а временами — каких-то огромных ископаемых животных. Далеко, у самого горизонта, можно разглядеть невысокие синеватые горы.

Вдоль полотна железной дороги двое дочерна сожженных тропическим солнцем мальчишек в ярких тюрбанах гнали домой стадо буйволов. Черная блестящая шкура буйволов вся перемазана липкой грязью. Широкие ребра резко выделяются на раздутых боках животных. Они медленно бредут по каменистой почве, привыкшие ко всему и ко всему безразличные, не поворачивая своих странно вытянутых голов в сторону шумного поезда.

Ночь быстро спускается над равниной, и теперь очень трудно что-либо увидеть на ней.

В вагоне вспыхивает яркий свет. Под потолком неумоимо работают фены, разгоняя густой жаркий воздух. Становится заметно прохладнее. Со мной в купе едут индийцы — муж и жена. Он — совершенно сед, с живыми черными глазами и по-молодому строен. Она — несколько грузная, сидит на диване, поджав под себя ноги. Темные очки прикрывают глаза. Мы знакомимся, и завязывается оживленная беседа.

— Вы откуда? — спрашивают меня.

— Из Советского Союза.

В глазах моих собеседников вспыхивают огоньки неподдельного интереса и дружелюбия.

— О, это страна великого эксперимента. Мы бы многому могли поучиться у вас.

— А вы видели, как запускали спутник? — быстро осведомляется женщина.

— Нет. Я только наблюдала его в московском небе...

— Мы тоже наблюдали. И это было страшно интересно.

— А что вы думаете о нашей Индии?

Что я думаю...

— Мне кажется, что вы тоже когда-нибудь запустите свой спутник.

— Обязательно, — оживляются мои собеседники, — только, очевидно, это будет очень нескоро. Нам еще надо так много сделать... хотя мы уже достигли немало. Мы завоевали независимость.

Седой человек — господин Кришна. Он — один из старых членов Национального конгресса.

— Я присоединился к движению Ганди-джи еще в 1919 году. Тогда я был совсем молодым, студентом. Мы все верили, что выбросим этих... из нашей страны. А в 1931 году я сидел за это в английской тюрьме. Вы знаете, это было не очень приятно. Крыши тюремных камер раскалялись от солнца, а нам не давали пить. Да, за спинами у нас нелегкий путь...

Брови господина Кришны вдруг хмурятся и сердито сходятся у переносицы.

— А теперь, — продолжает он, — некоторые об этом забыли. Есть руководители Конгресса, которые больше заботятся о своем кармане, чем о благе народа.

За окнами освещенного купе плотная темнота тропической ночи. Старый вагон дребезжит и вздрагивает на стыках бесконечных рельсов. Наш путь лежит на запад страны, к побережью Индийского океана.

— Я читал Ленина, — говорит Кришна, — во многом я с ним согласен. Действительно, он — гигантская фигура, подлинный творец нового мира.

— А что вы скажете об индийских коммунистах?

— О, они вызывают во мне чувство симпатии. Думаю, что это единственная партия, которая знает точно, чего она хочет. Конечно, я расхожусь с ними в некоторых вопросах, но они мне нравятся своей определенностью и настоящей преданностью делу. Да, я, собственно, считаю себя марксистом и материалистом.

А между прочим, господин Кришна — помещик. Его имение, насчитывающее 500 акров земли, расположено под Хайдарабадом. Вдруг я замечаю в руках Кришны и его жены четки. Длинные нити, унизанные небольшими шариками сандалового дерева. Кришна перехватывает мой взгляд.

— Четки, — смущенно улыбаясь, произносит он, — нужны, чтобы сосредоточиться. Они необходимы для каждого йоги.

— А вы занимаетесь йогой?

— Да, и очень серьезно. Вот и сейчас мы едем в Пуну к нашему учителю. Это великий йога.

«Неплохое сочетание, — думаю я, — марксист и йога».

И вот человек, понимающий Ленина и восхищающийся спутниками, начинает с жаром рассказывать о высшей силе людей, общающихся с богом, о чудесах, которые способны совершить «святые» и йоги. Он вынимает из чемодана стопку книг в пестрых обложках. Все они написаны большими знатоками йоги. Владелец книг поднимает на меня глаза и неожиданно спрашивает:

— Вы, должно быть, считаете меня сумасшедшим?

— Нет, — вежливо говорю я.

Но, очевидно, в моем ответе не чувствовалось уверенности и господин Кришна начинает водворять книги в чемодан.

А я снова, в который раз думаю об этой прекрасной и богатой стране, жизнь которой полна противоречий и где иногда так удивительно переплетаются темнота средневековья и религиозный фанатизм со светом творческого человеческого разума и новыми материалистическими идеями, люди которой, поклоняясь многорукому Шиве, подчас искренне верят в социализм.

Господин Кришна опять говорит. Но теперь уже об английской литературе. Байрон, Шелли... Он любит Шелли, он хорошо знает его стихи. И лирическая, мягкая музыка строф Шелли наполняет тесное купе вагона, утонувшего, в черном бездонье индийской ночи.

...Наутро Пуна. Носильщики в ярко-красных тюрбанах и в униформе цвета хаки почти на ходу вскакивают в наш вагон. Худые жилистые руки подхватывают багаж моих спутников. Мы прощаемся.

Пуна — крупный железнодорожный узел, один из промышленных центров штата Бомбей... Стены вокзала пестрят надписями на хинди и на маратхском языках. Поезд стоит недолго, и снова наш путь лежит на запад, в глубь Махараштры.

Дорога до предгорий Западных Гхат чем-то напоминает Телингану. Та же выжженная равнина со скудной растительностью и безлесными холмами на горизонте. Когда высокие холмы подходят близко к железнодорожному полотну, на некоторых из них можно видеть силуэты разрушенных крепостных стен и башен. Это печальные следы жестокой усобицы, разгоревшейся между маратхскими феодалами и могольским императором в XVII веке. Степные грифы плавно парят над развалинами, сидят на телеграфных столбах, настороженно косясь в сторону проходящего поезда.

По мере приближения к горам пейзаж становится веселее. На смену унылому однообразию равнины приходят зеленые заросли кокосовых и веерных пальм. Они разбросаны небольшими рощицами по берегам ручейков и речушек с удивительно прозрачной водой. Неподалеку от пальмовых зарослей мелькают яркие тюрбаны мужчин и сари женщин. Это — крестьяне, работающие на полях. Свой трудовой день они начали на рассвете. Сейчас солнце уже высоко стоит в застывшей голубизне бездонного неба, и его лучи безжалостно жгут согнутые бронзовые, блестящие от пота спины людей.

Наконец замелькали горы, щедро покрытые кустарником и густыми деревьями. Это — Западные Гхаты. Их цепь тянется на многие мили вдоль побережья Индостанского полуострова. Извилистая линия железной дороги идет по отрогам и хребтам, то поднимаясь, то резко падая на спусках. Паровоз с трудом берет подъемы, устало пыхтит, и горное эхо гулко разносит сбивчивый стук колес и надрывно хриловатый свист паровоза. Горы и горы без конца... Временами поезд вырывается из густых зарослей и осторожно пробирается по самому краю глубокой пропасти. И тогда из окна вагона четко видна несколькосотметровая отвесная гранитная стена, уходящая куда-то вглубь, в зеленое море причудливо переплетенных крон неизвестных мне деревьев. Гранитные стены иногда стискивают с

двух сторон железнодорожное полотно. Это путь, прорубленный в твердом камне гор. Очевидно, было нелегко высечь гранитное ложе для стальных рельсов. В те времена, когда это делалось, люди не знали ничего о машинах, применяющихся на дорожном строительстве. Рубили вручную, страдая от жажды среди раскаленных камней. Труд изнурительный и бесчеловечный, стоивший жизни многим безвестным индийским кули.

Часто поезд ныряет в гранитные тоннели. Их, на мой взгляд, не менее двадцати. И вот горы позади... Поезд идет по прибрежной полосе, хотя океан еще далеко. Мелькают названия крупных станций: Амбернахт, Тхана. Поезд останавливается на одной из станций перед Бомбеем. «Курла» — читаю я. Это уже промышленный пригород Бомбея. Лес заводских и фабричных труб окружает полотно со всех сторон. Тянутся обшарпанные дома рабочих кварталов и многоэтажные корпуса знаменитых бомбейских текстильных фабрик. Стены домов вдоль железной дороги испещрены рекламой. «Лучший бензин только в Барман Шелл», «Пейте кока-кола», «Курите сигареты „Кэпстейн“».

На ярких кинорекламах смеются, сердятся, страдают, целуются, ездят в автомобилях, пьют виски знаменитые кино-звезды: Ава Гарднер, Радж Капур, Тэйлор, Нутан, Антони Перкинс, Наргис, Ашок Кумар, Юл Брайен.

За окнами вагона пробегают городские улицы, и наконец поезд тормозит у одной из платформ вокзала Виктория.

Бомбей... Многоголосый шум врывается в купе. Толпы, бронзовых носильщиков осаждают вагоны прибывшего поезда. Гиды мечутся по платформе, наметанным глазом определяя среди толпы пассажиров иностранных туристов, новичков, людей, приехавших поразвлечься. Они неотступно следуют за намеченной «жертвой», засыпая сотнями вопросов и давая тысячи рекомендаций.

— Сахиб, вы не пожалеете, если остановитесь в отеле «Тадж Махал».

— Только я знаю, где расположены лучшие рестораны Бомбея.

— Если вы захотите искупаться в океане, послушайте моего совета...

— Вы первый раз в Бомбее, идемте, я покажу вам его достопримечательности.

— Если вы наймете меня, через три дня вы будете знать Бомбей, как свой родной город.

— Послушайте меня, миссис, я могу отвезти вас в недорогой и очень комфортабельный отель.

И так без конца... Множество предложений, бесконечные советы. Я с трудом отделяюсь от осаждающих меня гидов представителей отелей, агентов по продаже кашмирских кустарных изделий.

На привокзальной площади шоферы такси перехватывают друг у друга пассажиров. Мой чемодан оказывается в одном такси, я — почему-то в другом. Я, естественно, протестую. Разгорается странный, на мой взгляд, спор. Один шофер считает, что мэм-саб должна сесть в машину, где лежит ее чемодан, другой — иного мнения.

— Мэм-саб, — говорит он запальчиво, — не тронется с места, а ты отдашь ей чемодан.

Ждать чужого решения — привычка не очень хорошая, особенно в незнакомой стране. Я вмешиваюсь и наконец получаю возможность ехать.

Несмотря на зимний сезон, в городе жарко и влажно. Люди одеты по-летнему: мужчины без пиджаков, на многих женщинах легкие европейские платья. Сари попадаются редко...

«Си грин отель». Жемчужное ожерелье Бомбея

Отель, где я живу, называется «Си грин отель», или, если сделать вольный перевод, «Зеленый отель на взморье». Это пятиэтажное здание светло-зеленого цвета. Оно стоит на набережной Бомбея, носящей звучное имя «Марина драйв». Отель сравнительно недорогой. Я плачу 17 рупий в день, приблизительно половину месячной заработной платы неквалифицированного бомбейского рабочего. А есть гостиницы, где плата за день превышает многомесячное жалованье индийского кули. Служащие отеля одеты в белую униформу, белые тюрбаны оторочены голубой каймой. Целый день «бои» носят с этажа на этаж, бегают за сигаретами, разносят выстиранное белье, чистят ботинки, получают пинки от привередливых клиентов. Босые натруженные ноги неслышно ступают

по мягким коврам. А в конце дня «бой» снимают красивую одежду и забываются тяжелым сном на лестничных площадках отеля или просто на тротуаре перед зданием. Им нечем платить за дорогостоящее жилье в городе, и поэтому у большинства из них нет постоянного пристанища.

Утром в дверь моего номера робко стучат. Это — «бой». Немолодой человек, с горькими морщинами у рта, покорно склоненная голова.

— Мэм что-нибудь нужно?

— Нет.

Но на самом деле мне нужно, нужно узнать, кто этот человек, как он живет. Я стараюсь с ним разговаривать. Очевидно, он к этому не привык и односложно отвечает: да, мэм, — нет, мэм.

— Откуда вы? — наконец спрашивает он несмело.

— Из Советского Союза.

— О! Я много слышал об этой стране. Говорят, у вас совсем нет безработицы?

— Да, ее действительно нет.

— Но как же вам это удалось?

— В двух словах это трудно объяснить.

Человек уже не жмет к двери, ему не хочется уходить.

— Расскажите, я пойму, — торопливо говорит он. — У меня ведь высшее философское образование. Десять лет назад я окончил университет.

Но что же случилось? Почему он, образованный человек, только слуга, «мальчик» на побегушках? Его история очень проста и печальна. Нет работы. Он много лет искал ее. Но в его знаниях не нуждались. Таких, как он, много, а работы мало.

— Понимаете, у меня семья, четверо ребят. Что мне оставалось делать? И я рад, что нашел хоть это. Если меня сегодня уволят, я не знаю, что будет с нами завтра... Но я очень стараюсь.

Да, он старается.

— Эй, бой, — кричит ему американец-турист. — Скорее почисть ботинки.

— Эй, бой, — зовет толстый индеец, один из совладельцев крупной текстильной фабрики в Шолапуре, — сбегай за сигаретами.

«Эй, бой» — эти слова звучат целый день. У него нет имени, он только «бой». И никто не знает, что этот безымянный и безгласный «бой» умнее и образованнее богатых клиентов, которым он должен чистить ботинки и бегать за сигаретами. Но так устроена здесь жизнь, и в ней на долю многих выпали беспросветная нужда и поруганное человеческое достоинство.

Марина-драйв — это комфортабельные европейские отели, красивые особняки, дорогие рестораны. Ее сверкающие белизной здания тянутся вдоль набережной, дугой застывшей над океаном. Широкая полоса асфальта отделена от воды каменным парапетом. По асфальту в четких тенях кокосовых пальм мягко скользят элегантные «доджи» и «форды». Вечером Марина-драйв освещена молочно-розоватым светом фонарей. Фонари длинной цепочкой тянутся вдоль побережья, напоминая гигантское жемчужное ожерелье. Поэтому набережную и зовут «жемчужным ожерельем Бомбея».

Когда солнце уходит за океан, набережную заполняет шумная, нарядно одетая толпа. Степенно прогуливаются дородные бизнесмены в хорошо сшитых европейских костюмах. Дорогие украшения сверкают в ушах и на руках их жен. Целыми группами проходят студенты, среди них много девушек. Этого нельзя увидеть ни в Дели, ни в Хайдарабаде. Люди среднего достатка позволяют себе прокатиться по набережной в экипажах, запряженных парой низкорослых лошадей. В экипажах много женщин и детей, гуляют целыми семьями. В толпе можно увидеть расшитые шапочки гуджаратцев, низко повязанные тюрбаны маратхов. Мелькают ярких цветов женские сари. Люди отдыхают на скамейках, сидят на каменном парапете. Вечер приносит прохладу с океана, и после жаркого дня, если у тебя нет забот, приятно провести здесь время. Над толпой гуляющих сверкает, переливаясь всеми цветами, реклама: «Покупайте автомобили „Форд“», «Лучшие конфеты фирмы Джемс Лорд», «В путешествиях пользуйтесь услугами Британской трансатлантической компании».

У подъездов ресторанов и отелей терпеливо ждут своих хозяев дорогие автомобили. Из окон вырываются на набережную звуки джаз-оркестров. Музыка не только в ресторанах, но и на улице. Сначала она слышится в отдалении, затем все ближе и ближе. Это — свадебная процессия. Да, если жених богат, он может, не стыдясь, ехать к невесте

через Марина-драйв. Процессия многочисленная и красочная. Впереди идут слуги и несут яркие фонари на высоких ножках. За ними целый эскорт музыкантов в красных ливреях, расшитых золотом. На высоких нотах они выводят какую-то очень знакомую мелодию. Да это же известная польская песенка «Шла девица через речку». Какими судьбами она забрела на набережную далекого тропического города? Вслед за музыкантами важно выступают празднично одетые мужчины — родственники жениха. Сам виновник торжества, облаченный в парчовое ширвани и шитый золотом тюрбан, едет на разукрашенной лошади. Лицо жениха скрыто за гирляндами цветов. И если все старые свадебные традиции строго выдержаны, невеста увидит сегодня это лицо в первый раз. Процессию провожают сотни любопытных глаз.

Но вот снова раздаются звуки барабана, и свирель выводит заунывную мелодию. Это уже не свадебная процессия, а бродячие уличные музыканты. Они плетутся от отеля к отелю, от ресторана к ресторану в надежде заработать хотя бы рупию за вечер. Но подают мало, и в их корзиночке лежат только медные монетки. Вот у одного из отелей останавливается маленькая живописная группа. Плохо одетый с усталым лицом мужчина играет на гитаре, а двое детишек семи-восьми лет ломкими неверными голосами поют португальские песни. Эти люди из Гоа, тогда еще португальской колонии. Потом поет сам мужчина. Голос сильный и приятный. Европейским туристам, посетителям дорогого отеля, он нравится, и с балконов летят серебряные аны. Дети ползают по пыльному тротуару, стараясь отыскать брошенные монетки.

Тут же на тротуарах разместились уличные продавцы. Около них чадят факелы и керосиновые лампы. Они торгуют жареным арахисом, сладостями, морскими раковинами, жасмином, раскрашенными фигурками, искусно сделанными из мелких ракушек, сигаретами и спичками.

С наступлением ночи праздная нарядная толпа исчезает, и на смену ей на аристократическую набережную приходят другие. Это бездомные. Их в Бомбее много. Большинство из них — безработные. Знаменитые текстильные фабрики города не в состоянии дать работу всем желающим. И все-таки у каждого из них теплится надежда. Она же заставляет их оставаться в городе и спать на пыльных его тротуарах. Здесь, под жемчужным светом фонарей, находят короткий

отдых измученные тяжелым трудом портовые кули и семьи обездоленных, бесприютных людей. Они спят на грязных рваных подстилках, положив под голову весь свой скудный скарб. Запоздавшие гуляки бесцеремонно цепляют их заплетающимися ногами. Голодные дети бесшумно снуют по набережной, стараясь выклянчить лишнюю пайсу у редких прохожих.

...Гаснут окна особняков и отелей. Затихают голоса шумного города. Ночь вступает в свои права. Тревожно спят бездомные, выброшенные безжалостной стихией капиталистического Бомбея, на панели его «жемчужного ожерелья».

Город семи островов

Бомбей — крупнейший промышленный центр и порт Западной Индии. Сейчас город занимает территорию в 111 квадратных миль и имеет около трех миллионов населения. Большая часть жителей — маратхи, есть также значительный процент гуджаратцев и небольшая часть людей, говорящих на хинди. Бомбей — столица одноименного штата, включающего национальные районы Махараштры и Гуджарата^[14]. Город раскинулся на семи островах — Колаба, Форт, Бикалла, Парель, Матунга, Махим и Ворли. Разделявшее их водное пространство было постепенно осушено, и теперь это сплошной массив, неразрывно соединенный с материком. История, города связана прочными узами с судьбами всей Индии.

Еще во времена легендарного царя Ашоки на побережье жил народ, потомки которого оставили после себя подземные храмы Элефанты. Позднее эта часть побережья много раз оказывалась под властью сменявших друг друга королей, раджей, феодалов. Как город Бомбей стал формироваться в конце XIII века. А когда в Индию хлынули первые орды европейских хищников, Бомбей стал добычей португальцев (середина XVI века). От этих времен сохранился старый полуразрушенный форт Бассейн да несколько католических церквей.

Более предприимчивые и удачливые завоеватели — англичане хорошо понимали всю стратегическую важность и выгодное торговое местоположение города. Они сделали несколько попыток захватить Бомбей с моря, но укрепиться там им не удалось.

В 1661 году состоялся династический брак английского короля Карла II и Екатерины Португальской. В качестве свадебного подарка Карл получил от тестя... Бомбей. Но лишь пять лет спустя англичане стали действительными владельцами города. В 1668 году Карл отдал Бомбей в управление английской Ост-Индской компании, объявив ее «действительным и абсолютным хозяином». Однако жизнь этих «хозяев» в Бомбее не была спокойной. Их постоянно тревожили своими набегами свободолюбивые маратхи. «Туземные пираты» — так называли этих борцов британские завоеватели. Небольшие маневренные маратхские суда совершали смелые вылазки против английского флота, стоявшего на бомбейском рейде. С «пиратами» расправлялась морская артиллерия. И только в начале XIX века англичане обрели в Бомбее относительный покой. Но это продолжалось недолго. Пламя народного восстания 1857 года охватило многие районы порабощенной Индии. Запылал и Бомбей. Два года англичане топили восстание в крови. На одной из центральных улиц города, там, где теперь стоит мраморная статуя королевы Виктории, английские солдаты расстреливали повстанцев. Их привязывали к орудийным жерлам...

В 1858 году, после подавления восстания, Бомбей окончательно перешел под власть английской короны. С этого времени началась история современного Бомбея, каким мы знаем его: города, являющегося национальной гордостью индийского народа, города славных традиций освободительной борьбы, города строящей новую жизнь независимой республики.

Бомбей... Откуда это имя? Одни считают, что слово «Бомбей» произошло от имени маленькой рыбацкой деревушки Мумбаи. Эта деревня когда-то положила начало городу. Другие предполагают, что оно произошло от имени богини города — Маха Амба. В старых португальских источниках Бомбей известен как «Бомбаим», что означает по-португальски «хороший залив». Трудно судить, какая из этих версий наиболее верная. Возможно, органическое соединение всех этих названий и породило имя города.

Бомбей — старейший центр текстильной промышленности. В 50-е годы XIX столетия здесь была построена первая фабрика. Когда вспыхнула гражданская война в Америке, значительно вырос спрос на мировом рынке на индийский хлопок. Предприниматели Бомбея,

воспользовавшись благоприятной конъюнктурой, стали строить все новые и новые текстильные фабрики. Они находились в руках национального капитала. Одна из первых железных дорог Индии соединила город с глубинными районами страны. Постройка Суэцкого канала неизмеримо повысила его роль как торгового порта мирового значения. Через бомбейскую гавань английские колонизаторы выкачивали из Индии дешевое сырье и наводняли страну готовыми изделиями.

Колыбель национальной промышленности, Бомбей вскоре становится важнейшим центром освободительного движения.

В районе водоема Говалиа, около строений благотворительного общества Сетха Гокулдаса Теджпала, есть внешне ничем не примечательное здание. В нем в 1885 году впервые заседали организаторы крупнейшей партии страны — Индийский национальный конгресс. А неподалеку от этого места проходит приморская улица Чоупатти. Здесь происходили политические митинги борцов за независимость. Эта улица была свидетельницей боевых пролетарских демонстраций в период политической забастовки рабочего класса Бомбея в защиту выдающегося борца за свободу страны Б.Г.Тилака. На Чоупатти сейчас стоит его памятник. Спокойные руки лежат на трости, голова чуть приподнята, взгляд устремлен вдаль. Множество мест в городе связано с событиями 1908 года. Старые жители Пареля еще помнят баррикады на улицах. Небольшой приморский парк Шиваджи был местом ожесточенных схваток рабочих с английскими войсками.

Недалеко от центральной улицы, бывшей Хорнби-роуд, а теперь Дадабхай Наороджи-роуд, расположена большая площадь. По ее краям растут кокосовые пальмы. Чахлая трава выжжена солнцем и вытоптана ногами маленьких горожан. Это излюбленное место бомбейских мальчишек. Они гоняют здесь футбольный мяч, бегают наперегонки, играют в чехарду. А площадь носит звучное имя Свободы.

Вдоль побережья тянутся желтые казармы Бомбейского форта. Они до сих пор сохранили старое название: казармы Королевского индийского флота. У входа на территорию казарм стоят часовые — индийские военные моряки. Они в белой форме, короткие штаны едва доходят до колен крепких бронзовых ног. На головах часовых белые тюрбаны. В 1946 году казармы были центром обороны восставших

против колониального гнета военных моряков. Восстание это сыграло решающую роль в борьбе за независимость страны.

А через одиннадцать месяцев, в январе 1947 года, в одном из зданий города Всеиндийский комитет Национального конгресса принял предложения английского правительства. Согласно этим предложениям, страна была разделена на два самостоятельных государства — Индию и Пакистан. Английские войска были выведены из бывшей колонии. Говасджи Джехангир Холл, где была провозглашена историческая резолюция, стоит на перекрестке двух улиц — Махатма Ганди-роуд и Майо-роуд. Ганди — национальный вождь, а Майо — английский вице-король, но в названиях улиц их имена уживаются рядом. Уже давно отошли времена английского режима, но названия улиц часто напоминают о колониальном прошлом: Кингсвей, улица Леди Хардинг, Риппон-стрит, улица Виктории... Однако в последнее время появились и другие. В них зазвучали имена национальных лидеров: Гокхале-роуд, Дадабхай Наороджи-роуд, Фирозшах Мехта-роуд, Нетаджи Субхас-роуд. В городе воздвигнуты памятники в честь многих из них. На центральных улицах стоят лидеры национального движения Гокхале, Ранаде, Дадабхай Наороджи, Баннерджи, Бенгали. Но до сих пор монументы английских королей и вице-королей бесстрастно глядят на город с высоты своих постаментов: королева Виктория, Монтегю, Хардинг, принц Уэльский...

Придет время, и последние следы мрачного прошлого исчезнут.

Деловой центр

Центральная часть города, где сосредоточена деловая жизнь, называется фортм. Широкие магистрали застроены многоэтажными европейскими домами. По нагретому солнцем асфальту течет поток автомобилей, автобусов, грохочут по рельсам двухэтажные трамваи. И, кажется, только кокосовые пальмы напоминают о том, что город находится в Индии. На перекрестках стоят регулировщики-полицейские. Черные зонтики защищают их от солнца. Рукоятки зонтиков заткнуты за ремень с большой медной бляхой. Улицы надо переходить в положенных местах. Если этого не делают, полицейский

подзывает нарушителя и читает ему внушение. Звукосочетание «кс-кс» или «кш-кш» заменяет бомбейскому полицейскому свисток.

Район форта пересекает улица Аполло-стрит. Здесь и на прилегающих улицах расположены крупные банки: Государственный банк, Аллахабадский банк, Пенджабский национальный банк, Резервный банк Индии. В этом районе вы найдете биржу и редакции влиятельных газет и журналов: «Бомбей кроникл», «Фри пресс джорнал», «Блитц», «Коммерс». Чуть повыше, на Дадабхай Наороджи-роуд, против вокзала Виктории, высится четырехэтажное здание редакции и издательства одной из старейших газет страны — «Таймс оф Индия».

Конторы промышленных компаний и фирм занимают целые этажи тянувшихся вдоль улиц зданий. Здесь, среди представительств английских, американских, западногерманских фирм, вы легко обнаружите и индийские компании. Одно из внушительных зданий принадлежит деловым учреждениям крупнейшего в стране монополиста Тата.

На Дадабхай Наороджи-роуд расположились фешенебельные европейские магазины, рестораны, кинотеатры, где демонстрируются американские и английские фильмы. Их помещения приятно освежаются кондиционирующими установками, но посетителей немного. Здесь нужны деньги.

Жизнь в Бомбее начинается рано. В шесть часов утра появляются подметальщики. Они метут тротуары и поливают не успевший остыть за ночь асфальт. Спешат на рынок слуги, идут разносчики фруктов. Чистильщики обуви располагаются на тротуарах со своим нехитрым инвентарем — небольшими ящиками и щетками. Это знаменитые бомбейские мальчишки. Они не ходят в школу, у них нет мягкой постели и сытного обеда. С раннего утра до поздней ночи они сидят на корточках перед своими ящиками и стуком щеток зазывают прохожих. Чистильщики — дети улицы, и улица кормит их, правда, не очень щедро. Если им перепадет в день несколько ан, это уже неплохо. На них можно купить обеды в кухне какого-нибудь ресторана. А иногда целый день ничего не приносит, тогда приходится затягивать туже пояс. Около дорогого кинотеатра «Эрос» расположилось десять-пятнадцать мальчишек-чистильщиков.

— Сахиб, сэр, — кричат они проходящим, — у вас запылились ботинки, давайте почистим.

Но люди спешат, им некогда.

— «Бомбей кроникл!», «Таймс оф Индия!», свежие новости! — кричат мальчишки-газетчики. Они тоже ранние гости на улицах. Бегать с тяжелой пачкой газет по утрам — занятие нетрудное. Но когда солнце стоит высоко в небе и очень хочется пить, — совсем другое дело. Голос почему-то перестает слушаться, бодрые нотки исчезают. Не так легко и быстро распродать газеты. Ну, а если это удастся, надо идти к хозяину за свежей пачкой. И так без конца, весь долгий жаркий день...

В десять часов открываются конторы, банки, крупные магазины, правительственные учреждения. Поток пешеходов и велосипедистов заполняет улицы. Длинные очереди выстраиваются у автобусных остановок. Ползут переполненные трамваи. Такси нарасхват. К свободной машине бросаются сразу несколько человек. Да, в это время можно подзаработать. Босоногие и предприимчивые бомбейские мальчишки знают это хорошо. Наметанным и опытным глазом они выбирают «клиентов».

— Сэр, вам такси? Подождите минутку, сейчас будет. Пренебрегая всеми правилами уличного движения, рискуя каждую секунду оказаться под колесами, ребята бросаются наперерез свободным машинам и почти на полном ходу вскакивают на подножки. Такси подруливает к ожидающему «сэру», а в зажатом грязном кулаке мальчишки оказывается несколько мелких монет. И если не очень бояться, то в эти утренние часы можно заработать целую рупию.

Схлынул поток служащих, и жизнь центральных улиц входит в свою обычную колею. Снова черно-желтые такси выстроились на стоянках, у подъездов банков и контор послушно стоят «форды», «хиндустаны» и «олимпии». Яркое солнце освещает зеркальные витрины магазинов.

По соседству с главной улицей строится многоэтажный дом. Здесь нет ни кранов, ни экскаваторов. Все делается вручную. Вдоль трех первых этажей по лесам вытянулась цепочка строителей. Они передают друг другу металлические посудины с раствором и кирпичами. Медленно движется строительный материал по худым

черным рукам. Медленно растут стены здания. Но человеческий труд дешевле машин.

У красочно оформленных витрин иностранных авиакомпаний бродят безработные кули. Они поджидают богатых туристов.

— Куда сахиб направляется? Нужно ли такси?

— Сэр, вы помните, где ваш отель?

— Может быть, мэм хочет что-нибудь купить?

Безработные дежурят и у больших магазинов. Если кому-нибудь из них повезет, он сможет донести покупки до машины, а то и до дома. Те, кому не удалось найти «дела», подолгу стоят у витрин с красивой одеждой и вкусной едой. Некоторые считают такое занятие бесполезным и дремлют на тротуарах в тени деревьев и пальм.

Становится жарко. Бойко торгуют продавцы холодного «кока-кола», «оранджа» и мороженого. Но многие довольствуются простой водой. Ее приносят на улицу бомбейские водоносы. Глиняные кувшины, медные бидоны каким-то чудом держатся у них на головах. «Тханда пани! Тханда пани!» (холодная вода) — кричат они. Водоносы напоминают о том, что центральные улицы тоже принадлежат индийскому городу. А вот идет парень, у него за спиной бараний бурдюк с водой. В Бомбее сохранились и такие водоносы.

На тротуарах разложены книги, журналы и газеты. Эта торговля не требует затрат на аренду помещения. Продавец сидит рядом поджав ноги. Временами он кричит: «Последние американские детективные романы!» Когда нет покупателей, он углубляется в чтение.

Рядом с новеньким «Хиндустаном» примостились продавцы жаренного арахиса и сладостей. Насвистывая модную песенку из кинофильма, бредет продавец птиц. В клетках, надетых на длинную палку, стрекочут зеленые попугаи.

Около отеля «Амбассадор» цветочник разложил на тротуаре жасмин, розы и какие-то зеленые веточки. Время от времени он брызгает на них водой из ведра. День жаркий, цветы могут быстро увянуть, и тогда их никто не купит.

Между большими магазинами и ресторанами втиснулись фруктовые лотки и лавчонки. С полок свисают грозди бананов, лежат апельсины, гранаты, мандарины. В корзинах — груды кокосовых орехов. Фруктовщик ловким ударом кривого ножа срезает верхушку

ореха, и измученные жарой люди пьют прозрачную освежающую жидкость.

На тележке с узлами белья в ожидании хозяев дремлет дхоби. Рядом сидит гадалщик. Черные с проседью волосы падают на плечи. Темное лицо гадалщика сосредоточено. Он перебирает листки астрологического календаря. Перед ним на корточках в напряженном ожидании застыла женщина. Конец ее сари наброшен на голову, лица не видно.

В сквере против центрального вокзала укрылись от полуденного солнца отдыхающие горожане. На траве играют дети. На низкой каменной ограде сквера разместились ухочистильщики. Некоторые из них заняты делом. Ухочистильщик в белой чалме с сумкой через плечо, в которой лежат его инструменты, чем-то ковыряет в ушах смуглого парня. Лицо «оперируемого» — целая гамма чувств. Оно то напряженно застывает, то расплывается в блаженной улыбке, то искажается гримасой боли. Но парень сидит терпеливо до конца операции.

Солнце раскаляет асфальт, камни зданий. Становится душно. На витрины магазинов спускают тенты, фены в конторах увеличивают число оборотов, подметальщики льют воду на нагретые панели. Уже не слышно обычного уличного шума, город затихает.

Но вечерами центр Бомбея вновь оживает. Витрины заливают яркий электрический свет, над многоэтажными домами пляшет разноцветная реклама. Зажигаются огни у подъездов кинотеатров и ресторанов. Хорошо одетые люди спешат весело окончить день. И снова можно подработать безработному и нищему бомбейскому мальчишке.

— Сэр, такси?

— Мэм, я посмотрю за вашей машиной.

— Сахиб, почистить туфли?

— «Вечерние новости», «Вечерние новости!»

В старом городе. Рынки

Улицы старого города вплотную примыкают к центральной части Бомбея. Это район Гиргаума-Калба — Деви-роуд. Здесь узкие улочки зажаты между обшарпанными грязными стенами домов, напоминающих огромные коробки. Если посмотреть вверх, то будет

видна узкая полоска голубого неба. Солнце — редкий гость на этих улицах. Они похожи на темные ущелья, по дну которых катится людской поток. Элегантные автомобили не для этих мест. Заморенные лошаденки тянут старомодные экипажи. Черный верх экипажей поднят, в лакированные крылья вделаны керосиновые фонарики. Подковы неторопливо цокают по камням.

По вечерам улицы освещаются светом редких фонарей. В некоторых местах еще сохранилось газовое освещение. На углах таких улиц на невысоких чугунных столбах стоят стеклянные четырехгранные фонари. Между домами втиснулись, небольшие островерхие храмы, видны купола мечетей. В них нет роскоши мадрасских храмов и хайдарабадских мечетей. Их построили недавно, и они напоминают скорее деловые учреждения. В нижних этажах домов разместились тесные темные харчевни, духаны. На тротуарах торгуют овощами и фруктами. Женщины в простых выцветших сари подолгу прицениваются и выбирают овощи. По грязным улицам бродят «священные» коровы. Они задумчиво и равнодушно смотрят на прохожих, на проезжие экипажи, на сидящих на корточках торговцев мелочью. На худых боках коров резко выделяются ребра. Видно, «святость» не спасает от голода.

Щелеобразные улицы и переулки ведут к знаменитым бомбейским рынкам: Грауфорд-базар, Мулджи Джетха-базар. Здесь нижние этажи заняты сплошным рядом магазинов и лавок. Пестрая толпа заполняет тротуары. По середине улиц идут разносчики фруктов, снуют лоточники, продавцы сластей передвигают тележки с печеньем, халвой и другими сладостями. Низкорослые быки тянут телеги, доверху нагруженные ящиками. На тюках английские надписи: «Нейлон», «Мыло Люкс», «Индийский шелк». Товары менее громоздкие перевозятся на ручных тележках или переносятся на головах.

Ряды лавок строго специализированы. Обилием различных тканей, игрой красок поражают улицы, где ведется торговля мануфактурой. Здесь преобладает индийский текстиль, но можно найти английские и японские ткани. Через некоторые узкие улицы тканевого базара натянуты целые гирлянды сари: красные, желтые, синие, зеленые... Сари простые и шелковые. Сари с обычной каймой и расшитые серебряной и золотой нитью. Небольшие лавки, без передних стен, с пола до потолка завалены хлопчатобумажными, шерстяными,

шелковыми и нейлоновыми штуками тканей. На застланных циновками полах лавок сидят покупатели, в основном покупательницы. Суетящиеся продавцы разворачивают перед ними одну за другой штуки материй. Пол лавки покрыт индийским ситцем в сочных цветах, прозрачным нейлоном приглушенных тонов. Покупатели внимательно перебирают ткани, торгуются.

Улицы рынка, где расположены текстильные лавки, словно тонут в мягких волнах играющих всеми цветами радуги ситца, шелка, шерсти, нейлона. Волны ткани выплескиваются на тротуары, на мостовые, в них путаются ноги прохожих. Тканей намного больше, чем людей, могущих их купить. Поэтому столь угодливы хозяева лавок. Они подстерегают неосторожно брошенный взгляд прохожего в сторону их товара. Они стараются затянуть его в свой магазин, ослепить причудливой игрой красок ткани. Некоторые торговцы сговариваются с рыночными «гидами», и те за небольшую мзду ловят покупателей. Сидящие на тротуарах хозяева лавок зычными голосами зазывают клиентов.

— Ситец, индийский ситец, лучший в мире!

— Английский габардин! Сам английский король шьет из него брюки!

— Нейлон! Самый красивый материал для сари!

На соседней улице — царство ювелиров. Небольшие низкие витрины расположены над ступеньками лавок. Они заполнены серебряными изделиями. В глубине полутемных лавок на стенах сверкают наборы колец, ожерелья, серьги, ножные кольца, браслеты, диадемы, броши. Все это искусно сделано из тонкой серебряной нити. Здесь вы найдете серебряные цветы тонкой работы и поражающие своей воздушностью затейливые парусные кораблики, внутрь которых вделана лампа, серебряные модели Тадж Махала, знаменитой колонны Ашоки с тремя львами, изящные сосуды для духов и многое другое. Все это сделано руками трудолюбивых индийских ремесленников. Мастерские зачастую располагаются рядом с лавками. Если покупателю не нравится выбор изделий, к его услугам содержимое мастерской. Тут же можно заказать любую вещь по своему вкусу.

Раздобревшие торговцы-ювелиры сидят перед сверкающими витринами на мягких подушках. Они равнодушно смотрят на прохожих. Вопрос сбыта волнует их мало. В Индии украшения любят

все, и торговля идет хорошо. Крестьяне, приехавшие на рынок в город, покупают простые кольца и дешевые оправленные стеклышки для носа. Состоятельные горожане уносят с собой тонкие серебряные ожерелья, браслеты и кольца с дорогими камнями. Покупатели попроще стоят на тротуаре перед витринами, неловко переминаются с ноги на ногу, робко просят показать что-нибудь, подолгу рассматривают вещи, осторожно касаются мозолистыми пальцами полированной поверхности украшений. Лавочник не устаивает их своим вниманием. Зато он преображается, когда входят хорошо одетые люди. Наметанный глаз торговца сразу угадывает в посетителе выгодного покупателя. К его услугам стулья и бутылка холодного «оранджа». Он может сидеть в лавке сколько угодно и вести с хозяином неторопливую беседу.

Против лавок с серебряными изделиями продают браслеты. Они висят гирляндами над входом. Веселые солнечные зайчики прыгают с цветных стеклянных браслетов на мостовую и стены соседних домов. Это дешевые украшения. Они стоят всего несколько ан. Их может купить любая женщина. Обычно их нанизывают по десять-пятнадцать штук на каждую руку. Браслеты подороже стоят сверкающими столбиками на низких прилавках. Их делают из особой пластической массы, в которую вставляются стеклышки, осколки зеркал, дешевые камушки.

Целая улица занята лавками с канцелярскими товарами. Груды тетрадей различного формата громоздятся прямо на тротуарах. Продавец сидит на кипе папок и толстых бухгалтерских книг. Школьники и студенты — его постоянные покупатели. Теперь в Индии учатся многие, и спрос на тетради большой. По соседству расположились скобяные ряды. Здесь нет лавок. На столах и небольших прилавках, вытянутых вдоль стен домов, разложена различная утварь.

Между прилавками с домашней утварью примостились лавчонки, торгующие предметами индуистского религиозного культа. Статуэтки богов, благовонные сандаловые палочки, картинки с изображениями Рамы, Ситы, Кришны, Ганеши, сухая краска, которой наносят кастовые знаки на лицо. Этой же краской мажутся и в праздник Холи. Здесь же нередко сидят нищие, полуобнаженные «садху». За небольшую мзду они могут предсказать вам вашу судьбу и

проконсультировать по части исполнения того или иного религиозного обряда. Они не похожи на обычных нищих. На их лицах не лежит печать приниженности и забитости. На вас смотрят плутоватые глаза людей, знающих цену своему «труду». Назвать их голодными тоже нельзя. Плечи такого «садху» покрыты слоем жира и грязи, на колени свисает толстый живот. «Садху», видимо, не чужды мирские радости. Его мясистый нос, как стрелка компаса, все время неудержимо поворачивается в сторону смежной улицы, откуда доносятся соблазнительные запахи съестного.

Там расположились уличные харчевни, лавки с продовольствием. Из харчевен валит ароматный, пряный дым. Здесь в больших тазах кипит масло. В нем жарится самоса и покора^[15], тонкие, как бумага, лепешки, плавают кусочки теста с зелеными стручками перца. На небольших жаровнях пекут чапати^[16]. На столах стоят банки с дешевыми конфетами и местными пряностями. Это харчевни для бомбейских бедняков. Здесь за несколько ан кули или водонос может подкрепиться горстью жареного арахиса или лепешкой.

Неподалеку бомбейские китайцы разложили на тротуаре корзины со своим веселым товаром. В них цветные фонарики, ярко раскрашенные веера, бумажные цветы.

На рынке находятся и ростовщические конторы. Они похожи на лавки, только в них пусто. Центральное место занимает низкий столик. На нем лежит толстая бухгалтерская книга. В нее ростовщик вписывает имена должников. Большинство ростовщиков — марвари. В одной из контор, развалясь на подушках, сидит грузный человек. Жесткие складки у рта, нос похож на клюв хищной птицы, на темном лице выделяются умные, цепкие глаза. Перед ним, у входа в контору, стоит худой, согнувшийся человек в поношенном дхоти и сиреневом тюрбане. Это лавочник, торгующий мелким галантерейным товаром.

— Бабу, — обращается он к ростовщику, — эти деньги мне необходимы. В голосе просителя проскальзывают умоляющие нотки.

— Ты мне и так уже должен, — резко бросает сидящий в конторе.

— Я отдам все сразу, — продолжает настаивать лавочник. — Мне сейчас нужно только сто рупий. Я закуплю на них каджал (краска для глаз). На нее большой спрос.

— Чем ты можешь поручиться?

— Я даю вам слово.

В глазах ростовщика открытая насмешка.

— Вся твоя лавка не стоит и 80 рупий. А за слово деньги не дают.

— Но, сахиб, я обещаю вам.

— Уходи и не отвлекай меня пустыми разговорами. Человек в сиреновом тюрбане смотрит глазами, полными безнадежности, куда-то вдаль. Он понимает, что просить бесполезно. Усталой, медленной походкой лавочник плетется прочь. Он останавливается у переулка, где тоже есть контора ростовщика. Но, пораздумав, возвращается в свою полутемную грязную лавчонку. Видно, не всякая торговля бывает прибыльной...

На рынке можно купить все, даже уголь. Угольные лавки разбросаны по всей территории базара. В них темно и воздух пропитан черной пылью. На полу свалены рваные мешки с углем.

До поздней ночи не смолкает шум бомбейских рынков. Даже после двенадцати, когда закрываются богатые лавки и магазины, тусклые лампочки светятся в мелких лавках. Их владельцы стараются продлить торговый день, ибо время — деньги. Правда, не всегда время приносит их в достаточном количестве.

Малабарский холм. Висячие сады

Самое высокое место в Бомбее — Малабарский холм. С шоссе, идущего по обочине возвышенности, видна панорама города: нагромождение многоэтажных зданий, фабричные корпуса, заводские трубы, редкие купола мечетей, островерхие крыши индусских храмов. В этом районе нет обычного городского шума. За затейливыми оградками в зелени садов утопают богатые особняки. Белоснежные колонны, кариатиды, замысловатые башенки в стиле английских средневековых замков. Здесь живут преуспевающие бизнесмены, владельцы бомбейских текстильных фабрик, банкиры, крупные землевладельцы, важные правительственные сановники. На холме стоит вилла Кхера, главного министра штата Бомбей. Аристократические особняки разбросаны по всему зеленому массиву мыса. Они тянутся вдоль его благоустроенных улиц, спускаются к океану. В воздухе стоит свежий запах зелени и аромат редких цветов.

В центральной части Малабарского холма расположены знаменитые висячие сады. Висячими они называются потому, что

находятся над огромным водным резервуаром. Висячие сады не являются чем-то необычным. Это хорошо распланированный английский парк. Деревьев в нем немного. На усыпанной песком ровной площади разбросаны аккуратно подстриженные газоны, стоят ящики и вазы с редкими тропическими растениями. По углам газонов растут кокосовые и веерные пальмы. Густому мелколистному кустарнику искусные бомбейские садовники придали форму животных. На аллеях парка замерли зеленые слоны, обезьяны, кенгуру, медведи. Легкие беседки покрыты шапками вьющихся растений. Со стороны, противоположной городу, сады сливаются с зарослями деревьев, спускающимися со склона холма. У подножия склона видны купола дворца махараджи Бароды.

У входа в сады посетителей встречает группа босоногих мальчишек лет двенадцати-четырнадцати.

— Сахиб, вам нужен гид?

— Сэр, я вам расскажу все об этих садах.

— Мэм, возьмите меня с собой — и вы не пожалеете. Один из мальчишек увязывается за мной. Мне гид не нужен, но я хочу с ним поговорить. У мальчишки черная вихрастая голова, живые смышленные глаза. Мой «гид» старается говорить по-английски. Как только мы входим в сад, он бесстрастным тоном начинает произносить замысловатые английские фразы. Видно, он старательно выучил свою небольшую речь, но подчас сам не понимает, что говорит. Он путает значение слов, пропускает целые куски фраз. Очень трудно что-нибудь понять. Но ведет он себя, как заправский гид. Останавливается в нужных местах, натренированными движениями головы и рук показывает достопримечательности. Я что-то спрашиваю у него по-английски. И вдруг «гид» останавливается, теряет нить заученного текста и беспомощно смотрит на меня. Мне становится ясно, что английский он знает, как я китайский. Я молчу, а мальчишка не помнит, в каком месте своей «английской» речи он остановился. Чтобы спасти положение, он начинает все снова, с той первой фразы, которую произнес у входа в сад.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я его на хинди.

— Чандра, — и поднимает на меня удивленные глаза.

— Давно ты работаешь гидом?

— О, уже два года.

— А чем ты еще занимаешься?

Оказывается, Чандра учится в школе. Уроки начинаются в два часа, а до двух он старается подработать здесь в висячих садах. Если попадаются богатые иностранцы, то может перепасть сразу две-три рупии. Кроме него, в семье пять братьев и сестер, а он самый старший. Отца нет, мать работает на текстильной фабрике. Денег не хватает, ведь приходится еще платить в школу.

— Я каждое утро прихожу сюда, — говорит Чандра.

— А когда же ты готовишь уроки?

— Поздно вечером. Правда, свет приходится экономить, ведь за него тоже надо платить... Но перед нашим домом есть большой фонарь, и под ним всегда светло.

Пака мы разговариваем, появляются «конкуренты». Группа таких же босоногих мальчишек. Их много, они стараются оттеснить Чаядру и предлагают мне свои услуги.

— Эй, убирайтесь отсюда! — кричит им Чандра.

На конкурентов его окрик не производит впечатления. Они продолжают настаивать. Тогда Чандра, угрожающе сжав кулаки, двигается на мальчишек. Дело принимает плохой оборот. «Конкурирующая компания» впадает в раздумье. Видимо, там не хватает решительности и сознания своей правоты. Затем рослый мальчик с грязной повязкой на голове говорит своим компаньонам:

— Пошли, но мы с ним еще рассчитаемся.

«Конкуренты» отступают.

Глаза Чандры победоносно сверкают. Однако через несколько мгновений выражение лица меняется, голос звучит устало и странно по-взрослому:

— Вот так каждый раз. Они ведь тоже хотят заработать...

Да, нелегко хлеб маленького гида...

На Малабарском холме находятся знаменитые храмы. Правда, в Бомбее их сравнительно немного. Город деловой, молиться, очевидно, некогда. К храмам ведут узкие улицы старых кварталов. На самой оконечности мыса стоит храм Валкешвар. Его светло-серый конусообразный купол чуть приподнят над крышами соседних строений. Улица террасами каменных ступеней поднимается к храму. Узкая пыльная лента мостовой зажата между глухими стенами каменных заборов. Вдоль улицы в тени стен сидят лоточники,

торгующие всем, что необходимо посетителям храма: сандаловыми свечами, цветами, очищенными кокосовыми орехами для жертвоприношения. Из храма доносится мерный звон колокола. Если пройти коротким переулком позади строения, то можно обнаружить еще семь небольших храмов. Они разбросаны по берегу священного водоема Бангаяга. Некоторые из них с трудом можно разглядеть между высящимися друг над другом обшарпанными домами с красными черепичными крышами. К водоему спускаются пологие каменные ступени. На них сушат свою одежду индусы, совершившие омовение. Вода здесь по «святости» не уступает водам священного Ганга, поэтому сюда приходит немало паломников из Махараштры. Вода в водоеме кажется зеленой от густых деревьев, отражающихся в его зеркальной поверхности. Над водоемом плывет жаркий воздух, смешанный с дымной гарью, которую приносит соседняя фабричная труба.

Храм Махалакшми — богини богатства и благосостояния — наиболее посещаемый. Он разместился на самом берегу моря, слева от Хорнби Веллард. Существует легенда, что в XVIII веке здесь прокладывали дорогу. Работа не ладилась, так как местность была неровной и изрытой. И вот одному из подрядчиков, по имени Рамджи Шиваджи, явилась во сне Лакшми. Богиня доверительно сообщила, что неподалеку от места работ находится ее статуя. Если эту статую откопать и поместить в приличный храм, труд долгих лет будет успешно завершен. На следующее утро Шиваджи поспешил к губернатору Хорнби. Губернатор дал согласие на постройку храма. Статуя была действительно найдена, и в ее честь заложили храм. Дорогу выстроили, и назвали именем губернатора. История города хранит три имени, связанные с постройкой дороги: богини Лакшми, губернатора и подрядчика. Но никто не помнит имен безвестных кули, которым в действительности дорога обязана своим существованием... Храм Махалакшми — небольшое строение с асимметрично-расположенным куполом. Плоскую крышу поддерживают колонны, проходящие через главный зал. Прилегающая улица, вымощенная стертymi брусками булыжника, упирается в многоступенчатую лестницу, по которой поднимаются к храму почитатели богини. Те, кто совершил пуджу, отдыхают на гладком мраморном полу, погруженные

в созерцание. Среди сидящих бесшумно двигаются полуобнаженные жрецы.

Внизу у лестницы расположились нищие. Перед ними металлические блюда, тарелки, высокие стаканы. Проходящие бросают в эту посуду мелкие монеты. Деньги звякают о металл, и, разбуженные ободряющим звоном, полудремлиющие нищие начинают заученно бормотать слова благодарности и молитв. Но не все дремлют, некоторые ловкими приемами стараются привлечь к себе внимание прохожих. Такие вызывают явную зависть своих незадачливых «конкурентов». На углу лестницы сидит старик с плутоватыми глазами. На лбу нищего белой краской нанесены кастовые знаки, упитанное тело задрапировано куском ткани не первой свежести. Волосы свалывшимися грязными косицами спускаются с плеч. Из-под всклокоченной седой бороды на голой груди виднеются длинные сандаловые четки. На руках стеклянные браслеты. Стоящее перед ним маленькое медное ведро украшено цветами жасмина. Расчет простой — в красивую посудину приятней опустить монету. И на этом углу лестницы звон денег раздается чаще, чем у противоположной стены.

Если подняться на плоскую крышу храма по крутой лесенке, то оттуда будет видно необозримое синее пространство океана. Ярко-голубой купол неба сливается с морем у далекого горизонта. Пронизанный золотыми лучами солнца воздух неподвижно стынет над широкой гладью воды, его жаркая, чуть голубоватая пелена окутывает парки, сады, особняки аристократического Малабарского холма...

Ворота индии. Заклинатели змей

На набережной Аполло стоят знаменитые «Ворота Индии», повернутые в сторону бомбейской гавани. Высота этого массивного сооружения из светло-коричневого базальта — 83 фута, или около 25 метров. Сделанное в виде триумфальной арки, оно увенчано четырьмя башенками, напоминающими минареты. От ворот прямо к воде спускается каменная лестница. На портале высечены слова: «Сооружены в память посещения Индии их королевскими величествами королем Георгом V и королевой Марией». Знаменательное событие произошло в 1911 году, а в 1924 году состоялось торжественное открытие «Ворот Индии». Открытием руководил сам вице-король лорд Ридинг. С тех пор все высокие особы, прибывавшие в Индию морем, высаживались только здесь. Причалы «Ворот» приняли не одного вице-короля и губернатора. А в 1948 году под их сводами церемониальным маршем прошел последний английский солдат. От причалов отвалили транспортные суда, груженные британскими военными частями. На флагштоке «Ворот» подняли трехцветный флаг свободной Индии. Символизировавшие прежде колониальное бесправие, они стали теперь «Воротами» независимой Республики Индии.

С подходящих к бомбейской гавани кораблей они видны за несколько миль. Сначала из океана появляются башни, а затем постепенно вырастает над узкой прибрежной полосой весь массивный четырехугольник. Вечерами на площади перед «Воротами Индии» выстраиваются ряды автомобилей, черно-желтых такси, экипажей. На узких каменных скамеечках вдоль парапета сидят отдыхающие. Здесь можно встретить индийцев любой национальности, людей из разных стран.

В предвечерние часы море бывает особенно тихим. По его гладкой поверхности неторопливо скользят косые паруса рыбацких шхун, снуют портовые катера, буксирные суда. Неподалеку, у пирсов, застыли океанские корабли. На горизонте в голубой дымке вырисовываются горы островов Батчер и Элефанта. Дует легкий свежий бриз. Курсирующие по гавани пассажирские катера переполнены. В этот час приятно побыть на воде, полюбоваться

Бомбеем с моря. Издали катера похожи на цветных ползущих по воде насекомых. Яркие одежды пассажиров отчетливо видны на берегу: сиреневые, желтые, розовые, белые тюрбаны мужчин, красные, голубые, зеленые, оранжевые сари женщин. Косые лучи заходящего солнца ложатся красновато-золотистыми бликами на воду, на катера, на людей. К ступеням «Ворот Индии» причаливают парусные рыбацкие шхуны. Катера не могут вместить всех желающих покататься по морю, и у рыбаков появляется счастливая возможность подработать. Шхуны наполняются быстро и до отказа. Ветер лениво натягивает паруса, и они отчаливают. Это удовольствие вы можете получить за две-три аны. А чем больше народа в шхуне, тем больше ан в кармане ее хозяина.

...Четырехугольная громада «Ворот Индии» высится над океаном, как бессменный страж у входа в Бомбей.

Неподалеку от «Ворот Индии», на узких улицах примостились магазины и лавки, торгующие кустарными изделиями. Там можно найти безделушки со всех концов страны: из Дели и Уттар Прадеша, из Хайдарабада и Майсура, из Пенджаба и Кашмира. Особенным спросом пользуются кашмирские изделия. Резные деревянные шкатулки, низкие столики, фигурки, вазы из папье-маше, мягкие туфли из кожи всегда охотно раскупаются туристами. Владельцы лавок с кашмирскими товарами — народ активный и предприимчивый. Их агенты появляются в вечерние часы у «Ворот Индии» среди гуляющей публики. В проворных руках мелькают карточки с адресами магазинов.

— Сэр, посетите наш магазин. Это совсем недалеко.

— Простите, не хотели бы вы приобрести прелестные деревянные вещички из Кашмира?

— Если вы хотите купить что-нибудь из индийских кустарных изделий, то покупайте кашмирские. А самые лучшие кашмирские сувениры только у нас в магазине.

— Подождите, я вам что-то покажу, — человек останавливается. — Настоящие кашмирские вещи продаются в нашем магазине. У остальных — только подделки.

Это неутомимое племя кашмирцев-дельцов можно встретить не только на набережной Аполло. Они вырастают перед вами из-под земли на любой улице города. Невежливое обращение их не

останавливает. Они продолжают делать свое дело. Поэтому кашмирские лавки торгуют бойко и процветают.

Если хотите видеть индийских заклинателей змей, пойдите к «Воротам Индии». Здесь вы обязательно встретите одного или двух. Заклинатель змей для жителя Индии — не диковина. Смуглый босоногий человек в черной гуджаратской шапочке сидит на корточках перед лестницей. Немногочисленные зрители стоят вокруг. В руках человека странный музыкальный инструмент. Он напоминает флейту, но с каким-то круглым сосудом на одном конце. Заклинатель подносит его к губам, и льется резкая прерывистая мелодия. Перед человеком в круглой низкой корзинке лежит, свернувшись клубком, самая страшная змея Индии — кобра. При первых звуках музыки кобра поднимает голову. На раздувшемся капюшоне виден черно-белый знак «очков». Маленькие холодные глаза змеи неотрывно глядят на заклинателя. Вот змея уже наполовину приподнялась над корзинкой, плоская голова покачивается в такт музыке. Кобра «танцует». На какое-то мгновение она застывает, а затем делает попытку выбраться из тесной корзины. Две американки в ярких коротких платьях, приготовившиеся снять заклинателя, испуганно отскакивают, так и не щелкнув затворами фотоаппаратов. Заклинатель привычным движением берет скользкую ленту и водворяет ее на место. На первый взгляд кажется, что перед вами отважный человек, добровольно подвергающий себя риску каждую минуту быть смертельно укушенным ядовитым гадом. Но на самом деле все обстоит проще. Ядовитые железы змеи обычно удаляются, и она уже не представляет никакой опасности ни для своего хозяина, ни для публики.

Посаженная вновь в корзину кобра не желает больше «танцевать». Публика начинает расходиться, заклинатель закрывает корзину плетеной крышкой и протягивает руку к стоящим перед ним людям. В темную ладонь падают редкие аны и пайсы.

«Есть за границей контора Кука»

Когда-то в детстве мне прочли стихи Маршака:

Есть
За границей
Контора
Кука.
Если
Вас
Одолеет
Скука
И вы захотите
Увидеть мир —
Остров Таити,
Париж и Памир...

Стихи мне очень понравились, и я запомнила их. Мне всегда хотелось «увидеть мир». Правда, скука меня не одолевала, как мистера Твистера. Я мечтала побывать в Индии, которой интересовалась и занималась уже давно. А когда что-нибудь очень хочешь, то это сбывается. И вот в июне 1958 года я приехала в Индию. Конечно, мистер Кук здесь был ни при чем. Он не готовил мне каюту на корабле и не присылал за мной верблюда. Я прилетела в Дели на нашем, советском самолете ТУ-104, которому позавидовал бы и сам «всемогущий» Кук.

...Полгода спустя в далеком тропическом Бомбее я встретила со старым знакомым моего детства. На главной улице города стоит трехэтажное здание. Его фасад украшен колоннами и лепными карнизами. Светлые тенты нависают над широкими зеркальными окнами. Здание это не имеет номера, а просто называется «дом Кука». По левому углу дома пляшут крупные неоновые буквы рекламы: «Куки». На фасаде написано «Кук и сын». Трудно не заметить здание индийского отделения американского Бюро путешествий. Кук обслуживает Индию. Его конторы можно встретить в большинстве крупных городов страны. В ведении агентства находится перевозка пассажиров и грузов по морским, воздушным, сухопутным линиям.

С помощью Кука в Индию прибывают тысячи американских туристов. Его конторы создают для них благоприятные условия путешествий по стране. Через агентство можно быстро заказать билеты на самолеты и поезда внутренних линий, забронировать удобный номер в отеле, получить необходимую информацию. А если

вы захотите после путешествия по Индии увидеть другие страны, то и здесь вам не обойтись без Кука. Его контора предоставит билет на самолет или пароход любой международной линии. Его агенты помогут выполнить все необходимые формальности.

Но с Куком успешно конкурирует крупное индийское бюро путешествий «Меркури трейвел». Обычно советские граждане пользуются его услугами. В Бомбее находится одно из крупных отделений фирмы. Здесь, в просторном холле с мягкой мебелью, клиентов встречают услужливые клерки. Многочисленные телефоны связывают контору с бомбейскими вокзалами, портом и аэродромом.

Особенно горячее время у агентства в зимние месяцы. С ноября по январь в Индии происходят различные научные конгрессы, заседания культурных обществ, собрания политических партий, артистические труппы едут из одного конца страны в другой.

Если у вас есть деньги, то самое лучшее вручить себя заботам «Меркурия». Ну, а теми, у кого их нет, не занимается ни «Меркури трейвел», ни Кук. Эти люди должны прийти на вокзал, выстоять длинную очередь и получить дешевый билет в третьем классе.

В индийских поездах имеется по существу четыре класса вагонов. Купе с кондиционированным воздухом, или купе «люкс». Стоимость билета почти такая же, как и на самолете. В первом классе каждый пассажир имеет мягкий диван и может спокойно спать ночь. Официанты станционных ресторанов приносят в купе первого класса горячий завтрак, обед и ужин. Не выходя из купе, вы можете принять душ, его кабинка помещается тут же.

Второй класс резко отличается от первых двух. Правда, здесь вы получаете определенное место. Но спать уже нельзя. Долгие ночи пассажиры проводят сидя. В любом индийском поезде большинство вагонов третьего класса. В этих вагонах стоят длинные деревянные скамьи. Под потолком нет освежающих фенов. Тускло горят запыленные лампочки. Люди сидят, тесно прижавшись друг к другу, одурманенные спертой, душной атмосферой вагона. Так ездит большинство индийцев. На станциях сюда не подходят носильщики. Пассажиры сами несут свои узлы, чемоданы, железные сундучки, глиняные сосуды с водой. Среди пассажиров третьего класса много крестьян, едущих в города в надежде найти работу. Они проводят долгие бессонные ночи в душных вагонах, в тесных вокзальных залах

ожидания. И, конечно, они не подозревают о существовании знаменитых контор Кука и «Меркури трейвел», чьи неоновые рекламы непрерывно сверкают по вечерам на широких улицах больших городов.

Элефанта. Трехликий Шива

С набережной Аполло виден остров Элефанта. До него семь миль. Те, кто приезжает в Бомбей в первый раз, обязательно едут его смотреть. Остров знаменит своими подземными храмами. Считают, что эти храмы были сооружены в VII веке нашей эры, в период существования империи Чалукиев. Настоящее имя острова — Гхарапури, что значит «город-крепость». «Элефанта» его называли португальцы, потому что на берегу острова стояло высеченное из камня изображение слона. Португальцы захватили остров в 1534 году, а в 1774 году он перешел к англичанам. Они-то и перевезли каменного слона в музей принца Альберта. Теперь пещеры Элефанты объявлены историческим памятником и охраняются государством.

...Ранним утром наш рейсовый катер отходит от причалов «Ворот Индии». Солнце еще не поднялось высоко, и на воде стоит приятная прохлада. В утренней тишине раздается резкий стук выхлопной трубы катера. Над палубой протянут плотный тент, вдоль бортов устроены мягкие сиденья. У штурвала стоит выпачканный смазкой машинист. Рядом крутится быстроглазый, живой мальчишка. На голове у него щегольски повязан желтый тюрбан. Он — помощник машиниста, второе лицо на нашем «судне». С важным видом мальчишка убирает причальные концы. На катере двадцать пять пассажиров, и все они иностранцы. Большинство — туристы. Пожилые мужчина и женщина — из Чили, две молодые девушки — из Италии, рыжеволосая женщина со смеющимися глазами — из Парижа, рядом со мной араб из Бейрута, остальные — американцы. Индийцы — только гид и «команда» катера.

Скорость нашей посудины небольшая. За бортом медленно плывут набережные города, доки, фабричные трубы. Постепенно исчезают «Ворота Индии». Чем дальше от берега, тем прозрачнее становится вода. Около бортов резвятся стайки маленьких рыбешек. Но вот они испуганно метнулись в сторону и скрылись. Под водой мелькает

странная тень. «Акула», — догадываюсь я. И действительно, несколько мелких акул идут по следу катера. Их замечают и другие пассажиры. Толстый папа-американец дает легкий подзатыльник своему веснушчатому отпрыску, неосторожно опустившему руку в воду.

Катер все ближе и ближе подходит к острову. Уже совсем ясно видны две горы, покрытые зарослями манго, тамаринда, пальм. Между горами лежит узкая долина.

— Горы, — говорит гид, — из гранита. В них и высечены пещерные храмы.

Катер медленно подруливает к причальным мосткам. По ним мы перебираемся на берег. От самого берега в гору ведет лестница. На лестнице мальчишки продают путеводители по Элефанте, а заодно просят бакшиш. Тут же стоят так называемые носильщики. Они предлагают нам стулья, укрепленные на длинных палках. На этих своеобразных носилках они могут донести человека до главной пещеры. Но мы предпочитаем идти на собственных ногах, с удовольствием вдыхая свежий аромат зелени, стоящий над зарослями острова. На пути к храму расположился небольшой павильончик. Здесь торгуют сувенирами: изображениями индусских богов, сделанными из сандалового дерева и камня.

Перед главной пещерой — ровная, высеченная из гранита площадка. Несколько ступенек — и открывается колоннада. Храм вырублен чуть выше подножия. Огромная, массивная заросшая лесом шапка горы давит на колонны, и кажется, что они чудом уцелели. За колоннами темнеет продольная щель подземного храма. Эта пещера — одна из наиболее завершенных и сохранившихся. Мы входим под ее своды. Взору открывается огромный зал с тремя рядами гранитных колонн, высеченных из того же массива, что стены и потолок. Части зала, расположенные ближе к выходу, освещены лучше, но в глубине его царит постоянный полумрак. Общая площадь главной пещеры около 40 квадратных метров. Ее пол совершенно гладкий, отполирован за многие сотни лет ногами богомольцев, посетителей, туристов.

Сейчас в храме музей. Сюда приходят каждый день сотни людей полюбоваться на чудесное творение древнего зодчества.

Вдоль стен храма и в его нишах высечены огромные статуи богов. Они составляют единое целое со стенами. Из полумрака на людей

смотрят то бесстрастные, то задумчивые, то загадочно улыбающиеся индусские боги — восьмирукий танцующий Шива, Вишну, Парвати, Варуна, Нила, Ганеша; сцены из жизни богов запечатлены в граните. Храм посвящен богу Шиве. В одной из ниш находится неотъемлемая принадлежность культа Шивы — огромное из черного гранита изображение Лингама^[17], символизирующее активное созидательное начало, заложенное в человеке.

В глубине пещеры, на задней стене храма, изваяна главная фигура — трехликий Шива. Ее высота — около шести метров. Древний художник аллегорически изобразил три великих начала, олицетворяемых этим богом. Творение это является венцом древнего индусского искусства и не имеет себе равных. Центральная голова статуи изображает Шиву — созидателя и творца. Спокойное лицо, глаза прикрыты тяжелыми веками, под тиарой высокий лоб мыслителя. Справа — голова Шивы-хранителя. В ее облике есть что-то женственное. Лицо мечтательно-задумчивое. Мягкие очертания подбородка и полных губ. В гранитных завитках волос застыли жемчужины и цветы. Рука Шивы-хранителя держит лотос, символ прекрасного. Слева — Шива-разрушитель. Выпяченный низкий лоб, крючковатый нос, страшная гримаса жестокого рта. Череп и змеи — символы смерти — венчают голову Разрушителя.

Однако разрушение и смерть побывали в подземном храме не только в виде каменного колосса. Португальские солдаты превратили бесценные памятники индийской культуры в мишени. Армия хищников и грабителей, убежденная в своем расовом превосходстве, бесцельно разрушала прекрасные плоды многолетнего труда древнего народа. Отполированные гранитные тела богов обезображены пулями. Некоторые статуи разбиты вдребезги, и от них остались только руки, ноги и искромсанные торсы. У танцующего Шивы отбиты ноги, у Парвати нет рук, хобот мудрого Ганеши изуродован. Но искалеченные и изломанные боги пережили своих завоевателей и смотрят теперь со стен храма немymi свидетелями одаренности, таланта и трудолюбия народа Индии и варварства европейских поработителей.

От главной пещеры дорога идет среди зарослей манговых деревьев в гору. Здесь, неподалеку, есть еще несколько храмов. Но в гранитном массиве высечены только их колонны. Что-то помешало древним художникам кончить свое дело. Что именно — мы не знаем. Это могло

быть и крушение империи, и приход завоевателей, и многое другое. А некоторые говорят, что просто не подошел материал.

Мы поднимаемся на вершину горы. Отсюда видна ярко-синяя гладь океана. Зеленые прибрежные заросли пальм еще резче оттеняют синеву воды. В отдалении, в неверном мареве жаркого воздуха вырисовываются гористые контуры близлежащих островов. Между ними скользят паруса рыбацких шхун. Белоснежные крупные чайки выются над островом и океаном. Вдруг тишину нарушает резкий звук гудка. Это сигнал нашего катера. Пора возвращаться. Я опускаюсь к причальным мосткам. «Скорей, — кричит белозубый помощник машиниста, — а то уедем без вас...» Но это, конечно, только шутка. Катер, накренясь, разворачивается в сторону Бомбея. За нашими спинами все дальше в море уходит древний остров Элефанта.

Гавань. Бомбейские рыбаки

Крупнейшая в Индии бомбейская гавань — одна из жизненных артерий экономики страны. Через нее республика ведет обширную торговлю со многими странами мира.

На несколько миль вдоль берега бухты тянутся портовые сооружения: доки, причалы, портовые склады, железнодорожные узкоколейки, грузоподъемные краны. Со стороны мола Беллард видна как на ладони вся гавань. У причалов и на рейде стоят морские транспортные суда, большие океанские корабли, портовые буксиры, бронированные суда индийского военного флота. В неподвижном воздухе на флагштоках повисли флаги Советского Союза, Америки, Англии, Японии, Польши. Между судами снуют таможенные катера, рыбацкие лодки. Вода у причалов мутно-зеленого цвета, загрязненная маслом и нефтью.

Неподалеку от мола разместились портовые конторы и внушительное здание Главной таможни.

У причалов днем и ночью идут погрузочно-разгрузочные работы. Бомбейский порт — самый загруженный, но и один из наиболее механизированных. Ручной труд здесь применяется мало. По рельсам узкоколейки все время отходят груженные составы, сюда же прибывают заполненные доверху грузовики. Стальные руки мощных кранов легко несут по воздуху тюки, ящики, контейнеры. Везде — у причалов, на

пристанях — горы грузов. Ящики и тюки пестрят надписями: «Порт отправления Гамбург», «Порт отправления Сингапур». Грузы из Марселя, Глазго, Неаполя, Щецина, Иокогамы... Тут же лежат приготовленные к погрузке тюки индийского хлопка. Этими же тюками заполнены и склады в порту. А рядом с ними — склады зерна. Сырье пока что является основной статьей индийского экспорта. Так было и в колониальный период. Империалистическая Англия выкачивала из страны дешевое сырье. Из Бомбейского порта шли корабли, груженные хлопком, джутом, табаком, чаем, слюдой, рудой. Сюда прибывали готовые изделия из метрополии.

Теперь настали иные времена. Корабли везут в Бомбей металл и сельскохозяйственные машины, энергетическое и горношахтное оборудование, металлообрабатывающие станки. Я разговорилась со старым портовым чиновником. «Сейчас, — сказал он, — существенно изменились статьи ввоза. Ведь многие изделия мы можем производить сами, а вот машин нам пока не хватает. Вместо тюков английского ситца мы теперь разгружаем контейнеры с машинами. Правда, порт еще не совсем справляется с увеличившимся товарооборотом, со всей массой грузов, которые нам приходится разгружать и нагружать».

Современный порт Бомбей, каким мы знаем его сейчас, стал строиться еще в 70-х годах XIX века. Постепенно были сооружены три основных дока: Александра, Принцесса и Виктория. Через них проходят миллионы тюков различных грузов. Доки перегружены. Поэтому порт расширяется. Создаются новые причалы, совершенствуются старые доки, строятся склады, монтируются новые погрузочные краны.

Но есть в порту доки, не приспособленные к приему современных кораблей. Как доки они бездействуют и их причалы используются рыбацкими шхунами и лодками. «Хотите видеть наших рыбаков, пойдите утром в док Сассуна», — сказал мне служащий отеля, где я остановилась.

Рано утром я отправилась туда. Док Сассуна — старейший в порте. Он расположен в районе Колаба, которым завершается полуостров города. Портовые сооружения шагнули далеко на север от старого дока. Обшарпанные коробки домов примыкающих улиц вплотную прижались к портовым складам. Через обветшавшие ворота я прохожу к причалам.

Солнце только что поднялось над горизонтом, и резкие тени от соседних строений ложатся на землю. От ворот дока к причалам ведет разбитая колея немощеной дороги. Пахнет рыбой. Ленивые бурые волны плещутся о камни причалов. Около них стоят рыбацкие лодки с убранными парусами. Рыбаки, сожженные дочерна тропическим солнцем, в коротко подобранных дхоти и набедренных повязках, громко перекликаясь, начинают разгружать рыбу. На их головах красуются шерстяные колпаки. Ночью перед рассветом в открытом море холодно. Жилистые сухие руки подают на пристань круглые корзины, наполненные бьющейся рыбой. Крупную рыбу выбрасывают прямо на землю. А со стороны моря подходят все новые и новые лодки. Вскоре весь асфальт пристани покрывается корзинами с мелкой рыбой и креветками, аккуратными горками крупных морских окуней и каких-то больших рыб, напоминающих нашего сома. Асфальт блестит от рыбьей чешуи. Женщины принимают деятельное участие в работе. На них простые, домотканые сари, подоткнутые, как мужские дхоти. Они помогают мужчинам разгружать лодки и продавать рыбу.

Док Сассуна — лучший рыбный рынок Бомбея. Здесь всегда можно достать самую свежую рыбу. Между корзинами и лежащими на земле морскими окунями ходят покупатели: многочисленные хозяйки, слуги из богатых особняков, оптовые скупщики. Хозяйки придирчиво рассматривают рыбу, выбирают одну-две и долго торгуются. Прислуга покупает рыбу целыми ведрами. Скупщики, а их здесь много, стараются завладеть уловом всей лодки, а то и нескольких. Высокий парень с густыми жесткими волосами, непокорно выбивающимися из-под рыбацкого колпака, о чем-то долго и горячо говорит с толстым скупщиком. Затем делает знак сидящим в лодке рыбакам, и те начинают ставить корзины с рыбой на пристань. Парень отходит и что-то насвистывает. — Ну что, продали? — спрашиваю я.

— Продать-то продал, а вот ничего не получил.

— А что, так бывает?

— Бывает. Все бывает. Я ему должен деньги, а он не хочет ждать. — Парень досадливо машет в сторону скупщика, который уже разговаривает с хозяином только что подошедшей лодки.

— Всю ночь провел в море, и, выходит, зря. С нами все бывает, — сердито кончает он.

Рыбак постарше прислушивается к нашему разговору.

— Это верно, — вмешивается он. — Многие в долгах у скупщиков. Поэтому, хотим мы или нет, часто приходится отдавать им рыбу по цене много ниже рыночной.

Над пристанью стоит разноголосый шум. Число покупателей увеличивается. Опорожненные лодки, разворачиваясь на веслах, похожих на лопату, отходят от причала. Они спешат скова в море. И если им повезет, они до заката смогут еще раз сюда вернуться. Рыбу подвозят в док Сассуна в течение всего дня. Солнце уже высоко стоит в небе, и далеко в море в его лучах сверкают косые паруса рыбацких шхун и лодок.

Парель. Пролетарский Бомбей

Рабочий класс Бомбея насчитывает в своих рядах около 800 тысяч человек. Это наиболее крупный и передовой отряд индийского пролетариата. Основу его составляют текстильщики. Рабочий класс города прошел славный путь борьбы за свободу своей страны, за лучшие условия труда и жизни. Именно в Бомбее, в рабочих кварталах, несколько лет спустя после Октябрьской революции возникли первые марксистские кружки, появились первые группы коммунистов. Здесь же на фабриках родились боевые пролетарские профсоюзы.

Большинство бомбейских рабочих — маратхи, пришедшие из внутренних областей Махараштры. Рабочих кварталов в городе много, но большая их часть сосредоточена в районе Пареля. Парель растянулся на несколько миль к северу от центральных улиц города. От них к рабочим кварталам ведет длинная улица, называемая Парель-роуд. Она, а затем продолжающая ее Суларибаг-роуд проходит через центр Пареля. Над этим районом постоянно стоит угарный запах дыма. Здесь находятся крупнейшие текстильные фабрики города: «Кохинур», «Эмпресс», «Джубили», фабрики Тата, Сассуна, Морарджи Гокулдаса. Их закопченные корпуса с редкими квадратами пыльных окон высятся над тесными улицами и переулками.

Рано утром гудки фабрик будят тысячи жителей Пареля. Потoki плохо выспавшихся, усталых людей устремляются к фабричным воротам. Мужчины идут в грубых сандалиях или просто босиком. На некоторых из них надеты дхоти, но большинство в синих коротких штанах. Женщины, гладко причесанные, без обычных украшений, в

простых, темных расцветок сари держатся в толпе небольшими группами. Черноголовые подростки идут по-взрослому, без обычной ребячьей суеты. Ворота фабрики поглощают толпу рабочих, и в Пареле начинается обычный трудовой день.

Долгие часы текстильщики проводят в душных, жарких помещениях. По новому законодательству рабочий день ограничен восемью часами. Но предприниматели часто обходят закон, принуждая людей работать лишние часы. Освобождение приходит вечером, с фабричным гудком, извещающим о конце работы. Улицы Пареля опять заполняются рабочими, но ненадолго. Все спешат домой. Плотная масса людей редет и растекается по узким улицам и переулкам.

Вдоль главной улицы, идущей через Парель, тянутся знаменитые бомбейские чаули. Здесь живет большинство рабочих города. Чаули — это ободранные, грязные коробки домов в два, три, а иногда в четыре этажа. Они глядят на улицу черными провалами незастекленных окон. На редких окнах — простые ситцевые занавески или куски мешковины. На протянутых в окна веревках сушится белье, на подоконниках стоит небогатая кухонная утварь.

Чаули лишены элементарных удобств. Даже за водой приходится ходить, а колонок не так много, и после работы около них выстраиваются очереди. В тесных темных комнатухах ютятся рабочие семьи в десять-двенадцать человек. Дети, которых почти в каждой семье не менее четырех, проводят целые дни на улице. Они копошатся на грязных мостовых, зачастую совсем голые. В крошечных, душных комнатах им не хватает места. В большинстве комнат нет мебели. Ее не на что покупать, да и негде ставить. Вся обстановка состоит из нескольких циновок для сна, брошенных прямо на пол. На обшарпанных стенах иногда висят грубо сколоченные полки для посуды.

Нижние этажи чаули обычно заняты неуютными тесными лавчонками, закопченными харчевнями. В лавках торгуют дешевыми тканями, грубыми сандалиями, плохими сигаретами, разной мелочью. Тут же можно купить и провизию. Рис в этих лавках отдает сыростью и плесенью, масло горчит, картошка вялая, над сомнительной свежести кусками баранины роятся мухи. Здесь стараются сбывать залежалый, недоброкачественный товар. Мне показали харчевню, в которой обычно питаются рабочие, не имеющие семьи. У ее порога на

небольшой жаровне стоит чан с кипящим маслом. Повар сидит на корточках на грязном полу и месит тесто. Горячий ветер несет с улицы пыль, и она оседает на тесте и на готовых лепешках и самосе. Едкий дым от кипящего масла, в котором жарятся кусочки теста, наполняет темную харчевню. Окон нет, и свет тускло пробивается из двери через дымовую завесу. За единственным колченогим столом сидят несколько рабочих парней. Перед ними захватанные стаканы с жидким чаем, а на обрывках газет лежат куски лепешек. Они уже кончают свою скудную трапезу. Подручный хозяина, мальчишка лет тринадцати в полосатых тиковых штанах, моет стаканы в медной посудине. Вода в ней напоминает помои.

Если углубиться от основной магистрали чаулей в кварталы, то здесь можно найти жилища и похуже. Небольшие хижины, крытые черепицей, приросли к стенам соседних домов. Здесь тоже живут рабочие. В крошечных двориках ветер колышет вывешенное белье. У водопроводной колонки гремят ведрами женщины. Редкие фонари с загрязненными стеклами стоят на углах запутанных переулков. А иногда рабочие семьи живут прямо под стенами фабрик. Так, во дворе одной из них я видела тент из мешковины, натянутый около забора. Под тентом, не прикрытые ничем от посторонних взоров, стояли железные кровати. Неподалеку что-то стряпали женщины.

На некоторых домах рабочих кварталов висят красные флаги с серпом и молотом — эмблема индийских профсоюзов. Под флагами надписи: «Фабричный рабочий союз», «Профсоюз рабочих железнодорожных мастерских». Профсоюзы города требовали повышения заработной платы. Забастовки не редкость в Пареле.

У ворот текстильной фабрики прямо на земле сидело около 200 рабочих. Молодой парень, облокотившись о каменный забор, держал в руках красный флаг. Поодаль стоял полицейский. Сидевшие изредка что-то кричали по-маратхски...

Я спросила у полицейского, что здесь происходит.

— Бастуют, — сказал он. — Весь прядильный цех не работает.

— А что они хотят?

— Все они хотят одного и того же — прибавки к заработной плате. А вот хозяин, видно, не соглашается. Они здесь сидят уже второй день...

Так живет Парель — центр пролетарского Бомбея. Здесь в труде и борьбе куются кадры рабочего класса — будущего молодой республики.

Храмы огня и башни молчания

Абсолютное большинство жителей Бомбея исповедует имдуизм. В городе есть и мусульмане. Правда, их число значительно уменьшилось после раздела страны. Часть мусульманского населения, в основном торговцы, уехала в Пакистан. Но есть в городе еще одна религиозная община — парсы. Всего их в Индии около ста тысяч, и большинство живет в Бомбее. Парсы — потомки древних персов, приверженцев зороастризма. Зороастризм был господствующей религией на территории Ирана и смежных с ним областей до арабского завоевания. После того как Иран был покорен арабами, в стране началось насильственное распространение ислама. Исповедовавшие зороастризм жестоко преследовались. На протяжении VII–XII веков значительное число зороастрийцев, скрываясь от гонений, переселилось в Индию. Одной из основ этой религии является культ огня. Часто зороастрийцев называют огнепоклонниками.

В Бомбее пять крупных парсийских храмов, или храмов огня. Самый старый из них расположен недалеко от центральных улиц города, на Принцесс-стрит. Храм был выстроен в 1713 году. Вытянутое приземистое здание чем-то напоминает китайскую пагоду. Очевидно, это сходство вызывается двумя скатами крытых черепицей крыш, построенных одна над другой. По обе стороны от главного входа храма тянутся галереи. Между колоннами галерей железные с красивым узором решетки. Наверху каждой решетки символическое изображение солнца. У входа в храм на черных досках надписи по-парсийски. Парсы имеют свой язык и письменность. Непарс в храм войти не может. Зороастрийцы ревниво берегут свои религиозные таинства.

Умерших парсы не сжигают на погребальных кострах, как это делают индусы, не предают земле по обычаю мусульман и христиан. Есть в Бомбее зловещие башни. Их называют «башни молчания». Сюда приносят парсы покойников и оставляют их. Хищные птицы-

стервятники расклевывают тела. Так «хоронят» согласно канонам религии зороастрийцев.

На Малабарском холме, вдали от города, высятся такие «башни молчания». Неподалеку от них — небольшой храм огня. Рядом находится маленькая контора, ведающая погребением. Башни окружены густыми зарослями деревьев и колючего кустарника. Издали башни напоминают огромные цистерны. Умерших кладут на верхние площадки башен. От зари до зари над этим местом вьются черные тучи откормленных стервятников. Их очень много, и кажется, что все небо над Малабарским холмом заполнено только ими. Говорят, что эти птицы-«санитары» расправляются со своей очередной «добычей» в 20–30 минут.

Точно так же как и в храмы, в башни не пускают иностранцев.

Парсы — не очень многочисленная, но крепко спаянная община. Значительная часть ее — люди состоятельные. Издавна предки парсов занимались торговлей и ростовщичеством. Эта традиция продолжается и сейчас. Есть в Бомбее немало магазинов и лавок, принадлежащих парсам. Среди парсов, особенно бомбейских, вы редко встретите нищих или безработных. Связанные единой религией и часто родственными узами, парсы охотно помогают друг другу.

Новая жизнь

Над зданием Законодательного собрания штата Бомбей развевается трехцветный флаг независимой республики. Теперь Бомбей не колониальный город, находящийся под властью английского вице-короля. Хозяевами города стали сами индийцы. В глазах людей появилось новое выражение. Исчезли чувства подавленности, забитости, рабской покорности. Бомбейцы сейчас смелее смотрят в будущее, уверенные в том, что оно принесет изменения к лучшему. Новая жизнь постепенно вступает в свои права. Она встречает на своем пути немалые трудности и препятствия. Ведь старое еще живуче, оно цепко держит подчас в своих лапах души и сознание людей, руководит их поступками. Но и все то новое, что появилось в жизни республики, не так уж слабо. Оно поддерживается и развивается прогрессивными силами страны. И Бомбей с его славными революционными традициями, с многочисленными опытными

кадрами пролетариата является одним из важных форпостов борьбы за новую жизнь страны.

За последнее время значительно изменился облик города. По утрам тысячи студентов наводняют улицы. Новая система образования позволяет многим юношам и девушкам посещать колледжи. Исчезли искусственные препятствия, насаждаемые колониальными властями в прошлые годы в системе высшего образования. Значительно расширился набор студентов в Бомбейский университет — один из крупнейших в стране. Открываются новые колледжи. Естественные и точные науки завоевывают положенное им место. Строятся новые школы. С каждым годом растет число учеников начальных классов. Меняется и сама атмосфера в школе. Здесь стараются, насколько это позволяют экономические условия страны, вырастить здоровое, энергичное поколение. Появились молодые воспитатели-энтузиасты.

Для школьников в дни каникул начали организовывать загородные лагеря. Во время моей поездки на Элефанту на склоне поросшей деревьями горы я увидела палатки. Это оказался лагерь для школьников. Место было выбрано удивительно удачно. Солнце, свежий, нежаркий воздух, недалекий берег моря. До отхода нашего катера оставалось время, и по узкой тропинке, петляющей среди зарослей, я вышла к лагерю. Меня приветливо встретила молодая девушка. Она — учительница географии. Пока мы разговаривали, вокруг нас бегали, прыгали, стучали волейбольным мячом около пятидесяти загорелых девчонок. Одни были в брюках, другие в коротких штанишках. Они были разных возрастов, приблизительно от десяти до четырнадцати лет. Эти живые, сильные и, видно, не робкого десятка девчонки ничем не напоминали своих предшественниц, тех девочек-невест, которых уродовали традиционным старым воспитанием.

— Мы здесь живем уже две недели, — сказала учительница. — Девочкам здесь очень нравится. Мы все делаем сами. Сами варим на костре, следим за чистотой. Часто совершаем дальние прогулки.

К нам подбежала коренастая, небольшого роста девочка. Она что-то спрашивала у учительницы. Черные глаза с искорками смеха смело и открыто смотрели на нас. Вот такими глазами когда-нибудь взглянет на мир будущая Индия.

В городе заметна тяга к изучению национальной культуры. Открываются библиотеки, картинные галереи. На смену грязным перенаселенным чаули приходят новые жилые дома для рабочих. На окраинах города вырастают целые улицы благоустроенных коттеджей. Таких жилищ не знал пролетариат колониальной Индии.

В Бомбейском порту реют флаги многих стран мира. Индия расширяет торговые и экономические связи с Советским Союзом. Советские корабли, груженные промышленным оборудованием, регулярно приходят в гавань Бомбея.

С помощью советских специалистов в городе создается крупный технологический институт.

Спросите вездесущего бомбейского мальчишку, что такое спутник? И вы получите исчерпывающий ответ.

В книжных магазинах города вы найдете советские издания. На них немалый спрос.

Свежие сильные ростки новой жизни пробивают себе путь сквозь старое и отживающее. Борьба между старым и новым, полная острых конфликтов, и противоречий, захватывает город.

Столица Тамилнада

Поезд шел сквозь тропическую ночь. В этих краях она наступает рано, в семь-восемь часов, и окутывает землю душным звездным покрывалом. Огни, вспыхнувшие в окнах вагонов, сделали состав похожим на огромного, быстро движущегося светляка-джугну. Мой сосед по купе, мистер Наваизи, мадрасский торговец часами, долго и детально расспрашивал меня о Советском Союзе. По делам своей фирмы он выезжал ненадолго в Бомбей и теперь возвращался домой.

— Мадрас, — заметил он, удовлетворив наконец свое любопытство, — один из старых культурных центров Южной Индии. И надо вам сказать, что современная цивилизация так и не смогла до конца уничтожить ту особую атмосферу древних традиций, которую вы можете и сейчас обнаружить в городе.

В Мадрас, один из крупных промышленных и портовых центров Индийской Республики, наш бомбейский экспресс прибыл ранним утром. Пассажиров встретили обычная суতোлка и шум, столь характерные для большого южного города. По платформам вокзала среди лоточников, торговавших сладостями и экзотическими фруктами, сновали водоносы, юркие мальчишки-газетчики, степенно и важно прогуливались босые, увенчанные красно-синими чалмами полицейские. Сквозь разноголосый шум изредка прорывались отдельные выкрики:

— Лучшее в мире мороженое «Рита»!

— Вода, содовая вода!

— Флейты, флейты! Мэм-саб, купите флейту, и вы будете счастливы.

— Раковины, прекрасные раковины со дна Индийского океана!

— Покупайте «Индиан экспресс» — лучшую газету Юга.

Где-то совсем рядом голос нищего монотонно и невыразительно твердил:

— Сахиб, только одну пайсу.

И так без конца.

Окруженный зарослями кокосовых пальм и банановыми рощами, Мадрас вытянулся на восемь миль вдоль побережья Бенгальского залива. Этот третий по величине город Индийской Республики

является сейчас столицей одноименного штата. Общая территория, занимаемая им, достигает 50 квадратных миль. В Мадрасе живет около полутора миллионов человек.

Город сравнительно молод. В середине XVII века управляющий факторией английской Ост-Индской компании в Амаргаоне Фрэнсис Дей получил в аренду от раджи Чандрагири участок на берегу Бенгальского залива. Будучи дальновидным политиком, Дей начал свою деятельность на вновь приобретенной земле с постройки форта. Форт получил имя святого Георгия. На территории, ранее принадлежавшей нескольким деревням индийских рыбаков, стало расти поселение европейских хищников-торговцев. С этого момента судьба нового города оказалась весьма тесно связанной с развитием и становлением Британской колониальной империи.

Развиваясь в противоречивых условиях колониальной страны, Мадрас, в прошлом имел два лица. Одно — английский укрепленный город, с европейскими фирмами, комфортабельными отелями, правительственными учреждениями. Жизненным центром, сердцем этого города-хищника была гавань. Через нее шли в страну дешевые английские ситцы и прибывали британские военные части. Отсюда же отходили корабли, груженные дешевым колониальным сырьем, и полноводной рекой текли колоссальные прибыли в английские банки.

Другое лицо — индийские кварталы, так называемый «черный» город. Его заселяли мелкие ремесленники и лавочники, бесчисленные слуги из неприкасаемых каст. Позже здесь появились изможденные люди, взгляд которых говорил о жизни, полной лишений и непосильного труда. Они работали на хлопчатобумажных фабриках. Индийский город был городом-слугой. Его темнокожие обитатели должны были заботиться об удобствах и благополучии белых сахибов из английских кварталов. Здесь не было роскошных особняков, больших магазинов, дорогих ресторанов, широких улиц и благоустроенных парков. Над морем глинобитных хижин и небольших домиков, крытых пальмовыми листьями и красной черепицей, пенилась каменная резьба индусских храмов. Узкие улочки тускло освещались пыльными керосиновыми фонарями.

Еще тридцать лет назад Мадрас был небольшим городом, основная часть которого концентрировалась вокруг форта. Теперь городские кварталы ушли за пределы прежних границ. Значительно расширился

район форта — Педдунайкенпет, заселенный дельцами, крупными торговцами. Разрослись улицы «черного» города, центром которого стал район Трипликейн.

Бывшая английская часть Мадраса прижалась к побережью океана. Между океаном и городскими кварталами тянется широкая асфальтированная лента набережной. Мадрасская «Марина» — так называется набережная — вторая по длине в мире. На ней разместился ряд достопримечательных сооружений. Здесь можно видеть купола Верховного суда, строгие колонны и бастионы форта, незатейливые корпуса Мадрасского университета и вычурный, построенный с феодальной роскошью дворец навабов Карнатака. Готический шпиль католического собора святого Фомы завершает достопримечательности «Марины».

Вечерами, когда вдоль набережной вспыхивают зеленые фонари, мадрасцы приходят сюда отдохнуть и развлечься. У входов фешенебельных кафе зазывающе переливаются разноцветные электрические лампочки, скрытые в ветвях деревьев. В ярко освещенные залы врывается шум океанского прибоя. В кафе приходят послушать джаз и выпить чашку крепкого ароматного индийского чая бизнесмены, бывшие навабы, богатые американские и европейские туристы.

Публика менее состоятельная довольствуется прогулкой по набережной да пакетиком жареного арахиса, который предлагают уличные торговцы.

Присматриваясь к гуляющим и проходящим людям, вы можете заметить, что цвет их кожи гораздо темнее, чем у уроженцев Северной Индии. Большинство жителей Мадраса принадлежит к дравидийской группе народов. Одежда мадрасцев несколько отличается от той, которую встречаешь в Бомбее, Лакхнау или Дели. Мужчины носят дхоти в виде своеобразной легкой юбки. Женщины зачастую пренебрегают короткими кофточками, драпируясь только в сари. Обувь — отнюдь не обязательная часть одежды даже состоятельных горожан. Местный климат способствует такого рода особенностям. Мадрас — одно из жарких мест тропической Индии. Мне сказали, что здесь существует только три сезона: жаркий, более жаркий и самый жаркий. Это действительно так.

Несколько шагов в сторону от «Марины» — и вы попадаете в совершенно другой мир. На узкой прибрежной полосе живут рыбаки. Атмосфера тяжелого труда, повседневных опасностей и нищеты царит на этом песчаном клочке. Его обитателей кормит океан. Но если иногда океан и бывает щедр и улов богат, то люди, появляющиеся каждое утро на берегу, платят рыбакам гроши за самые ценные сорта рыб. В карманах скупщиков оседает большая часть денег, заработанных рыбаками в честном поединке с океаном. И не даром в Мадрасе говорят, что рыбаки кормят тысячи ртов, но не свой собственный.

Рыбачьих деревушек на берегу несколько, и все они похожи друг на друга. Глиняные лачуги, крытые пальмовыми листьями, расположены таким образом, что между ними остаются только крохотные улочки и узкие проходы. В грязном песке этих импровизированных улиц копошатся голые худые дети, сидящие на корточках женщины продают мелкую рыбешку.

Перед деревней, у самой кромки прибоя, лежат большие рыбацкие лодки, небольшие парусные боты и катамараны. Катамаран — это несколько бревен, связанных веревкой. Наблюдая за скачущими по гребням волн непрочными сооружениями, удивляешься, как могут рыбаки балансировать на них.

Около лежащих на берегу лодок, среди сохнувших сетей возятся рыбаки — хорошо сложенные, статные люди, кожа которых стала совсем черной под лучами жестокого тропического солнца. Их тела обнажены, только на бедрах — узкая полоска ткани. Головы прикрыты своеобразной шапочкой, сделанной из рогожи и напоминающей остроконечный колпак. Мне удастся разговориться с одним из них. «Выходить в море нам приходится в любую погоду, — рассказывает рыбак, — даже если оно бурное. Ничего не поделаешь, иначе дети не получают и той скудной пищи, которую они и так имеют не каждый день». И в этих словах горькая правда.

Со стороны города к набережной примыкает Маунт-роуд — главная улица Мадраса. Она пересекает городские кварталы с юго-востока на северо-запад на протяжении трех миль. После набережной — это самая большая улица города и его деловой центр. Здесь сосредоточена значительная часть больших магазинов, деловых учреждений и представительств. Среди них многие принадлежат

иностранным фирмам и компаниям, особенно английским и американским. На огромных рекламках и вывесках пестрят имена и названия компаний: Ньютон, Спенсер, Симпсон, Эддисон, Джордж Окс, «Компания Чикагского радио и телефона» и т. д. Это они импортируют в Индию автомобили и мотоциклы, сельскохозяйственные машины и холодильники, электротовары и радиоприемники.

Гавань в Мадрасе — сооружение искусственное. Еще пятьдесят лет тому назад корабли бросали якорь в открытом море, а грузы и людей свозили на берег на шлюпках.

Океанские валы затрудняли работу порта, и в 1868 году была сделана попытка создать гавань. Однако она потерпела неудачу: бурный океан смыл строившуюся стену. Только в начале нашего столетия была сооружена огромная гавань, массивные стены которой надежно защищают причалы от океанских волн. Акватория мадрасской гавани составляет 200 акров, а уровень воды колеблется между 34 и 37 футами.

К воротам порта ведут основные магистрали города. Через груды сваленных на земле товаров, через рельсы узкоколейки вы пробираетесь к причалам. На небольшом пространстве бухты, отвоеванной у моря, стоят океанские суда, морские транспортные корабли, рыбацкие шхуны, таможенные катера. Жаркий влажный ветер полощет на мачтах флаги различных стран мира. Грузооборот Мадрасского порта увеличивается из года в год. Экономические потребности развивающейся молодой республики велики. В страны Европы и Азии, Африки и Австралии везут корабли индийское сырье и промышленные товары. Сюда же они приходят груженные необходимым для индийской индустрии оборудованием.

Значительная часть погрузочно-разгрузочных работ в гавани механизирована. Мощные краны медленно опускают стальные щупальца в люки стоящих на рейде судов, и над головами работающих внизу плывут ящики, тюки, мешки. Однако погрузку прибывших товаров в железнодорожные вагоны производят вручную. Изможденные и дочерна обожженные солнцем грузчики таскают на худых спинах тяжелые тюки. Тут же у вагонов часть товаров укладывается на обычные телеги, запряженные парой буйволов. Нередко в такую телегу вместо буйволов впрягаются два кули. Третий

помогает им, толкая телегу сзади. Такие упряжки все время тащатся по дорогам от порта и к порту. Человеческий труд очень дешев. Портовики за изнурительный рабочий день получают одну-две рупии. Однако не всегда кули могут найти даже такую работу.

Старая, индийская часть города является хранительницей тех вековых духовных традиций, о которых говорил мой спутник в поезде. Индусы составляют большинство жителей бывшего «черного» города. Мусульман в Мадрасе немного. В последнее время несколько выросла незначительная община сикхов за счет беженцев с севера. Среди представителей бывших неприкасаемых есть христиане. Мадрас знаменит своими храмами. Самый большой из них — в Малапуре. Причудливый, покрытый каменной скульптурой купол высится над плоскими крышами домов соседних кварталов. Храм посвящен богу Шиве. У подножия его в тени деревьев сидят нищие. Едва прикрытые разноцветными лохмотьями женщины набрасываются на прохожих и кланчат бакшиш. Вы входите внутрь. Здесь неверный свет дипаков выхватывает из полумрака каменные и деревянные изображения индусских богов. Курятся благовонные палочки, бесшумно двигаются обнаженные до пояса жрецы. В храме душно и жарко.

Приятно выйти вновь на улицу, залитую ярким тропическим солнцем. Храм отражается в воде «священного» водоема, по берегам которого растут кокосовые пальмы. На ступеньках, спускающихся к водоему, сушат свое платье принявшие ванну в «священных» водах. Здесь с восходом солнца совершают пуджу сотни горожан. Каждый день первые лучи солнца освещают покорно склоненные головы молящихся... Неподалеку от храма в тени большого баньяна можно увидеть несколько грубо вытесанных из черного камня фигур. «Эти божества, — говорит мой гид, — помогают женщинам излечиваться от бесплодия». У камней на корточках сидят несколько женщин. Из боковой улочки, примыкающей к храму, внезапно раздаются звуки барабана и нестройное пение. Из-за поворота появляется весьма странная процессия. Впереди шествия идут музыканты и бьют в барабаны и литавры, вслед за ними несут человека, сидящего под балдахином. Несколько пляшущих мужчин замыкают процессию. Поза и лицо сидящего неестественны. Как выясняется, процессия — похоронная, а человек под балдахином — покойник. И с первого взгляда кажется, что время остановилось на этих узких улицах около

храма и люди живут и думают так, как тысячелетия назад. Но это только с первого взгляда...

Свежий ветер новой жизни уже ворвался на улицы Мадраса. Он развеивает над фортом трехцветный флаг независимой республики. И хотя еще многое напоминает о тяжелом колониальном прошлом, которое глядит на нас статуей Мунро на главной улице, звучит в названиях улиц, смотрит голодными глазами рикши и безработного, город уже начинает жить по-иному.

Мадрас имеет сейчас одну важную особенность — он растет. Улицы застраиваются домами современного типа, появляются новые государственные учреждения. На окраинах возникают жилые кварталы для низкооплачиваемых служащих и рабочих. На смену рикшам, тонгам приходит хорошо налаженное автобусное сообщение, контролируемое правительством штата.

Постепенно исчезают границы между английскими и индийскими кварталами. Обе части города — индийские, и их хозяева — индийцы. Это чувствуется повсюду. На Маунт-роуд — в бывшей резиденции английских губернаторов — разместилось Законодательное собрание штата Мадрас. В другом здании, принадлежавшем когда-то колониальным хозяевам, в так называемом зале для банкетов теперь собираются национальные общественные организации. Места, где раньше могли бывать только английские офицеры и чиновники, открыты для всех горожан.

В последнее время в городе создано несколько институтов, призванных помогать молодой развивающейся промышленности республики. Новые политехнический и технологический институты обучают национальные кадры теоретическим и практическим основам таких наук, как станкостроение, электротехника, прикладная физика.

Если до независимости основной промышленностью Мадраса была легкая, а текстильный комбинат компании «Бэкингэм энд Карнатак миллз» являлся крупнейшим, то теперь начинают развиваться совершенно новые отрасли национальной промышленности. Появились первые автомобильные заводы, заводы тяжелого машиностроения. Правда, часть новых промышленных предприятий создана американским капиталом.

Американские дельцы проявляют большой интерес к богатой Индии. Это очень чувствуется и в Мадрасе. Раскройте недавно

изданный путеводитель по городу. На одной из первых страниц — панорама Мадраса, и на его переднем плане — звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов. Этот флаг развевается над зданием американского информационного центра, разместившегося на главной улице. Неподалеку отсюда находится информационная служба США и информационная библиотека. В городе есть ряд американских миссий. На шумных улицах, в порту, на берегу океана вы встречаете американских туристов. Владельцы фешенебельных отелей хорошо зарабатывают на богатых клиентах. По вечерам эти люди веселятся в дорогих ресторанах. Однако американцы, отличающиеся развязными манерами, не вызывают у простых мадрасцев симпатии. Зато подлинный интерес и сочувствие проявляются в людях, когда они расспрашивают вас о Советском Союзе. Мне приходилось бывать во многих уголках города. И везде — на улицах, в гавани, в рыбацких деревнях, в университете, в храмах — я чувствовала огромное дружелюбие и доброжелательность мадрасцев. Узнав, что я русская, люди становились очень общительными, расспрашивали о многом. Правда ли, что в Советском Союзе бесплатное медицинское обслуживание, действительно ли рабочий может купить автомобиль, участвуют ли женщины в общественной жизни страны наравне с мужчинами, скоро ли космические ракеты СССР достигнут Луны. И круг вопросов, и то, как мои слушатели воспринимали ответы, свидетельствовали о глубоком интересе к нам, советским людям, к нашей стране.

...Большой и интересный город лежит на берегу океана. Он медленно, но упорно освобождается от всего того, что связывало его с мрачными временами колониального прошлого. И недалеко те времена, когда Мадрас окончательно превратится в подлинно национальный промышленный центр независимой Республики Индии.

В стране кокосовых пальм

Немного истории

В декабре 1958 года в Тривандраме, столице штата Керала, на рождественских каникулах проходил Всеиндийский конгресс историков. Получив приглашение на Конгресс, я выехала 23 декабря из Мадраса.

По мере продвижения на юг становилось все жарче. Работавшие на всю мощь вагонные фены не приносили заметного облегчения. Поросшие лесом Западные Гхаты вплотную подступали к линии железной дороги. Поезд медленно шел сквозь настоящие джунгли. С развесистых крон деревьев свешивались причудливые тросы лиан. Они обвивали стволы высоких пальм. Вперемежку с пальмами росли дикие бананы. Резные перья папоротника пробивались сквозь густые заросли кустарников. Над джунглями стоял многоголосый птичий гомон. Синие, зеленые, желтые, фиолетовые птицы порхали в ветвях деревьев. На повороте железнодорожного полотна из кустов поднялась серо-зеленая кобра. Ее капюшон угрожающе раздулся, а маленькие холодные глазки злобно уставились на проходящий поезд. В этих джунглях до сих пор еще сохранились стада диких слонов.

Кончились горы, и потянулась прибрежная полоса. Все пространство, насколько хватало глаз, было покрыто густыми зарослями кокосовых пальм. Среди зарослей виднелись остроконечные глинобитные хижины и крытые красной черепицей низенькие домики. Пальмы, пальмы и пальмы... Они глядят в зеркальные воды лагун, окружают деревни и поселки, скрывают от взглядов железнодорожные строения.

На одной из небольших станций ко мне в купе вошел плотный пожилой человек.

— Морез, — представился он. — Секретарь Конгресса историков. Я узнал, что вы едете тем же поездом.

Он долго расспрашивал, чем я занимаюсь, как преподают у нас историю Индии, какие труды издают советские индологи.

— В Керале, — сказал господин Морез, — сессия Конгресса собирается впервые. Это очень интересный штат. Впрочем, вы сами

увидите.

...Керала — одна из своеобразных и древних национальных областей Южной Индии. Современный штат Керала, населенный народом малаяли, вытянут узкой полоской вдоль юго-западного побережья Индостанского полуострова. Это самый маленький штат Республики Индии. Его площадь — около 15 тысяч квадратных миль, население — 13,5 миллиона человек. Плотность населения чрезвычайно высокая. Штат не обладает ни крупной современной промышленностью, ни значительным числом городов. В сельских округах сосредоточено около 87 процентов населения.

По уровню грамотности (43 процента населения) Керала идет впереди других штатов.

Большинство малаяли по религии — индуисты, но есть христиане-католики (около 22 процентов) и мусульмане. Индуизм — религия коренного населения. Наличие же других религий свидетельствует о разнообразных влияниях и связях с внешним миром, которые Керала имела еще в древние времена. Так, христианство было завезено сюда сирийцами. В городе Куилон оно пользовалось наибольшим влиянием. Марко Поло, посетивший эти места в 1293 году, нашел здесь внушительную христианскую общину. Мусульманство пришло сюда тоже не совсем обычным путем. Оно не было результатом экспансии индийских мусульманских империй. Его завезли сюда арабские купцы. В XIV веке в Куилоне имелось уже пять мечетей. Есть в Керале и небольшая еврейская община — около двух тысяч человек. Это потомки людей, прибывших с торговыми кораблями царя Соломона в X веке до нашей эры, а также более поздних переселенцев из Иерусалима. Мусульманские пираты, делавшие набеги на побережье Кералы, не раз разрушали синагоги.

В горах живут племена, находящиеся на примитивной стадии развития. Большинство из них занимается охотой, рыболовством, и лишь некоторые — сельским хозяйством. Племена пандарамов и уллатанов до сих пор еще используют лук и стрелы.

В процессе складывания Кералы как отдельной национальной области выделилось три района: Траванкур, Кочин и Малабар. Каждый из них имеет свою историю.

Древнее предание гласит, что Керала появилась из глубин океана, когда Парасурама, одно из воплощений бога Вишну, вел жестокую

войну против кшатриев. Предание, очевидно, имеет под собой определенное основание, так как предполагают, что эта территория образовалась в результате отступления океана. Расположенная на удобном юго-западном побережье, Керала издавна славилась своими морскими торговыми связями. Тысячи лет тому назад в прекрасно оборудованные порты приходили финикийские корабли. Они привозили золото и покупали специи и слоновую кость. Керала вела оживленную торговлю с Грецией и Римом. В порту Кранганур был построен римскими колонизаторами храм в честь императора Августа. Римский историк Плиний назвал этот порт «лучшим торговым центром Индии».

Начиная с IX века на территории Кералы правила династия Чера. После этой династии страна распалась на ряд враждующих между собой феодальных княжеств. Часть штата, известная сейчас как Траванкур, была княжеством Шривазхум Коде (что значит на языке малайялам «место процветания»). Позднее княжество стало называться Тхирувитханкоду. Англичане переделали это слово на «Траванкур». Богатые земли княжества издавна привлекали внимание европейцев. В XVI веке там пытались обосноваться португальцы. Они начали строить форт в Квилоне. Португальцев вытеснила голландская Ост-Индская компания. Голландские воины-торговцы бесцеремонно вмешивались во внутренние дела княжества. Меч и золото были главным оружием в их руках. Но удержаться в Траванкуре им не удалось. Берег пряностей дразнил воображение и британских рыцарей наживы. В 1684 году английская Ост-Индская компания основала свою первую факторию вблизи Квилона. А в 1795 году раджа Траванкура вынужден был подписать неравноправный договор с компанией. Английский полковник Маколей стал первым резидентом в княжестве. В начале XIX века раджа Траванкура обязался платить Ост-Индской компании контрибуцию в 800 тысяч рупий якобы за расходы, которые несла здесь компания по обороне. С этого момента Траванкур окончательно теряет свою самостоятельность.

Португальцы более успешно действовали на территории Кочина. Но и это княжество в конце концов не избежало субсидиарного договора с английской Ост-Индской компанией. На Малабаре португальские купцы появились после высадки Васко да Гама в Каликуте в 1498 году. Они основали здесь ряд торговых центров,

вывозили отсюда ценные пряности. Обман и грабеж сопровождали их торговые операции. В XVIII веке Малабар стали рвать на части три европейские державы: Голландия, Франция и Англия. Победительницей в этой борьбе оказалась Англия, и Малабар был присоединен к ее владениям. Раздробленный между несколькими феодальными княжествами, свободолюбивый малайяльский народ на всем протяжении колониального периода вел решительную борьбу против английских захватчиков и местных феодалов. Объединение земель малайяли воедино было одним из требований борцов за свободу.

В 1947 году Индия достигла завоеванной в жестоких боях независимости. Княжества Траванкур и Кочин были объединены под властью одного раджпрамукха. А в 1956 году, после ликвидации феодальных княжеств и реорганизации штатов, был создан национальный штат малайяли — Керала. В него вошли Траванкур, Кочин и Малабар.

«Мы хотим знать, что происходит в Керале»

Весной 1957 года в штате состоялись вторые всеобщие выборы. На них коммунисты в блоке с независимыми завоевали 65 мест из 126 в Законодательное собрание штата. Впервые за всю историю Индии коммунисты получили возможность сформировать правительство. Девять министров-коммунистов и два независимых приступили к своим обязанностям. Правительство возглавил один из виднейших лидеров Коммунистической партии Индии — Е.М.Ш. Намбудурипад. Положение в штате было тяжелым. Народ одного из богатейших штатов не имел ни достаточного количества земли, ни хлеба, ни одежды. Число безработных доходило до 70 тысяч. Значительная часть богатств сосредоточивалась в руках иностранных и местных плантаторов. Бюджет штата был дефицитным. Новое правительство действовало в рамках индийской конституции. Но оно много сделало для того, чтобы выполнить программу, на основе которой пришло к власти.

Народ Кералы стал пользоваться более широкими демократическими свободами. Была сокращена заработная плата высшим чиновникам. Сами члены правительства добровольно отказались от части положенного им министерского жалованья.

Скромные и трудолюбивые, они ликвидировали ту помпу, которая обычно сопровождала появление министров в общественных местах. Образ жизни министров ничем не отличался от образа жизни средних слоев штата. Правительство приняло закон об образовании. Из 10 тысяч школ в штате 7 тысяч находилось в частных руках. Католическая церковь играла крупную роль в школьном образовании. По существу дело народного образования в штате было превращено в бизнес, на котором наживались ловкие дельцы. Школьные учителя не имели элементарных прав, и их заработная плата была чрезвычайно низкой.

По новому закону правительство взяло в свои руки оплату труда учителей. В результате сократилось влияние католической церкви на народное образование. Зарботная плата учителей была значительно повышена. Для них ввели систему пенсий и социального страхования.

Закон предусмотрел бесплатное и обязательное начальное образование.

За время деятельности правительства, возглавляемого коммунистами, улучшилось положение рабочего класса Кералы. Все профсоюзы получили признание, и ряд законов, ограничивавших их деятельность, был отменен. Расширилась демократическая база специальных бюро по улаживанию конфликтов в промышленности. В результате создания новых промышленных предприятий увеличилась занятость рабочего класса. Правительство установило фонд помощи безработным. Зарботная плата рабочих фабричной промышленности повысилась на 50-100 процентов. Был установлен минимум заработной платы для плантационных кули и сельскохозяйственных рабочих.

Особое внимание коммунисты уделяли аграрному вопросу. В штате очень высок процент безземельного крестьянства. 750 тысяч акров пустующих земель было отдано безземельным. В законодательном порядке запретили сгон крестьян-арендаторов с земли. Новый законопроект об аграрных отношениях ликвидировал старую систему феодальных поборов, снизил арендную плату и установил ее максимум. Керала оказалась одним из немногих штатов, где был установлен предел помещичьего владения. Излишки земель изымались у помещиков и продавались крестьянству.

Налоговая политика правительства вносила кое-что новое. Основное бремя налогов было переложено на плечи плантаторов и крупных капиталистов штата.

Естественно, что такие мероприятия пришлись кое-кому не по душе ни в штате, ни в центре. В результате оппозиционно настроенные партии и организации пошли на ряд провокаций и открытых выступлений против правительства. В Керале создалось напряженное положение. Общественность страны проявляла самый острый интерес к тому, что происходило в штате. Индийская пресса заполняла свои полосы информацией о Керале. Одни газеты давали очень разноречивые сообщения, другие старались сохранить какую-то объективность, третьи не скрывали своей враждебности.

Что же на самом деле происходило в «стране кокосовых пальм»? Этот вопрос волновал многих. Действительно ли там царит «коммунистический террор», как это пытались доказать некоторые политические деятели и крупные буржуазные газеты, или же примеру Кералы должны последовать и другие штаты? Многим это было неясно. Противоречивые сообщения в прессе часто сбивали с толку. Одни, читая по утрам «Таймс оф Индия» или «Хиндустан стандарт», верили написанному в них, другие сомневались и хотели увидеть все собственными глазами.

И вот поэтому очередной Конгресс историков, собравшийся в Тривандраме, привлек небывалое число участников. Только одних делегатов было более четырехсот. Большинство делегатов приехало с семьями, родственниками и друзьями. Среди прибывших на Конгресс были не только историки. Я встречалась и разговаривала с математиками, физиками, химиками, врачами. «Нет, — говорили они мне, — работа Конгресса историков нас не интересует. Мы хотим знать, что происходит в Керале».

Всеиндийский конгресс историков

Делегатов Конгресса разместили в общежитии университета, которое пустовало. Студенты разъехались на рождественские каникулы. Остались только волонтеры, обслуживающие Конгресс. Накануне вечером они размещали делегатов по комнатам, давали необходимые справки, разносили материалы Конгресса, следили за

порядком, показывали нам город. Они служили и переводчиками — ведь делегаты, прибывшие из других национальных областей, не знали языка малаялам, а английский не всегда мог помочь. Дхоби-малаяли, не знавший английского, объяснялся с делегатами только через переводчика. На улице в Тривандраме я была свидетельницей интересной сцены. Делегаты-бенгальцы пытались разговаривать с группой крестьян, приехавших в город на рынок. Однако малаяли не понимали бенгальцев. Объяснение проходило в основном жестами.

Выстроенные в готическом стиле здания университета находятся на одной из центральных улиц. Двухэтажные корпуса студенческого общежития, расположенные буквой «П», окнами повернуты во внутренний двор. Комнаты в общежитии просторные, с большими окнами. В них стоят простые деревянные кровати с досками вместо сеток и небольшие столики. В каждой комнате размещается от двух до четырех студентов. В конце длинных коридоров — ваннные комнаты. Но ни ванн, ни душа там нет. Вода из крана, вделанного в стену, льется прямо на цементированный пол.

В первую же ночь в кровати, на которой я спала, оказалась масса клопов. Индийские клопы были голодные и очень кусачие. Их удивительно «удачно» дополняли москиты. Я не буду описывать весь трагизм этой ночи. Утром я узнала, что другие были не в лучшем положении. Впоследствии нас спасал порошок ДДТ.

Столовая расположена во дворе общежития. Это два длинных и приземистых одноэтажных здания. В одном из них — вегетарианский стол, в другом — невегетарианский. В вегетарианскую столовую ходят индусы высших каст. Там подают рис на банановых листьях и овощные соусы в медных ковшиках. Однако невегетарианцев больше. Нас кормят вкусным пловом, остро приправленным мясом, вареными бананами. Не всякий банан можно сварить. Керала — одно из немногих мест, где можно достать этот редкий сорт. Эти бананы гораздо крупнее обычных, цвет их кожуры красновато-желтый. Вареные бананы имеют приятный своеобразный вкус.

В комнате слева от меня живут три студента-историка из Калькутты, справа мистер Гупта — преподаватель Калькуттского университета. В моей комнате — студентка из Делийского университета. Все мы подружились с самого начала и везде ходим вместе. Иностранцев на сессии очень немного. Кроме меня, приехали

Лю, аспирант Пекинского университета, изучающий историю Индии в Бенаресе, Крюгер, советник посольства ГДР, один арабский историк, два американца. Американцы не живут вместе с делегатами. Они остановились в одном из фешенебельных отелей города.

Определенный интерес к Конгрессу проявляет католическое духовенство. Белые сутаны все время мелькают среди групп делегатов. Мне кажется, что этот интерес не ограничивается проблемами истории. Люди в сутанах ведут разговоры на очень острые политические темы. «Святая» оппозиция стремится «проинформировать» делегатов о положении в Керале до того, как состоятся встречи с представителями правительства.

25 декабря открылась сессия Конгресса историков. Делегаты собрались в просторном зале здания сената университета. На сцену, украшенную цветами, поднялись руководители общественности Кералы. Три девушки, студентки университета, спели приветственную песню. С короткими речами выступили главный министр штата Намбудирипад, губернатор Кералы Рамакришна Рао и проректор университета Джон Маттхаи. В период сессии работали четыре секции: древней истории, средневековой истории, современной истории и истории Кералы. Последнюю секцию возглавлял министр образования Кералы Джозеф Мундассери.

Новые времена республики ставят новые задачи перед историками страны. Если сравнить тематику докладов сессии в Тривандраме с предыдущими сессиями, то становится очевидным, что индийских историков все больше и больше начинают занимать проблемы социально-экономического развития страны. Простая систематизация фактов, не сопровождаемая анализом, уже перестает привлекать внимание наиболее передовой части членов Конгресса. Но новые тенденции не так быстро пробивают себе дорогу. Процесс демократизации исторической науки сложный и трудный. В Конгрессе еще сильны позиции ученых, которые не отошли от старых канонов, установившихся в исторической науке в колониальный период. Но сейчас под влиянием новых веяний начинает формироваться группа молодых, прогрессивно настроенных историков. Вечером первого дня сессии ко мне в комнату вошел высокий юноша.

— Моя фамилия Хуссейн, я из Делийского университета. Мне бы хотелось узнать, какие основные проблемы сейчас интересуют

советских историков.

Я рассказала.

— Вот видите, — заметил мой собеседник, — большинство этих проблем социально-экономические. А наши руководители боятся ставить такие вопросы на обсуждение Конгресса. Да и вообще у нас в работе много недостатков. Хотите, я вас познакомлю с моими друзьями. Вам, очевидно, будет интересно поговорить с ними.

Мы выходим из комнаты, спускаемся во двор общежития, а нас там уже ждут. Это молодые преподаватели университетов Нагпура, Бенареса, Дели. Мы говорим долго. Часы на городской башне бьют одиннадцать, двенадцать, час. Мои собеседники очень взволнованы.

— Понимаете, — говорит один из них, — мы должны сломать старые традиции. На сессиях Конгресса должны заслушиваться только лучшие доклады.

— Необходимо определить заранее основное направление в работе сессии, — говорит другой, — выбирать важные темы, которые вызовут споры и обсуждения.

— Да, обсуждений у нас очень мало, — говорит Каул, занимающийся историей в Нагпурском университете. — И, самое главное, мы должны глубоко заниматься изучением социально-экономических вопросов. Правда, на этой сессии докладов с таким уклоном больше, чем на предыдущих. Но ведь этого еще мало.

Я узнаю, что многие из моих собеседников хорошо знакомы с произведениями Маркса, Ленина, с трудами советских историков.

— Мы в Делийском университете хотим основать журнал. В нем будут подниматься основные вопросы нашей науки. Мы будем рады, если советские индологи примут в нем участие. Правда, мы не знаем, когда сможем это сделать. Вы ведь знаете, все это связано с деньгами, а у нас их мало.

Мы говорим еще о многом, и мне становится ясно, что эта небольшая группа молодых ученых займет в недалеком будущем крепкие позиции в Конгрессе историков.

В течение работы сессии Конгресса в здании муниципалитета Тривандрама была открыта выставка исторических документов и источников XV–XVIII веков. В большом полутемном зале в многочисленных витринах были расположены ценнейшие документы. Они относились в основном к истории Южной Индии. Документы на

языках телугу, малаялам, каннада. Документы, написанные на пальмовых листьях, медных дощечках, пергаменте, обычной бумаге. Документы, освещающие финансовое положение страны, описывающие общественные работы, утверждающие права собственности, фиксирующие договоры между феодальными государствами. Письма на пальмовых листьях писались, оказывается, еще совсем недавно. Я видела такое письмо об осаде Бангалура (конец XVIII века). Тем же способом велась переписка между британским правительством и раджей Траванкура. Перед употреблением пальмовые листья подвергались специальной обработке. Их высушивали, подгоняли по ширине, скрепляли между собой. Приготовленный таким образом материал скатывали в рулоны и отрезали необходимые для письма куски. Такой рулон, но изготовленный в наше время, лежал в одной из центральных витрин выставки. Экскурсовод, работник исторического архива штата, дал мне кусочек рулона. Это был действительно добротный материал для письма.

— У нас в штате, — сказал он, — есть целая библиотека на пальмовых листьях, ценнейшие материалы для изучения истории Кералы.

— Они все написаны на языке малаялам? — спросила я.

— Нет, есть документы, и их довольно много, на португальском. Те, кто изучает средневековую историю Кералы, должны знать и португальский. Наиболее важные документы мы сейчас готовим к изданию.

Город среди пальм

Тривандрам — нынешняя столица Кералы — небольшой, но очень своеобразный город. Он занимает территорию в 17 квадратных миль и насчитывает около 200 тысяч жителей. Имя города произошло от слова «Тируванантапурам», что значит «город святой змеи Анант». Расположен Тривандрам на невысоких холмах. Если подняться на самое высокое место, бывшую обсерваторию махараджи Траванкура, то не увидишь привычной городской панорамы: городских улиц и нагромождения домов. Все пространство города, начиная от голубой полосы моря до самого горизонта, покрыто пальмами. Легкий влажный ветер катит перистые волны по зеленому океану. И только изредка среди этих зарослей видны самые высокие здания города. А их совсем немного — пять-семь, не больше. Большинство зданий Тривандрама — одноэтажные белые домики, крытые красной черепицей. От центральной улицы, которая так и называется «Мейн-роуд» — Главная улица, во все стороны тянутся узенькие улочки и переулки. Они всегда в тени. Перистые кроны кокосовых пальм образуют над ними зеленые купола. Яркое тропическое солнце с трудом пробивается сквозь густую листву. На окраинных улицах все чаще попадаются простые глиняные хижины, крытые сухими пальмовыми листьями. Эти улицы очень напоминают деревню.

В пальмовые заросли врезана зеркальная гладь каналов. Они, соединенные небольшими речушками, выходят к океану, тянутся к лагунам и озерам. В искристой поверхности каналов отражаются прибрежные пальмы. У пристаней грудami свалена кожура кокосовых орехов. Волокнистая часть этой кожуры — койра — один из главных видов сырья в штате. Здесь же оно и перерабатывается. В штате около 120 фабрик по переработке койры. Из волокон кожуры ореха делают пряжу.

По спокойной воде каналов скользят лодки, нагруженные койрой. Лодочники, стоящие на корме, упираются длинным шестом в дно канала, и лодка медленно передвигается. Мускулистые бронзовые тела лодочников полуобнажены, вокруг бедер обмотаны короткие дхоти или просто набедренные повязки. Грудь и спина блестят от пота. Очевидно, передвигать лодку таким способом не так уж легко. На

некоторых суденышках на низеньких распорках натянуты циновки, и эти лодки напоминают маленькие плавучие домики. По берегам каналов и маленьких речушек дхоби стирают белье. Ранним утром они приходят сюда с узлами и до захода солнца стоят по колено в воде. Ослепительно сверкающая под лучами тропического солнца поверхность воды целый день жжет незащищенные глаза дхоби, и поэтому глаза воспалены. Во время работы дхоби не могут укрыться под черными зонтиками, которыми пользуется большинство горожан, появляющихся на улицах после полудня.

Тривандрам — одно из древнейших поселений на юго-западном побережье Индии. Самое древнее сооружение в городе — индусский храм Анантхасьянам, посвященный богу Шиве. Предание гласит, что храм был построен в 3100 году до нашей эры. Трапецеобразный купол украшен каменной резьбой. У входа на гранитных колоннах высечены мифологические животные. 368 таких колонн тянутся через галереи храма. По берегам храмового водоема лепятся друг к другу белые домики под черепичными крышами. Жрецы свято соблюдают старые традиции, и иноверцы в храм не допускаются.

О недавнем прошлом Тривандрама напоминают дворцы махараджи. Один из них сейчас принадлежит правительству штата, и в нем устраиваются приемы. В другом живет бывший махараджа и раджпрамух бывшего княжества Траванкур-Кочин. Дворец скрыт от взоров прохожих надежной оградой и густым парком. У ворот стоят стражники в белых тюрбанах. Без разрешения махараджи туда войти нельзя. Чтобы разглядеть дворец, мне пришлось подняться на крышу харчевни, расположенной против княжеских владений. С крыши я увидела ничем не примечательное белое здание, напоминающее архитектурой русскую помещичью усадьбу. В саду перед домом несколько сидящих на корточках мужчин выдергивали траву. Дорожки парка были освещены обычными уличными фонарями. «Махараджа, — сказал мне хозяин харчевни, — ведет сейчас весьма замкнутый образ жизни и почти никуда не выезжает. А были времена, когда перед ним гнул спины весь город. Да, — улыбнулся он, — теперь не те времена».

Неподалеку от университета, за оградой городского парка расположился музей. Определить, в каком стиле он построен, трудно. Стены покрыты правильным геометрическим орнаментом. Их венчает

причудливое сочетание островерхих крыш. Узкие коридоры музея заканчиваются большими залами. Здесь вы найдете отделы, посвященные древней истории штата. Каменные изваяния богов и мифологических героев, каменные таблички с надписями, старинная южноиндийская бронза, резьба по слоновой кости. В музее собрана прекрасная коллекция произведений малаяльского ремесла. Сюда нередко школьные учителя приводят группы ребят, и те с напряженным вниманием слушают рассказы экскурсоводов. Горожане забредают полюбоваться на искусно сделанные экспозиции. Иногда приходят крестьяне, приехавшие в город по делам или на рынок. Они держатся группами, робко жмутся к стенам и восхищенно глядят на бронзовые статуэтки, тонкие изделия из слоновой кости, на древние, потемневшие от времени, но еще прекрасные изображения индусских богов. Рядом с музеем находится картинная галерея. Она была открыта в 1935 году. Внимание посетителей привлекают своеобразные миниатюры и картины талантливых художников древней и средневековой Индии, живопись более поздних школ: раджпутской, могольской и танджурской. Большое место в собраниях занимает современная живопись. Наряду с произведениями индийских художников вы найдете здесь картины тибетских, китайских, индонезийских мастеров. Галерея располагает довольно большой коллекцией картин Николая Рериха и Святослава Рериха. Когда я впервые пришла туда, то была немного удивлена необычайной суетой, царящей в выставочных залах. Посетители, рассматривая какую-либо картину, вдруг неожиданно отходили от нее и спешили к противоположному углу зала, затем снова возвращались к картине. Через некоторое время я сама стала делать то же и уже больше не удивлялась. Дело в том, что надписей под картинами не оказалось, под ними стояли только номера. А каталог висел в противоположном конце зала. Поэтому приходилось, запомнив номер картины, каждый раз подходить к списку и читать ее название. Очевидно, в каждой стране в картинных галереях — разные порядки.

...Поднимающееся солнце кладет резкие тени кокосовых пальм на тротуары и мостовые города. По еще пустынным улицам проезжают маршрутные автобусы, связывающие Тривандрам с окрестными поселками и деревнями. На крышах автобусов укреплены узлы, корзины, лежат связки желтых, зеленых, красных бананов. Ранние

пассажиры — крестьяне, приехавшие на рынок. От побережья океана к городу направляются группы женщин, жительниц рыбацких поселков. Они несут в Тривандрам рыбу раннего улова. Рыба уложена в круглые плетеные корзины. Женщины ставят корзины на головы, и ноша мерно покачивается в такт их походке. Таким же образом транспортируются кокосовые орехи. Торговцы орехами располагаются на улицах, на углах переулков, у ограды городского сада. День предстоит жаркий, и освежающая влага кокосовых орехов — ходкий товар в любой части города. Продавцы складывают орехи прямо на тротуарах. Кожура с орехов снята, ее продают на местные фабрики по переработке койры.

В Тривандраме нет большого рынка. По городу разбросаны небольшие базарчики — скромные тортовые ряды, где вы можете найти самое необходимое. Один из таких рынков находится по соседству с Главной улицей, другие расположились по пути к побережью. Они не имеют ничего общего с большими, яркими, шумными и обильными базарами Дели и Хайдарабада.

Первое, что вы видите на этих базарах, — это бананы. Груды бананов на земле, гроздь бананов на прилавках, целые ветви бананов, висящие на столбах между рядами. Бананы разной величины и формы, разной окраски и вкуса. Маленькие зеленые бананы вяжут рот, но зато хорошо утоляют жажду. Пара больших желтых или красных бананов, может заменить обед в жаркое время. Их мучнистое приторно сладкое мясо очень питательно. Среди банановых, залежей высятся горы кокосовых орехов. Продавцы овощей сидят прямо на земле. Над ними раскрыты большие черные зонты. В разных углах рынка вы найдете местные изделия: кувшины для охлаждения воды, циновки из бамбука, веера и шляпы из рисовой соломки, корзины из пальмовых листьев.

На рынках, близких к побережью, много рыбы. Рыбные ряды самые шумные. Обычно продают рыбу женщины. Загоревшие дочерна разбитные рыбацки энергично зазывают покупателей. Здесь идет бой за каждую ану, а ана для семей рыбаков значит много. Аны иногда складываются в рупию, а если ты имеешь рупию, то сегодняшний день тебе не страшен.

В Индии на рынках больших городов торгуют и изящными изделиями ремесленного производства. Но в Тривандраме таких лавок на рынках нет. Они расположены на Главной улице, рядом с большими

магазинами. Керала издавна славится резьбой по слоновой кости. Миниатюрные статуэтки, изображающие богов, искусные композиции из жизни древних героев, жанровые сценки, поразительно сделанные животные, корабли, модели исторических памятников — все это заполняет витрины кустарных лавок. На витринах выставлены также различные поделки из скорлупы кокосового ореха: украшенные резьбой круглые и овальные коробочки, пепельницы, вазочки, подставки. Этим видом ремесла занимается в основном Керала да некоторые районы штата Мадрас.

Мимо лавок, торгующих ремесленными изделиями, мимо крытых красной черепицей домов Главной улицы густым потоком катят грузовики, такси, тонги, автобусы, бегут рикши. Рикши — постепенно исчезающее наследие прошлых времен. С каждым годом их становится меньше. Особенно сократилось их число, когда к власти в штате пришли коммунисты. Сейчас в городе осталась только одна стоянка для беговых рикш. В часы затишья здесь собирается не более тридцати повозок. На смену рикшам пришли автобусы. На автобусе можно попасть в любой уголок города. Большинство автобусных линий — государственные, но есть и частные. Старомодные неуклюжие частные колымаги, чихая и воняя бензином, курсируют на окраинных улицах. В государственных автобусах платят одну ану за проезд, в частных платят шесть.

Регулярный маршрут автобуса соединяет город с побережьем. Берег океана порос высокими кокосовыми пальмами. Изогнутые стволы пальм тянутся к воде. На белый горячий песок набегают чистая и прозрачная волна. В песке ютится огромное количество крабов. Днем они зарываются в свои норы, а ночью целыми стаями шныряют по берегу. Под тенью кокосовых пальм лепятся хижины рыбацкой деревеньки. В океанском просторе снуют рыбацьи лодки. У них высокие загнутые носы, а по своей конструкции они напоминают индейские пироги. Около хижин на песке сушатся сети. Тут же женщины разбирают и укладывают в корзины мелкую рыбешку. Стайка босоногих бронзовых ребятишек бежит по самой кромке прибрежных волн. Солнце стоит высоко над океаном, и его почти отвесные ослепительные лучи раскаляют все вокруг: и песок, и прибрежные камни, и стволы деревьев. Но даже в эти самые жаркие часы работа на море не прекращается.

Большинство рыбаков побережья — католики. В самом Тривандраме процент христианского населения очень высокий. Мне сказали, что христиан около 90 процентов. Возможно, эти сведения преувеличены, но тем не менее католиков в городе очень много.

Апостол Павел простер свои каменные руки над городом с крыши самого высокого католического собора. Кроме собора в городе много церквей. В уличной толпе то и дело мелькают длинные сутаны католических священников и монахов. Их головы прикрыты тропическими шлемами.

Однажды я наблюдала такую сцену. Худой, измученный рикша, обливаясь обильным потом, с трудом тащил свою коляску. В ней сидели две дородные монахини. Отдуваясь от жары, они смотрели на прохожих осоловелыми глазами. Рикша выбивался из сил. Дорога пошла в гору, и я наивно полагала, что монахини выйдут из коляски, сжалившись над беднягой. Однако они продолжали спокойно сидеть. Рикша заплетающимся шагом потащил коляску в гору. Монахиням медленная езда не понравилась. Одна из них брезгливо ткнула рикшу рукояткой зонтика и бросила отрывисто: «Скорей!». Рикша глотнул воздух открытым ртом, судорожно дернул тонкой шеей и попытался ускорить шаг. Было видно, что последние силы начинают ему изменять. Однако шестипудовых проповедниц «любви к ближнему» это не трогало и не волновало. Очевидно, христианские принципы «человеколюбия» на индийских рикш не распространялись.

...Перед рождеством город ярко украсили. В витринах магазинов были выставлены лучшие товары, перед домами христиан висели цветные бумажные фонарики. Изображения Христа и девы Марии были увиты гирляндами цветов. В лавках и прямо на улицах продавались раскрашенные рождественские поздравительные открытки. На них были нарисованы елки, заснеженные деревни и улыбающиеся деда-морозы. На Главной улице в витрине одного из магазинов я увидела деда-мороза. Он был сделан из ваты и ярко раскрашен. Толпа полуголых черных ребятишек не отрывала от витрины широко раскрытых восторженных глаз. При виде стоявшего под лучами тропического солнца деда-мороза в теплой шубе я внутренне содрогнулась, как если бы увидела человека в купальном костюме, окруженного льдами и айсбергами Северного полюса. Однако ребятам он нравился. Я слышала, как они тихо

переговаривались между собой. Самый старший из них решительно сказал:

— Это Шива. Так его одевают христиане.

— Нет, Кришна, — возразил ему быстроглазый мальчуган, — смотри, у него из мешка торчит флейта.

Третий, самый рассудительный, сказал, что это — христианский бог.

— Это дед-мороз, — вмешалась я.

Шесть пар любопытных глаз уставились на меня с некоторым изумлением.

— А что такое «дед-мороз»?

Но объяснить им этого мне так и не удалось.

В ночь на рождество весь город был иллюминирован. Звонили колокола, рвались хлопушки, и цветными звездами в ночном небе рассыпался фейерверк. И это торжество, и сама манера его празднования чем-то очень напоминали индусский праздник Дивали.

Люди. «Москва — это хорошо!»

Я хожу по улицам Тривандрама и наблюдаю. Вижу сильную высокую стать мужчин и стройные, грациозные фигуры женщин. На мужчинах белоснежные дхоти, повязанные на южный манер, и чистые, хорошо отглаженные рубашки. Женщины носят сари неярких цветов. Их приглушенные тона удивительно гармонично сочетаются друг с другом. В людях не чувствуется той веками выработанной приниженности, которую можно встретить в других штатах страны. При встрече с европейцем малаяли не опускают глаз, а смотрят прямо и независимо. Независимая и свободная манера держать себя, на мой взгляд, самая характерная черта жителей Кералы.

Среди народа Кералы сохранился ряд интересных пережитков древнего строя. Здесь вы найдете так называемую объединенную семью — «таравад». Под одной крышей живут взрослые братья и сестры со своим потомством. В объединенной семье до сих пор еще сильны пережитки матриархата. Наследование в этих семьях идет по материнской линии, и потомство по мужской линии не имеет никаких прав. И только самому старшему мужчине, который называется «каранаван», разрешается привести в такую семью свою жену и детей. Отделиться от «таравада» можно только с согласия всех членов семьи. Обычай «таравада» характерен в основном для индусской общины. Он больше распространен в деревне и меньше — в городе.

Однажды я оказалась на берегу небольшого канала. По каналу медленно скользили груженные кокосовыми орехами лодки. В тени пальм было относительно прохладно, и я присела на ствол срубленного дерева. Неподалеку от меня остановилась группа людей. Это были лодочники и рабочие, обтесывавшие бревна в пальмовой роще. От группы отделился высокий человек с курчавой головой. Он подошел ко мне и спросил, кто я.

— Русская, из Москвы.

На моих глазах с человеком произошло чудесное превращение. Он как-то радостно и удивленно взглянул на меня и, быстро обернувшись к своим товарищам, торжествующе закричал: «Идите все сюда! Она из Советского Союза! Москва — это хорошо!» — добавил он.

Меня окружило человек двенадцать.

Курчавый сказал мне, что все они работают на этом канале. Они много читали о Советском Союзе, но хотят кое-что еще спросить. Я едва успевала отвечать на сыпавшиеся градом вопросы. Рабочие слушали внимательно и в знак согласия качали головами. На прощание мне преподнесли большой кокосовый орех.

— Возьмите, пожалуйста. Кокос — одно из главных богатств нашего штата. Эти орехи — лучшие в Индии!

В семи милях от Тривандрама находится морское побережье Ковалам — одно из красивейших мест Кералы. Ковалам считается лучшим пляжем Южной Индии. Вдоль берега тянутся заросли пальм. Узкую песчаную полосу справа и слева завершают сероватые скалы, круто обрывающиеся к океану. Пальмы растут даже на скалах. Легкий бриз играет их перистыми листьями. Вдали в океане виднеются рыбацкие лодки и парусники. Здесь очень тихо. И даже голоса голых мальчишек, ныряющих с соседней скалы, звучат как-то приглушенно, будто издалека. На одной из таких скал стоит бывший загородный дворец махарани Траванкура. Теперь этот дворец принадлежит государству, и его переделывают в дом для туристов. С гладкой, посыпанной песком и галькой площадки, на которой высится это сооружение, открывается вид на безбрежный океан. Голубая дымка над океаном пронизана золотом солнечных лучей. Я сижу на небольшой скамейке, поставленной на скале у самого обрыва. От подножия до вершины скалы вьется крутая тропинка. По ней поднимается человек. Он одет в белую рубашку и дхоти. «Наверно, гид», — думаю я и спешу покинуть мое тихое и прекрасное убежище. Но человек ускоряет шаги, и мне не удается ускользнуть. Он действительно оказывается гидом. В наших глазах настороженность, мы внимательно изучаем друг друга. За первыми вежливыми фразами кроется взаимная неприязнь. У меня — к надоедливому очередному гиду, у него — к временному предполагаемому хозяину. Но вот прозвучало хорошо знакомое слово «Москва», и наши отношения моментально меняются. «Мне многое надо у вас узнать и многое рассказать», — говорит он. Мы сидим на скамье у края скалы. Затем Чандра, так зовут гида, предлагает спуститься в рыбацкую деревню. Мы входим в деревню. Нас сразу окружают обитатели пальмовых хижин.

— Это товарищ из Москвы, — говорит Чандра.

Я чувствую дружеские пожатия сильных обветренных и огрубевших рук.

— Идемте ко мне в дом, — говорит один из рыбаков, — там прохладнее.

Мы входим в хижину. Она небольшая и очень чистая. Вся утварь лежит на полу единственной комнаты. Из угла поднимается женщина и складывает руки в приветственном «намасте». Рыбак что-то говорит женщине на малайялам. Женщина смеется, несмело подходит ко мне и произносит несколько фраз. Я не понимаю. Мне переводят: «Она сказала, что считает вас своей сестрой». Затем она снова скрывается в углу, приносит оттуда годовалого черноглазого мальчугана и протягивает его мне. Я беру малыша, но не знаю, что с ним делать. Его отец-рыбак улыбается и говорит: «Она хочет, чтобы вы его подержали. На счастье. Раньше считалось счастьем коснуться одежды святого. Ну, а моя жена, видно, думает иначе».

Я собираюсь ехать в Куилон. Для этого надо пойти на автобусную станцию и накануне заказать билет. Длинное приземистое здание станции находится недалеко от Главной улицы. На площади в ожидании автобуса сидят крестьяне. Тут же на земле свалены узлы, мешки, корзины. Уличные разносчики бойко торгуют мандаринами и содовой водой.

Я подхожу к окошку справочного бюро и спрашиваю, как заказать билет в Куилон. Небольшого роста клерк, одетый в форму служащего государственного транспорта, не поднимая головы от стола, бросает несколько отрывистых фраз. Сидящий рядом его товарищ с любопытством смотрит на меня.

— Вы из Европы? — интересуется он.

— Как вам сказать. Моя страна занимает часть Европы и часть Азии.

— Не может быть, — смеется он.

Тогда клерк поднимает голову от стола и пристально смотрит на меня.

— Это, — решительно заявляет он, — Советский Союз. Правильно?

— Совершенно верно, — говорю я.

— О!

— Что же вы там стоите, — спохватываются оба. — Идите сюда, к нам в комнату.

Я вхожу. Меня усаживают на стул и сразу же начинают расспрашивать. Постепенно комната заполняется народом. За билетом мне уже не надо идти. Его приносят сюда же, в справочное бюро. В комнате становится душно. Здесь я вижу и кондукторов, и водителей, и диспетчеров. Все они принадлежат к одному профсоюзу транспортников.

— Наш профсоюз, — говорят они, — очень сильный. Им руководят коммунисты.

— Мы поддерживаем наше правительство, — улыбаясь, замечает черноглазый юноша в фуражке кондуктора.

— Да и оно нас тоже, — слышу я полос из угла комнаты. — В последнее время наша заработная плата была повышена. И вообще сейчас стало легче. Но только кое-кому это не нравится.

— Против нас особенно выступает католическая церковь. Ведь большинство помещиков и бизнесменов — католики.

— Вы, наверно, читаете индийские газеты, но многие из них пишут неправду о Керале и нашем правительстве.

Я говорю, что читаю также «Нью эйдж» и «Нью Керала». Люди одобрительно смотрят на меня.

— Да, эти газеты дают действительную картину положения в штате.

— Что бы там ни писали, а народ поддерживает свое правительство.

— Вот только нам, конечно, сейчас трудно. И эти трудности чувствуются на каждом шагу.

В Индии много импортных товаров. Автомобили и радиоприемники, фотоаппараты и химикалии, карандаши и туалетная бумага, а также многое другое привозятся из-за границы. По непонятным причинам в Кералу эти товары поступают в очень ограниченных количествах или вовсе не поступают. Кто-то искусственно создает затруднения в штате. По этой же причине я не могу найти пленку для своего фотоаппарата. Ее нет в магазинах. На черном рынке пленка идет втридорога. Я хожу из одного фотомагазина в другой, из одной фотостудии в другую, И везде в ответ слышу

короткое «нет». Мне уже не на чем фотографировать, а вокруг так много интересного...

Совершенно обессиленная от долгого и бесполезного хождения по жарким улицам Тривандрама, я забредаю в одну фотостудию и сажусь на стул. Я уже здесь была. Хозяин студии смотрит на меня с сочувствием.

— Не достали?

— Нет.

Ненужный фотоаппарат висит у меня на плече. Хозяин заинтересовался его маркой. Я снимаю фотоаппарат и протягиваю ему. На лице хозяина удивление.

— Я не видел еще такой марки. Что здесь написано?

— «Зоркий».

— Но это ведь не латинские буквы?

— Нет, русские.

— Постойте, значит, вы из Советского Союза?

— Значит, — отвечаю я.

— Что же вы мне раньше не сказали?

— Вы меня об этом не спрашивали.

— Мурти! — зовет он своего подручного. На пороге комнаты появляется юноша.

— Это товарищ из Советского Союза, — говорит ему хозяин. — Ей нужна пленка. Надо помочь.

Юноша улыбается. Вечером у меня уже была пленка.

В канун Нового года я бродила по городу. Мне было немного грустно, я вспоминала предновогоднюю веселую суету Москвы, и от этих мыслей не становилось легче. Получилось так, что я должна была встречать Новый год одна на другом конце земли. В самом Тривандраме ничто не говорило о наступлении Нового, 1959 года. Христиане провели свои торжества на рождественских праздниках, Новый год для индусов и мусульман еще не наступил. Вот мы и бродили, я и мои невеселые мысли, по чужому тропическому городу, и многие тысячи километров отделяли нас от Родины.

Вдруг меня кто-то окликнул. Я оглянулась и увидела долговязого парня в домотканом дхоти. Лицо его показалось мне хорошо знакомым, но где я его видела, я не помнила.

— Вы, возможно, меня и не помните, — начал парень, — я волонтер, обслуживал сессию Конгресса историков. Я студент университета. Еще во время сессии я хотел поговорить с вами, да был очень занят. А теперь мне повезло, я вас встретил. Вы куда-нибудь идете?

— Нет. Просто гуляю.

— Можно мне к вам присоединиться?

— Конечно.

Мы медленно пошли через весь город. Уже начинало смеркаться. Студента интересовало многое: характер нашей демократии, наши пятилетние планы, система образования. Он слушал внимательно и не перебивал.

— Да, — сказал он, — коммунисты в вашей стране сделали много. Мне бы очень хотелось поехать в Москву учиться.

Мы подошли, к небольшому индуcскому храму на одной из окраинных улиц. Стоячая вода священного водоема у храма зацвела. У ступенек, спускавшихся к воде, лениво бродило несколько коров.

— Вы христианин или индус? — спросила я своего спутника. Он засмеялся.

— Я индус по происхождению. Но в бога не верю. Стало уже совсем темно, и на улицах зажглись фонари.

Их отсветы причудливо падали на широкие листья пальм, раскачиваемых теплым ветром.

— Хотите, я вас познакомлю с моей матерью и сестрами? Они будут вам очень рады.

Мы шли еще некоторое время, и наконец между пальмовыми стволами засветились окна небольшого одноэтажного домика.

— Мы пришли, — сказал волонтер.

У порога домика нас приветливо встретила пожилая женщина в синем сари. Через несколько минут в скромно обставленной комнате, служившей, очевидно, гостиной и столовой, оказалось пять милостивых девушек, очень похожих друг на друга.

— Это мои дочери и сестры этого мистера, — пожилая женщина шутливо кивнула в сторону студента.

Мы быстро перезнакомились и подружились. Три из сестер волонтера были студентками, две уже работали. Хозяйка дома тоже работала.

Вскоре к нам присоединились и соседи моих гостеприимных хозяев. Места всем не хватило, и некоторые уселись на корточках у порога. Одна из девушек доверительно мне сообщила:

— Вас хочет видеть наша бабушка.

В комнату вошла сухая согнутая старушка. Под седыми густыми бровями молодо поблескивали черные глаза. Она не знала английского, а я — малаялам. Мы объяснялись через внучек-переводщиц, но это не мешало нам хорошо понимать друг друга. Бабушка слышала о московском метро и хотела знать подробности. Все то, что я рассказывала, ее очень удивляло и иногда смешило. Мне кажется, не всему поверила эта мудрая старая женщина. Потом мы пили чай. Чай был крепкий и очень вкусный.

— А вы знаете, мы сахар в чай не кладем, — лукаво сощурившись, сказала самая младшая девушка.

— А почему же он сладкий?

— Скажет же! — иронически заметил ее брат. — Мы пьем, чай с гуром. Это особый вид тростникового сахара. Хотите посмотреть?

На столе появился коричневый кусок, напоминающий нашу помадку или постный сахар.

— Гур дешевле обычного сахара, — сказала хозяйка дома, — и в Керале он широко употребляется.

После чая мы опять много говорили о Керале, о Москве. Мои невеселые мысли потерялись где-то в пальмовом тупичке этой тихой улочки.

Часы уже перевалили за полночь, наступил Новый год, а меня все не хотели отпускать...

На следующее утро в мою комнату в общежитии университета постучали. На пороге стоял небольшого роста человек, из-под крутого лба серьезно смотрели умные глаза.

— Я — экономист. Преподаю здесь, в университете, — представился пришелец. — Мне бы хотелось с вами кое о чем поговорить.

Его интересовали вопросы преподавания экономики в СССР. Я рассказала ему все, что об этом знала.

— Мы, — сказал он, — обучаем студентов в основном экономике капитализма и очень мало касаемся вопросов экономического развития социалистических стран. Вы знаете, я хорошо знаю, что такое

капитализм. Я долго жил за границей. Был в Америке, Англии и Франции. И надо вам сказать, я многое видел и о многом думал. В капитализм я не верю. Он порождает слишком острые конфликты и поэтому не приносит уверенности в завтрашнем дне. Но не думайте, что я марксист. Пока у меня нет оснований верить в социализм. Мне хочется самому все это увидеть и во всем разобраться. Хотя, — он немного замялся, — кое-что я уже видел, не социализм, конечно. Здесь у нас в штате мне приходится наблюдать дела людей, считающих социализм единственно верным путем. Это наши коммунисты. Мне кажется, кое-что, у них получается неплохо. На прошлых выборах я отдал свой голос за социалиста, а вот на следующих выборах я уже подумаю. Мне нравится в коммунистах то, что они ясно представляют себе свою цель и твердо знают, чего хотят. Это придает всему уверенность, а вот мне ее часто не хватает. Я увидела, как в глазах моего собеседника мелькнула затаенная тоска.

— Очень трудно выбрать правильный путь, — продолжал он, — но сделать это надо. Иначе вся жизнь будет бесполезной, а может быть, даже и вредной.

Это разочарование в капитализме, неверие в социализм и поиски новых путей я не раз встречала у некоторых индийских интеллигентов. Но в мыслях университетского преподавателя было нечто новое. И это новое отличало его от его собратьев, с которыми мне приходилось беседовать раньше.

Катакхали и каларипьяту

Пламя светильника то поднимается вверх и ярко вспыхивает, то, отклоняясь в сторону, тускнеет. От светильника тянется голубоватый дымок. Одурающе пахнет сандалом. Ритмичные звуки табла то становятся частыми и оглушающе громкими, то замирают как бы в отдалении. Вибрирующий высокий голос певца временами врывается в глухой ритм барабанных ударов. В колеблющемся свете пламени медленно, покачивая широкими яркими юбками, напоминающими европейский кринолин, движутся танцоры. Их причудливые и высокие головные уборы сверкают позолотой. Часть лба и щек актеров скрыты под полумасками, на остальной части лица плотным слоем лежит цветной грим: зеленый, красный, желтый. Грим превращает лица в своеобразную маску, на фоне которой глаза и брови живут какой-то своей отдельной жизнью. Так было сотни лет назад, так происходит и сейчас. На сцене идет своеобразный балет-пантомима — катакхали. Катакхали — один из четырех основных стилей индийского древнего танцевального искусства. Не очень подвижный, но удивительно выразительный танец всегда наполнен глубоким драматическим содержанием. Темы для пантомим обычно берутся из древних эпических сказаний «Махабхарата» и «Рамаяна».

Труппа показывает танцевальную драму «Встреча братьев». На возвышении, поджав под себя ногу, сидит в задумчивости легендарный Бхима, один из братьев царственного рода Пандавов. Изгнанный из своего царства вероломными двоюродными братьями Кауравами, он проводит дни в лесу вместе с верной женой Драупади. Тут же на сцене стоят музыканты. Двое взрослых мужчин и мальчик. Они аккомпанируют на табла, один из мужчин поет. В песне объясняются мысли и поступки героев, звучит их речь. На лице Бхимы зеленая маска-грим. Драупади стоит рядом — они разговаривают. Это язык жестов и мимики.

Драупади протягивает руки к Бхиме. Голос певца выводит: «О мой господин, посмотри, что я тебе принесла. Трудно найти цветок столь прелестный, как этот. О лотосоглазый, при взгляде на него мое сердце переполняется радостью. Если бы ты был так добр, у меня был бы не один такой цветок». Бхима вскакивает на ноги. Его брови и глаза

выражают решимость. В голосе певца появляются нотки твердости: «О моя любимая, я принесу тебе эти цветы. Любой ценой я добуду их, даже если они растут на высоких вершинах гор или на небесах». В выразительных жестах и мимике Драупади сквозит радость. Ее желание будет выполнено. Но радость постепенно сменяется растерянностью и грустью. Табла звучит глухо, и ритм становится реже. Драупади овладевает тоска перед разлукой с мужем и беспокойство за опасный путь, который ему предстоит совершить. Голос певца становится мягче, плавно льются слова: «Скажи, мой господин, как ты пойдешь один? Кто будет сопровождать тебя в твоём путешествии? Кто будет утолять твой голод и жажду в пути? Кто тебе поможет?» Бхима ритмично движется по сцене. Каждый его шаг — резкий удар табла. Широко открытые глаза сверкают. Брови грозно сошлись у переносицы. Всем своим видом Бхима показывает, что он силен и ничего не боится. Он покидает жену и идет туда, откуда доносится запах прекрасного цветка.

Дорога Бхимы идет через лес. На сцене нет декораций. Но удивительное искусство актера заставляет зрителей ясно видеть воображаемый лес. Звуки табла становятся менее отчетливыми, и кажется, что это шумит ветер в густых кронах деревьев. Движения Бхимы создают представление о человеке, пробирающемся по узкой лесной тропе. Он внимательно наблюдает жизнь леса.

Вот из зарослей выскакивает пугливая лань. Несколько жестов и мимических движений — и актер в своей неуклюжей юбке становится удивительно похожим на молодое, грациозное животное. Грозный и сильный Бхима исчез, на сцене, поводя раздувшимися от бега боками, стоит прекрасная лань. Она тревожно вздрагивает при каждом шорохе и втягивает воздух ноздрями — нет ли поблизости опасности? Вдруг она настораживается и, сделав стремительный скачок, скрывается за деревьями. Вслед за ланью появляется дикий кабан. Голова его опущена, острое рыло вытянуто и раскачивается в такт шагам. Клыки роют землю. Перед кабаном появляется враг — питон. Я ясно вижу, как в траве извиваются кольца тела огромной змеи. Вот поднимается плоская голова питона со злыми холодными глазками. Кажется, что изо рта актера сейчас покажется раздвоенный змеиный язык. Питон неотрывно смотрит на свою жертву, приготовив сильное тело к броску. В поведении кабана — растерянность и обреченность, он не в силах

сдвинуться с места. Бросок змеи — и кабан бьется в предсмертных судорогах. Но что это? Звуки табла нарастают, в них слышно грозное рычание. Это появляется лев. Сильное тело, царственная походка. Он на мгновение замирает перед полузадушенным кабаном, а затем резким прыжком бросается на животное и начинает рвать его. Питон, злобно шипя, уползает в чащу. Лев алчно урчит и продолжает расправляться со своей жертвой. На лице актера сквозь грим проступают капельки пота, он тяжело дышит, каждый его мускул крайне напряжен.

Музыканты каждый час сменяют друг друга. Жаркий воздух волнами окутывает сцену. От чадающего светильника першит в горле. Бхима шел через лес два настоящих, не условных часа. Небольшой перерыв, и начинается следующее действие драмы. Падает занавес, который держат в руках два человека. Перед зрителями в глубокой задумчивости сидит Хануман, вождь обезьяньего племени и старший брат Бхимы.

Как будто издалека доносится голос певца. Хануман думает о своем господине и друге, великом Раме. На лице актера — красно-коричневая маска-грим. На голове — шляпа с круглыми полями и высокой двухъярусной тульей, руки покрыты обезьяньей шкурой. Весь облик актера, даже его манера сидеть, напоминают обезьяну. Но есть что-то глубоко человеческое и даже трогательное в этой мудрой легендарной обезьяне. Табла звучат все громче и громче. Их звуки сливаются в один непрерывный грохот. Этот грохот символизирует сильный шум, доносящийся до Ханумана. Хануман вздрагивает. Он недоволен. Его брови быстро двигаются над маленькими глазами. В голосе певца раздражение и досада. «Откуда и почему этот громоподобный звук? Или это Индра — бог грома и молнии? Нет, не может быть. Индра уже сложил свои крылья». Хануман опять внимательно прислушивается. «А! Кто-то идет сюда. Но кто же? Он очень горд и силен. Царственные слоны в смятении ушли с его дороги. Львы трепещут от страха. Он быстро приближается». Хануман прижимает руки к груди. Слова песни наполняются радостью. «О! Мое сердце полнится странными чувствами родства. Я вижу, это мой брат Бхима!» Хануман останавливается и быстро решает: «Сначала я испытаю его силу, а потом откроюсь ему».

И вот царственный Хануман вдруг съеживается, руки беспомощно повисают, на лице появляется выражение страдания. Это уже не могучий вождь, а старая больная обезьяна. Он ложится на пути Бхимы. Каждый шаг появившегося Бхимы сопровождается громким ударом табла. Вот он, гордый и сильный. Сейчас он наступит на лежащую обезьяну. В голосе певца появляются нотки драматизма. Но гордый Бхима останавливается, голос певца надменно звучит: «Прочь с моего пути, ты, старая обезьяна! А то я отшвырну тебя и пойду дальше». Но обезьяна не в состоянии пошевелиться, ее глаза полужакрыты. Слабо и тихо льются слова певца: «Не сердись на меня. Слабый и старый, я живу здесь очень долго, а теперь не могу двигаться. Люди обычно здесь не ходят. Ты возбудишь недовольство богов. Иди с миром назад». Фигура и лицо Бхимы выражают возмущение, презрение и высокомерие. Глаза вращаются, брови угрожающе двигаются. «Даже если все люди и боги выступят против меня, я не испугаюсь. Знай, что я сын бога ветра. Кончай свою болтовню и уходи с дороги». На лице Ханумана появляются хитрые морщинки. Сейчас он — воплощение лукавства. «Если ты хочешь идти по этой дороге, — поет музыкант, — перепрыгни через меня». Бхима жестами и мимикой показывает свое несогласие. «Я не хочу этого делать. Ты принадлежишь к племени Ханумана, вождя обезьян и сына бога ветра. А он мой брат».

Хануман поднимает голову и внимательно смотрит на Бхиму. В его глазах просьба: «Ты говоришь о великом вожде обезьян. Я очень хочу послушать о нем». Гордые слова песни звучат в ответ: «Есть ли кто в этом мире, кто не знает Ханумана, сына бога ветра? Ханумана, поджегшего Ланку и спалившего дворец злого демона Равана? Я думаю, для тебя этого достаточно. Теперь вставай и дай мне пройти». Но Хануман не уступает дороги, и Бхима пытается сдвинуть его с места. Вдруг на лице Бхимы появляется удивление. Брови высоко подняты, жесты выражают растерянность. Он не в силах сдвинуть старую обезьяну с места. Удивление сменяется смущением. В словах певца — робость и стыд. «Послушай, кто ты? Варуна ты или Индра? Я уверен, ты не обычная обезьяна».

«Хануман — я!» — песня звучит торжественно и насмешливо. Грохочет табла. От былой надменности и гордости Бхимы не остается и следа. Он покорно складывает руки и молит брата о прощении. Хануман рассержен. Мелкими шажками он бежит вокруг младшего

брата и отчитывает его. В каждом его выразительном движении сквозит беспокойство за Бхиму. Но вот Хануман наконец прощает Бхиму и затем удовлетворяет его просьбу: принять облик, в котором он перепрыгнул с материка на Цейлон, чтобы повидать жену Рамы Ситу, похищенную демоном Раваном. Хануман надувается и начинает увеличиваться в размерах. Движения актера настолько выразительны, что кажется, будто он действительно растет. Пораженный Бхима падает к ногам Ханумана. Последний приводит Бхиму в чувство и, дав ему несколько советов на дорогу, прощается с ним.

Сквозь одежду актеров проступают темные пятна пота. Музыканты усталыми пальцами отбивают последние такты на табла. Пламя светильника тускнеет. Натягивается занавес. Актеры спешат за кулисы. Представление, которое я видела, шло пять часов. Но это совсем немного. Есть драмы-пантомимы, которые тянутся по десять-двенадцать часов, а то и по нескольку дней. «Встречу братьев» давала знаменитая труппа — Керала Каламандалам. Это лучшая труппа катакхали в Индии.

Обычно драмы катакхали играют на открытом воздухе, на площадках перед древними храмами. Особенно красочными бывают представления в ночи религиозных индусских праздников. Современный стиль катакхали зародился в Керале. Своим предшественником он имеет древнюю культовую танцевальную драму, называвшуюся раманаттам, кришнанаттам и котху. Когда-то один из правителей Каликута писал и ставил драмы из жизни Кришны. Раджа Коттараккара, одного из княжеств Южной Кералы, попросил правителя прислать его труппу. Однако через несколько дней от правителя Каликута пришел высокомерный ответ. Он считал бесполезным присылать труппу ко дворцу раджи. По его мнению, жители Южной Кералы не могли оценить и понять высокие формы танцевального искусства. Оскорбленный раджа решил, что он не хуже каликутского правителя. Он написал пьесу из жизни Рамы и поставил ее. Не будучи хорошим знатоком древних традиций классического танца, раджа широко ввел в свою драму-пантомиму элементы народного танца. Представление прошло с большим успехом, и новый вид искусства привлек к себе внимание драматургов, меценатов и актеров Кералы. Было написано еще несколько пантомим на мифологические сюжеты. Новое танцевальное представление

получило название «аттакатха» или «катакхали», иначе «рассказ-представление».

Искусство актеров катакхали очень сложное и трудное. Кропотливое обучение актера длится годы. Женщины обычно катакхали не танцуют. Их партии исполняют молодые мужчины. Овладение искусством пантомимы начинается с юношеских лет, а иногда и раньше. Будущий актер сначала вырабатывает выразительность и пластичность движений тела. Это достигается определенной системой физических упражнений и массажа. Затем начинается более сложная тренировка — развитие мимики лица. Лицо актера должно в совершенстве выражать настроения, или «бхава», такие, как любовь, жалость, удивление, презрение, ненависть, злость, страх. Для этого надо научиться владеть каждым лицевым мускулом. Танцор катакхали должен уметь описать взглядом глаз замкнутый круг, восьмерку или треугольник. Его глаза приучаются двигаться в двух разных направлениях. Он может одновременно выражать одной частью лица злобу, а другой — удовольствие. После отработки мимики танцора обучают языку жестов — «мудра». Жестов — 64. Тот, кто знает все значения «мудра», легко может понимать танец, не слушая сопровождающую пантомиму песню.

Грим-маска актера очень сложен и требует большого мастерства гримера. Обычно гримирующийся ложится на длинную низкую скамью, а гример мазками наносит на его лицо грим. Часто гримировка длится час-два.

Но вот грим наложен. Одеты традиционные костюмы, закреплены на головах высокие шапки-короны. Зажигается светильник, раздаются первые удары табла... Представление начинается. И то, что удивляет и поражает зрителя своей легкостью, непринужденностью и выразительностью, на самом деле является плодом долгого и тяжелого труда, результатом упорной тренировки, традиции которой бережно хранятся и передаются из поколения в поколение. И в этом, на мой взгляд, кроется секрет вечной молодости и постоянной творческой свежести одного из проникновенных и прекрасных искусств Индии — танца катакхали.

...Малаяли — народ воинов. С древних времен юношей обучали военному искусству. До сих пор среди народа сохранились традиции владения холодным оружием. Есть в Керале общество, где юноши

совершенствуются в этом старинном искусстве, которое называется каларипьюту. Теперь оно имеет скорее спортивный характер. Мне довелось видеть выступление одной из таких трупп.

На сцене несколько пар хорошо сложенных, с прекрасно развитой мускулатурой юношей. Они в традиционных спортивных костюмах — шкура леопарда, закрепленная на одном плече и спускающаяся к коленям короткой юбочкой. Сначала вступает в единоборство пара, вооруженная всего лишь длинными палками. Противники демонстрируют приемы нападения и обороны. Их движения очень экономны и тщательно рассчитаны. В четких и точных выпадах нет ни суетливости, ни спешки. В их искусных руках обычная палка превращается в эффективное и маневренное оружие. Затем выступает следующая пара. У одного — короткий нож, у другого — длинная палка. Кажется, что преимущество на стороне последнего. Вот ему удастся свалить противника с ног. Но рывок, острое лезвие мелькает как молния, и палка выбита из рук. Боец с ножом блестяще продемонстрировал древний прием малаяльской самозащиты.

Перед зрителями проходит еще несколько борющихся пар, с различным оружием. Пожалуй, самым интересным был последний поединок. Длинный кинжал и палка у одного и небольшой нож у другого. Зрители думают, что сопротивление юноши с ножом бесполезно. Но вооруженный ножом проявляет удивительную ловкость и смелость. Не проходит и пяти минут — палка летит на землю. Однако противник с кинжалом все еще очень опасен. Он держит почти безоружного противника на расстоянии, заставляет его применять только оборонительную тактику. Последний, прижатый к стене, не имеет возможности сделать и полушага вперед. Его дело почти проиграно. Вот уже длинный кинжал описал дугу над его головой. Но стальные мускулы собираются в комок. Стремительный бросок — и рука с кинжалом беспомощно опускается, парализованная железным захватом противника. Соотношение сил меняется. Безоружный партнер, имевший все преимущества в начале боя, переходит к пассивной обороне. Борьба продолжается еще долго. Оказывается, не так просто победить безоружного человека, знающего приемы каларипьюту, и ошиблись те, кто думал, что теперь победит вооруженный ножом противник. Ловким ударом нож уже выбит из рук. Бойцы оказываются в равных условиях. Победит более сильный и

ловкий. Но они не уступают друг другу ни в силе, ни в ловкости. Борьба кончается вничью.

Каларипьяту напоминает самбо, но техника борьбы без оружия, пожалуй, более высокая.

Там, где встречаются три моря

Мы едем на самую южную точку Индии — мыс Коморин. Ранним утром к университетскому общежитию подадут три автобуса. На боковой стенке автобусов надпись «Государственный транспорт Кералы». Над надписью изображение герба штата: вписанный в овал слон с поднятым хоботом и две кокосовые пальмы. Участники Конгресса историков занимают свои места. Экскурсия организована для нас руководством Конгресса и правительством штата. Косые лучи поднимающегося солнца освещают город. Прохладно. Автобусы один за другим пересекают Тривандрам и выезжают на юго-восточную дорогу. По этой дороге до южной точки Индии — 45 миль. Раньше мыс Коморин и прилегающий к нему район, населенный тамилами, входил в состав княжества Траванкур-Кочин. Теперь это часть национального штата Мадрас. Дорога узкой лентой бежит мимо рисовых полей, небольших деревень, извилистых речек, зеркальных озер, зарослей кокосовых пальм. На горизонте виднеются синие горы и холмы. Иногда они подступают к самой дороге, но затем снова убегают к горизонту.

Наша первая остановка — в Падманабхапураме. Сейчас это небольшое поселение, в центре которого расположен бывший дворец правителей и махараджей Кералы. А раньше, до 1333 года, Падманабхапурам был столицей Траванкура. Вплотную к селению с востока притиснулись горы. Дворец и дворцовые пристройки обнесены каменной изгородью. Перед ними — небольшой храм. Здания дворца — вытянутые и приземистые, их двухскатные крыши покрыты черепицей. Небольшая центральная часть здания под двухъярусной крышей имеет три этажа. Дворец выстроен в национальном архитектурном стиле старой Кералы. Сейчас здесь помещается богатый исторический и археологический музей. В просторных сумрачных залах прохладно. Залы соединяются узкими переходами и галереями. Вдоль стен стоят скульптурные изображения богов, фрагменты украшений старинных храмов, каменные плиты с древними письменами. Стены одного из центральных залов покрыты фресковой росписью. Расписан буквально каждый дюйм. Перед

глазами посетителей предстает в довольно полной форме история религии индусов.

Из мебели во дворце сохранилось немного. В спальне с высоким потолком стоит кровать махараджи. Она сделана из ценных пород лекарственных деревьев.

Лабиринт комнат и переходов ведет во внутренний двор. Здесь был когда-то поросший лотосом пруд. Теперь вода спущена, и обнажилась каменная кладка стен. Сквозь покрытые зеленым мхом плиты пробивается трава. И только на самом дне в небольшой луже стоячей воды переплелись толстые стебли лотоса. Терпкий запах сырости и гнили стоит над заброшенным водоемом.

...И снова наши автобусы поднимают дорожную пыль. Она серым облаком садится на изумрудную зелень рисовых полей, покрывает листья бегущих по обочине деревьев. Но вот впереди показался купол храма. Это Сучиндрам. Машины сворачивают на узкий проселок. Мы проезжаем мимо одноэтажных домиков с красными черепичными крышами, мимо крытых пальмовыми листьями хижин. Узкая улица, идущая к храму, заполнена живописной толпой. Храм в Сучиндраме — один из древних и почитаемых. Сюда все время стекаются паломники. Наши автобусы окружают нищие. Здесь старики, дети, женщины, мужчины. Вся эта разношерстная толпа кормится подаваниями паломников. Но вот что-то отвлекло их внимание, они бегут от автобусов к храму. Из храма выходит вереница людей, на головах у них медные подносы с рисом. Это — храмовые слуги. Нищие бросаются к ним. Начинается раздача «святой» пищи. Каждый нищий получает горсточку риса. Рис съедается тут же. У входа в храм стоят несколько жрецов. Они полуобнажены, на жирных, лоснящихся шеях висят сандаловые четки. Лбы украшены кастовыми знаками. То здесь, то там среди толпы паломников и нищих мелькают оранжевые косынки ученых-пандитов. В храм чужеземцев не пускают. Даже индийцы в европейских костюмах не могут туда войти. Часть делегатов Конгресса снимает рубашки и, оставшись в одних дхоти, идет в храм на поклонение.

Перед храмом высится странное сооружение, поставленное на огромные деревянные колеса диаметром в полтора человеческих роста. Это — священная колесница, в которую впрягаются сотни людей в дни индусских праздников. В далекие времена исступленные

фанатики бросались под колеса и гибли. Такая смерть считалась «святой» и вызывала зависть в сердцах менее решительных приверженцев индуизма. Теперь настала другая пора, и под колеса уже никто не бросается. Но колесница еще служит главным украшением религиозных торжеств. Ее нижняя часть покрыта резным орнаментом, на фоне которого красуются раскрашенные изображения богов. Тонкие деревянные колонны колесницы венчает трехъярусная, сделанная из жердей крыша. Высота колесницы — не меньше трехэтажного дома. Наш автобус в сравнении с ней казался красивой заводной игрушкой.

Неподалеку от Сучиндрама, в небольшом городке, мы остановились на обед. Этот городишко был похож на десятки таких же в штате. Одноэтажные дома, узкие пыльные улицы, тесные лавчонки, торгующие всякой снедью, фруктами и мелочью. По улицам бродят коровы, медленно тянутся крестьянские повозки, запряженные быками. В тени кокосовых пальм сидят на корточках мирно разговаривающие обыватели. Бронзовые босые ребятишки играют на камнях мостовой. На берегу мелкой мутной речки женщины стирают белье. На главной улице города дома чуть повыше, чем везде. Здесь разместились добротные приземистые особняки местных богачей, кинотеатр с обшарпанными стенами и яркой рекламой, несколько захудалых магазинчиков, торгующих индийскими тканями и европейскими залежалыми товарами, местная почта, конторы ростовщиков и, наконец, двухэтажное здание городского отеля. Правда, слово «отель» мало подходит к этому заведению. Это скорее заурядная деревенская гостиница или харчевня.

В отеле для нас заказан обед. Мы поднимаемся по узкой лестнице вверх. Довольно большая, но неопрятная комната уставлена длинными столами. Сюда же выходят некрашенные, потемневшие от времени двери дешевых номеров. Постояльцев в гостинице много. Сейчас декабрь — сезон для туристов и паломников. «Но в летние месяцы, — жалуется хозяин, — отель почти не приносит дохода».

Около столов, густо засиженных мухами, суетятся слуги. Их трое. Пожилой мужчина с тонкими, как жерди, ногами, в домотканой рубахе и с белой чалмой на голове, и два босоногих мальчугана, лет по тринадцать-четырнадцать. Они раскладывают листья бананов и моют в выдавшем виды ведре медные стаканы. Банановые листья и медные стаканы — основная сервировка брахманского вегетарианского стола.

Вскоре на листьях появляются белые горки отварного риса. Рядом ставятся в медных мисках проперченное кислое молоко и острые овощные соусы. Мы можем приступать к обеду. Ни ложек, ни вилок не полагается. Правда, есть руками я привыкла и даже нахожу, что это не так уж неудобно. Но здесь, мне кажется, не мешало иметь хотя бы ложку. Однако моих индийских коллег это не смущает. Они льют кислое молоко и соусы в рис, размешивают все руками и таким же способом отправляют пищу в рот. Я очень хочу есть и тоже следую их примеру. От острых подливок в горле разгорается настоящее пламя. Я заливаю его мутной теплой водой из неотмытого медного стакана. Напротив меня за столом сидит советник посольства ГДР в Индии Крюгер. На его лице замешательство. «Я никогда не ел руками», — тихо сообщает он мне. Но выхода нет, и Крюгер несмело двумя пальцами берет горстку риса. Я подозреваю, что он так и не поел как следует и остался голодным.

От городка, где мы обедали, до цели нашего путешествия осталось проехать совсем немного. Дует свежий ветер, чувствуется близость океана. Дорога круто сворачивает в сторону, и мы въезжаем в небольшой поселок. Это и есть мыс Коморин. Внизу перед поселком тянется прибрежная полоса, и под яркими лучами солнца голубеет беспредельная океанская ширь. Белые дома под красными черепичными крышами уступами лепятся друг к другу. Во всем облике поселка есть что-то напоминающее испанскую или португальскую деревню. Сходство усугубляется высоким католическим собором, построенным в готическом стиле. Его ослепительно белая громада господствует над домами и песчаным побережьем, поросшим кокосовыми пальмами. С востока улицы поселка вплотную примыкают к рыбацкой деревне.

Здесь, у небольшого пространства южной оконечности Индии, сходятся три моря. Прямо перед мысом расстилается Индийский океан, на западе он незаметно переходит в Аравийское море, на востоке — в Бенгальский залив. Ранним утром на мысе Коморин солнце поднимается из Бенгальского залива, в полдень оно стоит над Индийским океаном и вечером садится в Аравийское море.

К нашим автобусам подбегает шумная толпа гидов и уличных продавцов. Нам предлагают показать достопримечательности, просят

купить открытки и альбомы с видами мыса, приобрести ожерелья и четки из мелких ракушек.

В корзинах у продавцов переливаются всеми цветами радуги крупные океанские раковины и кораллы. На некоторых раковинах искусно выгравированы рисунки с морем и кокосовыми пальмами, изображения храмов. А на одной из таких раковин я увидела эмблему коммунистической партии — серп и молот — и под ней надпись: «Да здравствует Коммунистическая партия Индии!»

Коморин — это европеизированное искаженное слово древнего имени мыса — Кумари. Сведения об этом месте содержатся еще в Пуранах^[18]. В них рассказывается, что когда-то, в далекие времена, в Индии правил император Бхарата. Его владения простирались от самой южной оконечности Индостана до подножия Гималаев. У Бхараты было восемь сыновей и дочь, прекрасная Кумари. Отец разделил свою империю на девять частей. Самая южная область досталась Кумари и называлась Кумари Наду. Кумари оказалась способной и великодушной правительницей. В течение многих лет ее царствования народ жил счастливо, а страна процветала. Согласно преданию, Парасурама, один из земных воплощений бога Вишну, воздвиг статую Кумари на мысе и тем самым положил начало культу Девы Кумари. В более поздний период здесь был сооружен индусский храм, считающийся одним из священных мест страны. Храм стоит на самом краю индийской земли, и океанские волны разбиваются о его каменное подножие.

От бело-оранжевых полосатых стен храма прямо к воде спускается вырубленная в скале лестница. Здесь, у самого берега, против поднимающихся из океана скал Свами Вивекананды, устроены купальни. Вода у подножия храма Девы Кумари считается святой и способной «смыть» все грехи человека. Говорят, что океанские волны с особенной охотой и рвением принимают на себя грехи правоверных индусов, которые совершили предварительное омовение в Ганге или в священном водоеме Папавинасим, расположенном позади храма. Когда я спустилась к побережью, в священной воде стояло несколько одетых в дхоти «грешников». Они набирали солоноватую морскую воду в сложенные ладони и лили ее себе на головы. На их лицах было выражение сосредоточенности и умиротворения. Еще бы! Ведь они

выйдут на берег совершенно «чистыми». В конце концов «священная» вода — вещь весьма полезная в обиходе индуса.

Неподалеку от этого места, со стороны Аравийского моря высится храм в честь Ганди. Он выстроен недавно. Со стороны Индийского океана берег облицован каменным парапетом, который имеет небольшую протяженность. Дальше, за парапетом, тянется открытый песчаный берег — владения рыбаков. Здесь, под пальмами, среди сохнувших долбленых лодок возятся люди. Это — рыбаки-тамилы. На них узкие набедренные повязки или дхоти. Черные, по большей части вьющиеся волосы ничем не прикрыты. Рыбацкий поселок, поднимающийся в гору, довольно большой. На его улицах и в проходах между приземистыми домиками и хижинами лежат лодки, весла, свернутые паруса. Перед домами сушатся натянутые на жерди и изгороди сети. Около некоторых из них сидят женщины и чинят дыры, прорванные острыми рыбьими зубами, осколками камней, отточенными краями раковин. Сюда доносится приглушенный шум океанского прибоя. Предвечерний теплый ветер раскачивает кроны кокосовых пальм. Остро пахнет рыбой, гниющими моллюсками, морской водой.

Около домов, в узких переулках, много, босоногих, а иногда совсем голых ребятишек. Мое появление — целое событие для них. Сначала за мной следует небольшая группа самых смелых мальчишек. Они с любопытством рассматривают мою одежду и особенно цвет кожи, так непохожий на их собственный. Постепенно толпа сопровождающих мальчишек и девчонок растет. Их, наверно, набралось не меньше сотни. Тем, кто оказался сзади, ничего не видно, и они нажимают на идущих впереди. Я останавливаюсь, и передо мной оказывается пятилетний мальчуган с округлившимися от любопытства и страха черными глазами. Я делаю шаг к нему, но он с ревом бросается в толпу. Ребята смеются и знаками показывают, что мои глаза — их светлый цвет для них непривычен — напугали малыша. У меня в кармане завалялась конфета, и я протягиваю ее ревущему мальчугану. Он несмело берет и кладет ее в рот. На лице его удивление и недоумение. Я догадываюсь, что это первая конфета в его жизни. Затем недоумение сменяется удовольствием, и малыш смеется. Но, кажется, я поступила неосторожно. Со всех сторон ко мне тянутся руки. Все хотят тоже попробовать. Я стараюсь объяснить, что у меня нет больше

конфет, мне не верят, и поднимается невообразимый шум. Я отчетливо понимаю, что попала в «переплет». Но шум привлекает взрослых рыбаков, они подходят к нам. Ребята объясняют им, что произошло. Взрослые смеются и быстро разгоняют детвору. У рыбаков мужественные открытые лица и приветливые глаза. Они стараются разговаривать со мной. Но, очевидно, это бесполезно. Я не знаю тамильского языка, а рыбаки не знают ни хинди, ни английского. Мы стоим друг перед другом совершенно беспомощные. Переходим на жесты. Но вдруг быстроглазый паренек лет шестнадцати, смущенный и живой, протягивает ко мне руки и спрашивает:

— Америка?

Я отрицательно качаю головой.

— Англия? Тот же жест.

На лице рыбака недоумение. И немой вопрос: «Ну кто же?»

— Советский Союз, — говорю я.

Лица рыбаков остаются бесстрастными. Ясно, что меня не понимают. Возможно, они и не знают, что есть такая страна.

— Москва, — делаю я последнюю попытку.

— О, Москва! — повторяет сразу несколько человек.

— Спутник! — произносит один из них и показывает в небо.

— Спутник! Спутник! — повторяют голоса, и ко мне тянутся натруженные смуглые руки. Мы обмениваемся рукопожатиями. Потом меня провожают. «Москва!» — кричат рыбаки на прощание.

Все, кто приезжает на мыс Коморин, смотрят восход и заход солнца. Мы были не лучше и не хуже других. Но время нашей экскурсии позволило нам наблюдать только заход. Через песчаные дюны, поросшие тонкими деревьями с мелкой листвой, мы отправляемся пешком с берега Бенгальского залива мимо Индийского океана на берег Аравийского моря. «Путешествие» занимает меньше часа. Мы стоим на высокой дюне, и я вижу, как туристы, экскурсанты и паломники группами тянутся к западной части мыса. Солнце стоит уже низко над горизонтом. Ничто не нарушает вечернюю тишину, даже не слышно людских голосов. И только мерно звучат мягкие удары морского прибоя. Зеленые оперения кокосовых пальм четко выделяются на фоне застывшей беспредельной глади Аравийского моря. Солнце быстро опускается к горизонту. Где-то там у его линии застыли легкие очертания облаков. Кажется, что они совсем не

двигаются. Лучи заходящего солнца окрасили их в розовые тона. Далекий золотой шар солнца медленно уходит за океан. Узкая полоска неба над морем становится красной, а край облаков вспыхивает золотистым цветом. Но вот исчез край солнца, и море окутывает сиреневатая дымка. Она надвигается на берег. Прибрежные скалы, дюны и деревья в ее неверном свете приобретают причудливые очертания. На землю опускаются короткие тропические сумерки. Скоро станет совсем темно. Все спешат покинуть берег. Мы тоже направляемся к своим автобусам. Быстро темнеет, машины включают фары. Снова в путь. Дует прохладный ночной ветер, шумят кроны придорожных деревьев, пронзительно кричат ночные птицы. Три моря тяжело, со вздохами ворочаются где-то внизу. Им, наверно, очень тесно здесь, у небольшого мыса, на краю земли...

Наши друзья

Теплое дружелюбие рыбаков с мыса Коморин не было ни единичным, ни случайным. В Индии сталкиваешься с этим повсюду. В Дели и Агре, Мадрасе и Бомбее, Хайдарабаде и Тривандраме, Аурангабаде и Виджаяваде, в деревнях Андхры и рыбацких хижинах я встречала наших друзей. Мне приходилось беседовать с сотнями людей в Индии, и я, наверно, не назову ни одного из них, кто бы не интересовался нашей страной. Среди моих собеседников были рабочие и крестьяне, интеллигенты и дельцы, студенты и лавочники, помещики и бывшая феодальная знать. Люди различных политических убеждений и взглядов, они относились к нам по-разному, и неодинаков был их интерес. Одни кое-что о нас уже знали, другие только хотели узнать. Я разговаривала с людьми, которые слышали о наших спутниках, но не подозревали об Октябрьской революции. Мне приходилось сталкиваться с индийцами, хорошо знавшими и любившими Льва Толстого, Чехова, Горького и Шолохова. Но иногда оказывалось необходимым объяснять, в какой части света находится Советский Союз. Одни беседовали со мной с открытой душой и не прятали ни своих симпатий, ни своих сомнений. Другие были вежливы, и за этой вежливостью чувствовалась настороженность. Третьи не скрывали своего недоверия, а часто и неодобрения. Но у всех этих разных людей, принадлежавших к различным социальным слоям, не было одного — равнодушия. Их объединяло общее желание побольше узнать о нашей стране. И всегда одних восхищали, а других удивляли те успехи, которых достигла страна социализма за короткий период своего существования.

Круг вопросов, интересовавший индийцев, был очень широк. Они хотели услышать о характере нашей демократии и принципах социалистического планирования, о системе народного образования и о положении женщин, о прогрессе в среднеазиатских республиках и об отношении к религии, о бытовых условиях и о решении проблемы безработицы, о советском кино и спутниках, о дошкольном воспитании и новых методах скоростного строительства, о московском метро и многом, многом другом.

Среди моих собеседников были люди, много думающие и ищущие. Их волновал вопрос, куда идет независимая Индия, каковы перспективы ее развития. Они обращались к нашему опыту, стараясь его правильно осмыслить. Интерес к Советскому Союзу становится тем острее и шире, чем глубже идеи социализма проникают в страну.

Интерес этот давний. Но в колониальный период границы Индии были закрыты и для советских людей и для правдивой информации о нашей стране. Но даже и тогда нашлись люди, не побоявшиеся открыто заявить о своей солидарности и симпатии к Советскому Союзу. В 1941 году в Калькутте возникло первое общество друзей СССР. Вслед за этим такие же общества стали создаваться во многих городах и деревнях страны. В 1944 году в Бомбее собрался I съезд друзей СССР. На съезде было создано Всеиндийское общество друзей Советского Союза. Первым президентом общества стала известная индийская поэтесса и политический деятель Сароджини Найдугупта. С 1946 года организация стала издавать «Индо-советский журнал», который с некоторыми перерывами выходил до марта 1962 года. На пути деятельности общества стояло немало трудностей. В то же время интерес и симпатии к Советскому Союзу продолжали расти. После создания независимой Республики Индии ее связи с СССР стали крепнуть и расширяться. В 1951–1952 годах были проведены первые фестивали советских фильмов в Бомбее, Калькутте и Мадрасе, прибыли первые советские пароходы с пшеницей, приехали первые советские делегации. Малочисленная организация, какой было Общество друзей Советского Союза, уже не могла удовлетворять тот интерес к СССР, который все рос и захватывал самые разные слои индийского населения. Возникла настоятельная необходимость в реорганизации старого Общества, превращения его в массовую и дееспособную организацию дружбы и культурной связи с СССР.

На заседании Бомбейского общества друзей СССР летом 1951 года было решено провести такую реорганизацию. 14 марта 1952 года на учредительной конференции в Бомбее было создано новое Индо-советское общество культурных связей. Устав общества, принятый на конференции, считал главной задачей новой организации «всемерное содействие установлению более тесных культурных связей между народами Индии и СССР для укрепления взаимного понимания и отношений доброй воли». Президентом Общества стал Анаппа Витал

Балига, член Комитета сторонников мира, видный бомбейский хирург. Цели и задачи новой организации привлекли к ней людей различных политических взглядов и убеждений. Приблизительно раз в два года Общество созывает всеиндийские конференции. Обществом руководит Национальный Совет. В него входят сто человек. В их числе адвокаты, врачи, писатели, художники, ученые, члены парламента, известные борцы за мир, такие, как С.С.Сокхей и С.Китчлу. Повсюду в стране возникают филиалы Индо-советского общества культурных связей. В 1952 году их было совсем немного. На IV конференции Общества, которая проходила в Бангалуре в 1958 году, собрались представители 60 филиалов. Сейчас их около 135, и это только зарегистрированные. Но повсюду есть и незарегистрированные, только что созданные общества индо-советской дружбы. По официальным данным, в Индо-советском обществе культурных связей активно сотрудничают свыше 10 тысяч человек. На самом деле их гораздо больше. Общество имеет свой кварталный журнал. В нем освещается деятельность филиалов, публикуются статьи о Советском Союзе.

Почти в каждом крупном городе Индии помимо Общества культурных связей существуют клубы индо-советской дружбы, работают кружки по изучению культуры Советского Союза. Филиалы Общества в Бомбее, Мадрасе, Хайдарабаде, Майсуре, Лакхнау, Калькутте пользуются заслуженной популярностью среди тысяч горожан. Инициаторами создания обществ индо-советской дружбы зачастую являются самые разные люди. В штате Уттар Прадеш есть небольшой город Фаррухабад. До 1956 года там не было никаких индо-советских организаций, а его жители мало знали о Советском Союзе. И вот молодой бизнесмен Джаган Натх Бахл однажды по делам своей фирмы отправился в Дели. Там он встретил людей, которые рассказали ему о деятельности Индо-советского общества культурных связей. Бизнесмену понравилось, что через общество можно знакомиться с жизнью Советского Союза. Бахл вернулся в Фаррухабад с уже созревшим решением. Реализацию его он решил не откладывать. На следующий день он посоветовался с «отцами города», и те дали согласие. Так в Фаррухабаде стал действовать филиал Индо-советского общества культурных связей. В его работу включились и члены законодательного собрания штата и члены муниципалитета. В Фаррухабаде стали регулярно отмечать годовщину Октябрьской

революции. В 1957 году в городе прошли пушкинские торжества. Выставку, посвященную достижениям Советского Союза, посетили десятки тысяч горожан. Число активных членов Общества растет с каждым годом.

Фаррухабадская организация не единственная в этом штате. Индо-советское общество культурных связей Уттар Прадеш имеет несколько десятков отделений в различных районах штата. В марте 1960 года в Лакхнау состоялась первая конференция местных организаций индо-советской дружбы. Во время конференции демонстрировались советские фильмы, была организована выставка советских книг, прочитаны доклады о Советском Союзе. К конференции была издана иллюстрированная брошюра об индо-советских связях. Конференция обсудила и меры по расширению числа членов Общества, и вопросы организации лекций о Советской Союзе, и проблему распространения советской литературы в штате. Заседания длились по 12 часов в день.

Деятельность Индо-советского общества культурных связей богата и многогранна. Общество принимает наши делегации, организует тысячные аудитории для выступлений их членов. В Индию приезжают советские артисты, и Общество помогает им найти доступ к широким массам зрителей. Память о выступлениях наших артистов сохраняется долго. Когда я приехала в Хайдарабад, многие мне рассказывали о Рашиде Бейбутове и Майе Плисецкой. Показывали бережно хранимые программы их концертов. А они были в городе несколько лет тому назад. Однажды в Хайдарабад приехала труппа кукольного театра С.Образцова со спектаклем «Алладин и волшебная лампа». И хотя предварительной рекламы почти не было, хайдарабадцы быстро узнали о предстоящих гастролях. Труппа пробыла в городе всего два дня. И оба дня помещение, где проходили спектакли, было заполнено до отказа. Билеты были раскуплены в первый же день. Сотни желающих так и не смогли попасть на представления. А когда советские актеры уехали, в книжных магазинах Хайдарабада в несколько дней раскупили все учебники русского языка.

Почти при каждом отделении Индо-советского общества культурных связей вы найдете библиотеки советской литературы. Там можно прочесть произведения Л.Толстого, Чехова, Горького, Шолохова, Н.Островского, Федина, Фурманова и многих других. Книги о нашем пятилетнем плане, о советской культуре всегда

пользуются большим спросом. А в Лакхнау, например, существует даже специальная чеховская библиотека. Библиотеки не только в таких городах, как Дели, Бомбей, Калькутта, Мадрас и т. д., но и в деревнях. Как-то мне довелось побывать в одной из деревень Южной Андхры. В библиотеке, созданной местными активистами, я обнаружила журналы «Советский Союз» и «Советская женщина», книгу В.Полевого «Повесть о настоящем человеке» и Н.Островского «Как закалялась сталь». Один деревенский паренек спросил меня, правда ли, что Павка Корчагин действительно жил, или писатель его придумал. Видно, летчик Мересьев и Павел Корчагин не просто пришли в эту далекую индийскую деревню, но и заняли свое место в душах крестьян.

На ежегодных промышленных выставках в штатах появляются специальные лотки с советской литературой. Нередко в роли продавцов выступают активисты Индо-советского общества.

Фильмы — вот что, пожалуй, наиболее полно и ярко дает представление о жизни Советского Союза. При Национальном совете Индо-советского общества организована специальная киносекция. Она снабжает отделения Общества советскими документальными, а иногда и художественными фильмами. В крупных городах регулярно проводятся фестивали советских фильмов. Но спрос на фильмы огромен. Ежедневно в киносекцию поступают десятки, а иногда и сотни заявок на советские фильмы. Их просят колледжи и школы, блоки общественного развития и молодежные организации, женские союзы и кооперативные общества. Одни хотят увидеть, как живут советские женщины, других интересуют колхозники Узбекистана, третьим нужен фильм о спутниках. А фильмов не хватает. Их недостаточно и в фильмотеке нашего посольства. Появляются новые, более оперативные формы демонстрации советских фильмов — киноавтобусы. В один из весенних месяцев 1959 года такой киноавтобус появился на улицах крупных городов. Он провел 27 сеансов, на которых побывало более 60 тысяч человек. Советский фильм о спутнике месяцами задерживался на экранах кинотеатров, и каждый день приносил полный сбор. На промышленной выставке в Хайдарабаде однажды демонстрировали советские документальные фильмы. Небольшая площадь перед экраном была запружена людьми. Протиснуться было очень трудно.

Но в Индии хотят видеть не только фильмы. Большое число посетителей обычно привлекают выставки о Советском Союзе. В последние два-три года особым вниманием пользовались выставки: «Интерес советских людей к культуре Индии», «Потребительская кооперация в СССР», «Завод в Бхилаи пущен», «40 лет советского кино», «Атом в мирных целях», выставки о советских республиках. Только в Майсуре выставку «Потребительская кооперация в СССР» посмотрело 26 тысяч человек, а «Атом в мирных целях» — 16 тысяч. В пенджабском городе Бхаратпуре организовали выставку, посвященную творчеству Репина. Она пользовалась большим успехом у жителей города.

Русский язык изучают не только в Османском университете в Хайдарабаде. Отделения русского языка открыты в Делийском университете, а также в университетах Калькутты и Бомбея. Но этого оказалось недостаточно. Желающих учить русский язык очень много. Поэтому Национальный совет Индо-советского общества культурных связей организовал курсы русского языка при своих филиалах. Так возникли группы изучающих русский язык в Дели, Бомбее, Калькутте, Канпуре, Мадрасе, Аллахабаде, Майсуре, Бангалуре, Гвалиуре, Газиабаде, Морадабаде. В Канпуре курсам русского языка было присвоено имя выдающегося советского индолога академика А.П.Баранникова. Майсурская группа изучающих русский язык объединяет более 120 человек. В Бомбее пришлось создать вторую группу русского языка, так как наплыв желающих был очень велик. В Калькутте учащиеся курсов издают свой ежеквартальный журнал «Спутник» на бенгальском языке. В советские представительства в Индии поступает немало просьб помочь изучающим русский язык консультациями, методическими советами, преподавателями.

При Индо-Советском обществе культурных связей и некоторых его отделениях существуют секции друзей по переписке. Стремление к личным контактам с советскими людьми, особенно у молодежи, велико. Мне много раз приходилось встречаться со студентами и школьниками, которые просили связать их с советскими юношами и девушками. Одних интересовали почтовые марки, других — открытки. Но большинству хотелось иметь советского друга и обсудить с ним волнующие вопросы. В Советский комитет молодежных организаций и Советско-индийское общество культурных связей ежедневно

приходят письма из Индии. Наши друзья просят написать им о жизни в Советском Союзе, ответить на их вопросы, наладить переписку с людьми, близкими им по интересам и профессии. И из СССР в Индию идут сотни писем. Секция друзей по переписке при Индо-советском обществе культурных связей сейчас насчитывает свыше полутора тысяч активных членов.

В Хайдарабаде мне не раз приходилось читать лекции и беседовать о нашей стране в женских организациях, женских школах и колледжах. И каждый раз меня просили: «Расскажите о советских женщинах». О многом индийские женщины не знали или имели неправильное представление. Но в них всегда чувствовалось желание правильно во всем разобраться и большое доверие. Немало женщин участвует в деятельности Индо-советского общества культурных связей. При Обществе учреждены специальные женские секции. Такие секции действуют в Дели, Газибаде, Аджмире, Каяпуре, Аллахабаде, Бомбее, Патне, Лакхнау, Калькутте, Джамшедпуре, Агре и т. д.

Как-то в Бомбее я зашла в книжный магазин. На одном из прилавков лежали книги русских и советских авторов на английском, хинди, урду, маратхи. Около прилавка стояло несколько человек. Высокий юноша в дхоти держал томик рассказов Чехова.

— А у вас нет пьес Чехова? — обратился он к продавцу. — Я слышал о них в нашем Индо-советском обществе. Говорят, они очень хороши.

— Пьесы были, но теперь уже распроданы. Я разговорила с продавцом. Да, в Бомбее спрос на русскую и советскую литературу большой. И он растет с каждым годом. Особенно это чувствуется после того, как бомбейское отделение Индо-советского общества культурных связей отметило годовщины Пушкина, Л.Толстого, Чехова, Горького. Он сам член этого Общества и на собраниях, посвященных русским писателям, узнал много нового. И не только он. Вот теперь многие приходят сюда и спрашивают книги Чехова и Толстого. Юбилейные даты, связанные с именами великих русских писателей, отмечались не только в Бомбее.

В Обществе можно узнать об СССР и получить правдивую информацию, можно обменяться взглядами, принять участие в дискуссиях и семинарах, посвященных различным вопросам жизни Советского Союза.

Так, делийским отделением Общества в дни празднования 40-летия Октябрьской революции был организован интересный семинар. В семинаре приняло участие около 400 человек — профессора и преподаватели Делийского университета и колледжей, представители столичной интеллигенции. Были прочитаны и обсуждены доклады: профессора Ашрафа «Октябрьская революция и освободительное движение в Индии», профессора Саламатулла «Образование в СССР» и представителя Союза советских обществ дружбы тов. Добросельской «Права советской женщины». Подобный семинар состоялся и в Патнале.

Давно уже прошли те времена, когда в Индию проникали скудные и часто неверные сведения о Советском Союзе. Теперь Республика Индия принимает ежегодно советские делегации и посылает к нам свои. Руководители Советского правительства приезжают в Индию, и индийские государственные деятели посещают Советский Союз. Мы помогаем Индии создавать свою независимую экономику, строим там заводы, снабжаем ее поля сельскохозяйственными машинами. Миротворчивая внешняя политика СССР и его последовательная борьба за мир находят в Индии всемерную поддержку. В последнее время между обеими странами заключен ряд экономических и культурных соглашений. Дружба растет. Эта дружба встречает советских людей в Индии. Почему дружба? Потому что мы приезжаем в Индию как ее друзья. А для друзей всегда открыты сердце и душа индийского народа.

1

Тонга — двухколесная тележка для перевозки пассажиров.

2

Ширвани — мужская верхняя одежда, напоминающая длиннополый сюртук, носят преимущественно мусульмане.

3

Салар Джанг — наследственный титул одной из крупнейших семей хайдарабадских феодалов.

4

Сарапа — старинная верхняя одежда мужчин-мусульман, напоминающая кафтан.

5

Дхоби — профессиональные стиральщики белья, относившиеся раньше к касте «неприкасаемых».

6

Свами — святой.

7

Упанишады — древние религиозно-философские сочинения на санскрите.

8

Табла — ударный инструмент, напоминающий небольшой барабан.

9

Шамина — большой тент.

10

Самоса — жареные пирожки треугольной формы с овощной или мясной начинкой.

11

Ситара — музыкальный щипковый инструмент.

12

Банде Матарам — гимн партии Индийский национальный конгресс.

13

Хариджаны — сельскохозяйственные рабочие; ранее принадлежали к неприкасаемым кастам.

14

С 1960 г. Бомбей является столицей нового штата Махараштра.

15

Покора — пирожки с начинкой из бобовых.

16

Чapati — пресная лепешка.

17

Лингам — предмет поклонения секты шиваитов.

18

Пураны — памятники древнеиндийской литературы на санскрите.